И 116/704

116
704

ОПИСАНІЕ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

1-го КАВКАЗСКАГО СТРѢЛКОВАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

БАТАЛІОНА

ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ 1877-го—1878-го ГОДОВЪ.

Составили того же баталіона штабсъ-капитанъ *Курочкинъ* и прапорщикъ *Серпѣевъ*.

ТИФЛИСЪ.

Печатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, въ типографіи Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1881.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
20978-44

2007231731

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.

ГЛАВА I.

Мобилизація баталіона. Выступленіе изъ г. Тифлиса. Озургеты. Экадія. Переходъ черезъ границу и дѣло 13-го апрѣля. Полученіе первыхъ георгіевскихъ крестовъ.

Осенью 1876-го года мы были еще заняты мирнымъ обученіемъ солдатъ. Войны никто изъ насъ не ожидалъ, даже и въ возможность ея невѣрили, но всѣ до единаго, можно сказать, жаждали ея; съ увлеченіемъ читались газеты, чтобы найти тамъ хотя намекъ на вѣроятность разрыва Россіи съ Турціею. Между тѣмъ, по всему видно было, что что-то въ политикѣ не ладно; всѣ находились въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, которое должно было чѣмъ нибудь да кончиться. Долгое ожиданіе томило и тяготило всѣхъ.—Часто какую нибудь газетную новость или базарный слухъ принимали за конецъ ожиданіямъ и они возбуждали страшный энтузіазмъ..... Однако, скоро наставало разочарованіе.—Наконецъ, въ ноябрѣ послѣдовало распоряженіе о мобилизаціи, а затѣмъ, начали прибывать люди, изъ запаса, на укомплектованіе баталіона. Пошла лихорадочная дѣятельность, баталіонъ становился на военную ногу.

Призывные поступали изъ слѣдующихъ уѣздовъ воронежской губерніи: острогожскаго—унтеръ-офицеровъ 6-ть, рядовыхъ 30-ть, нестроевыхъ 6-ть, всего 42; бобровскаго—унтеръ-офицеровъ 21, музыкантовъ 3, рядовыхъ 257-мь, нестроевыхъ 16-ть, всего 297-мь; новохоперскаго—унтеръ-офицеровъ 44-ре, музыкантовъ 10-ть, рядовыхъ 145-ть, нестроевыхъ 4-ре, всего 203.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1876-го года призывные всѣ прибыли и составъ баталіона, вмѣстѣ съ кадровыми нижними чинами, къ 15-му декабря былъ слѣдующій: унтеръ-офицеровъ 131-нъ, музы-

кантовъ 30-ть, рядовыхъ 859-ть, нестроевыхъ 86-ть, всего 1106-ть. Въ январѣ мѣсяцѣ 1877-го года, баталіонъ былъ въ полной готовности къ выступленію въ походъ.—Ночью, 28-го марта, было получено приказаніе баталіону выступить 31-го марта по поти-тифлисской желѣзной дорогѣ въ городъ Озургеты и войти въ составъ войскъ при-ріонскаго края, а именно—кобулетскаго отряда. По полученіи приказанія, чины баталіона тотчасъ же горячо взялись за дѣло и, втеченіи семнадцати часовъ, тяжести и обозъ состава военнаго времени доставлены были на вокзалъ и нагружены въ вагоны.—Жарко спорилась работа у стрѣлковъ, давно жаждавшихъ показать себя достойными потомками героевъ, которые сдѣлали извѣстнымъ баталіонъ славными дѣлами подъ Анди, Дарго, Кюрюкъ-Дара и другими, выпадавшими на ихъ долю и оставили молодому поколѣнію георгіевское знамя, Августѣйшаго шефа Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича и славное имя храбрыхъ гамборскихъ стрѣлковъ.

Въ 8¼ часовъ утра 31-го марта, во дворцѣ, баталіонный знаменщикъ, бравый фельдфебель изъ запасныхъ Кондратъ Глотовъ, перекрестясь, съ благоговѣніемъ принялъ знамя изъ боевыхъ рукъ Августѣйшаго шефа, изволившаго собственноручно передать эту воинскую святыню еще не испытанной въ бояхъ молодежи; чувства, наполнявшія сердца въ эту минуту, не передать перомъ. . .

Къ 9-ти часамъ, знамя было принесено къ баталіону, выстроенному въ полной походной боевой аммуниціи на нижнемъ плацу, передъ своими казармами.

Въ 9¼ часовъ прибыли къ баталіону Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна и Великіе Князья Николай и Михаилъ Михайловичи. Въ присутствіи Ихъ Высочествъ было отслужено напутственное молебствіе, при чемъ на походномъ аналоѣ лежалъ образъ Спасителя, неоцѣненный для насъ, выступавшихъ, подарокъ Великой Княгини.

По окончаніи молебна Его Императорское Высо-

чество Главнокомандующій, пожелавъ баталіону счастливаго пути, пропустилъ его мимо Себя церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ, въ сопровожденіи Августѣйшаго Семейства, при громадномъ стеченіи публики,—баталіонъ съ пѣснями и хоромъ корпусной музыки, направился къ вокзалу. Веселыя лица большинства стрѣлковъ ясно говорили, что имъ незнакомы еще послѣдствія боя и сопряженныя съ ними трудности, а можетъ быть и страданія,—вообще, такъ сказать, оборотная сторона медали.

Въ 11-ть часовъ раздался послѣдній свистокъ оберъ-кондуктора и поѣздъ, въ присутствіи Ихъ Высочествъ, тронулся съ мѣста. Моментъ былъ торжественный: баталіонные пѣвчіе запѣли „Мы дружно на враговъ и т. д.“.... а изъ груди остальныхъ вырвалось восторженное „ура!“. Это было не то „ура“, которое часто слышалось въ иныхъ случаяхъ нашей мирной обстановки,—здѣсь слышалась могучая сила, рвавшаяся стать лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Въ то же время на дебаркадерѣ желѣзной дороги обнажились головы, замахали бѣлые платки, покатились слезы изъ глазъ присутствовавшихъ родныхъ и знакомыхъ—а хоръ корпусной музыки заигралъ „стрѣлковый маршъ“.

Въ полдень 1-го апрѣля, мы были на станціи Самтреди, а вечеромъ того-же числа въ м. Орпири, гдѣ и получили отъ командира сапернаго баталіона полковника Иванова, маршрутъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ г. Озургеты. Въ Орпири насъ радушно встрѣтили офицеры сапернаго баталіона и угостили ужиномъ. 3-го числа мы выступили въ г. Озургеты и двигались согласно росписанія. Больныхъ и отставшихъ небыло, хотя погода была дождливая и дорога очень грязная, вслѣдствіе чего, на долю солдатъ выпала нелегкая работа—помогать двигаться обозу.

3-го апрѣля баталіонъ вступилъ въ г. Озургеты (¹) гдѣ былъ встрѣченъ музыкою мѣстнаго баталіона и начальникомъ войскъ при-ріонскаго края генералъ-лейтенантомъ Оклобжіо, который осмотрѣвъ насъ—пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ. Затѣмъ, по указанію начальника отряднаго штаба полковника Казбека, мы направились въ бараки устроенные въ 4-хъ верстахъ за городомъ,—

на горѣ Экадіи. Здѣсь насъ встрѣтили 2-й кавказскій стрѣлковый (командиръ полковникъ Макѣевъ) и 1-й пластунскій баталіоны (командиръ полковникъ Козелковъ).

Вечеромъ 3-го числа, по обычаю, существующему у кавказцевъ, 2-й баталіонъ сдѣлалъ намъ встрѣчу: офицерамъ, въ видѣ роскошно приготовленнаго ужина, а нижнимъ чинамъ—борща и каши, съ чаркою водки. Тутъ же присутствовалъ и полковникъ Казбекъ, который предложилъ тостъ за насъ „храбрыхъ гамборцевъ—будущихъ батумцевъ". Тостъ единодушно былъ поддержанъ всѣми присутствовавшими на ужинѣ.

Съ 4-го по 12-е апрѣля, баталіонъ занимался учебною стрѣльбою и несъ сторожевую службу. Часто, въ особенности, въ первое время, въ свободные часы, офицеры ѣздили въ Озургеты покупать необходимыя въ походной жизни вещи. За все платили очень дорого: не смотря на то, что война еще объявлена небыла,—недостатокъ и дороговизна уже чувствовались во всемъ.—Лошади вмѣсто сѣна и ячменя должны были довольствоваться кукурузой и чалой (чала—стебель кукурузы).

На скуку нежаловались,—новизна обстановки, неизвѣстное будущее, дружно сомкнувшееся общество, во главѣ съ умѣвшимъ повеселиться командиромъ баталіона—подполковникомъ княземъ Барятинскимъ,—все это вмѣстѣ смягчало разлуку съ родными и близкими намъ людьми. Случалось, что нѣкоторые офицеры, нѣсколько разъ, ѣздили на турецкій пограничный чолокскій постъ, гдѣ турецкіе офицеры съ удовольствіемъ встрѣчая насъ, угощали кофе и показывали оружіе, коимъ вооружена турецкая армія и которое между прочимъ, было крайне разнообразно,—здѣсь были ружья системъ Снайдера, Пибоди-Мартини и магазинное. Просидѣвъ въ гостяхъ часъ, другой,—мы любезно разставались, обѣщая на убѣдительныя просьбы посѣщать ихъ и впредь.

8-го апрѣля генералъ Денибековъ осматривалъ нашъ вьючный обозъ и пригонку шанцеваго инструмента.

Во все время стоянки баталіона на Экадіи, больныхъ было очень мало. Такъ проходило время, когда приказомъ по отряду съ 11-го на 12-е число было назначено перейти границу.

Баталіонъ вошелъ въ составъ средней колонны, подъ начальствомъ генерала Денибекова. Съ часу дня и всю ночь, мы провели въ укладкѣ и уборкѣ вещей. Утромъ 12-го числа, въ 6-ть часовъ, баталіонъ спустился съ горы Экадіи.—Было грязно, шелъ мелкій дождь, лошади падали, выюки спадали, навыка водить лошадей и тѣни небыло. Кромѣ насъ, у подошвы горы расположились въ походномъ порядкѣ и другія части, вошедшія въ составъ этой колонны.

Въ 7-мь часовъ пріѣхалъ командовавшій кавказскою стрѣлковою бригадою флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ—попрощаться съ частями бригады. Только что онъ окончилъ задушевныя слова, обращенныя къ стрѣлкамъ, какъ пріѣхалъ генералъ Денибековъ, поздоровался, осмотрѣлъ ввѣренную ему колонну и двинулъ ее, въ походномъ порядкѣ, къ турецкой границѣ, до которой было всего верстъ 11-ть. Пройдя три версты, генералъ приказалъ остановиться и построилъ колонну „покоемъ“. По срединѣ былъ поставленъ аналой, священникъ былъ на лице, но молебствіе не начиналось—ожидали прочтенія манифеста.

Въ 8-мь часовъ началось молебствіе. Молебствіе уже кончилось, а манифестъ, почему то, не былъ прочитанъ. Начальникъ колонны объявилъ, что мы должны сегодня перейти турецкую границу, пожелалъ успѣха и скомандовалъ двигаться. Перестроившись, колонна, имѣя во главѣ храбраго кавказскаго генерала, смѣло и рѣшительно двинулась впередъ. Быстро прошли мы 8-мь верстъ, отдѣлявшія насъ отъ турокъ, и, съ восторженнымъ „ура“, бѣгомъ, перебѣжали рѣку Чолокъ, служившую границею. Офицеры баталіона, на бѣгу, выпили по бокалу шампанскаго посреди рѣки. О будущемъ недумали, прошедшее было забыто! Первый шагъ сдѣланъ успѣшно, безъ затрудненій, безъ крови и жертвъ, и проглянувшее солнышко, дополняя въ этотъ мигъ картину, обогрѣло насъ своими лучами. . . . Турецкая пограничная стража, безъ сопротивленія, до нашего прихода, оставила свои посты, такъ что генералъ Денибековъ, со штабомъ, расположился на самомъ посту. Отъ колонны, тутъ же по рѣкѣ, была выставлена сторожевая цѣпь и войска занялись варкою пищи.

13-го апрѣля ночь была холодная, такъ что очень многіе

неспали. Въ 6-ть часовъ утра войска стали въ ружье; у насъ въ баталіонѣ ротные командиры прочли Высочайшій Манифестъ объ объявленіи войны. Во время этого чтенія, къ баталіону подъѣхалъ генералъ Денибековъ и едва успѣлъ осмотрѣть баталіонъ, какъ въ лѣсу, бывшемъ передъ нами, раздался одинъ, затѣмъ другой, ружейные выстрѣлы. Въ чемъ дѣло,—никто незналъ, но черезъ нѣсколько минутъ, изъ лѣса стремительно пронеслись три всадника кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, а за ними лошадь, безъ сѣдока. Это былъ разъѣздъ, высланный для освѣщенія мѣстности. Кобулетецъ, мѣткимъ выстрѣломъ, изъ засады, ссадилъ одного, а остальные, бросивъ раненаго товарища, прискакали къ намъ на позицію. Тотчасъ же послѣ означеннаго случая, колонна двинулась впередъ. Двигались въ слѣдующемъ порядкѣ: въ головѣ шли пластуны, за ними горная батарея, за батареею баталіонъ, выславъ въ боковыя цѣпи—вправо, полуроту отъ роты Его Высочества, а влѣво—отъ 3-й роты. Болѣе часа пришлось намъ пробираться лѣсомъ по узкой, грязной дорогѣ.

Выбравшись изъ лѣса, мы начали спускаться къ ручью; тутъ правая боковая цѣпь присоединилась къ баталіону. Передовые пластуны наткнулись на обезглавленный трупъ убитаго всадника кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, бывшаго въ разъѣздѣ. По приказанію командира баталіона, нѣсколько стрѣлковъ отнесли трупъ въ сторону отъ дороги, въ кусты, чтобы спрятать его пока пройдетъ колонна; несмотря однакожь на это, почти каждый изъ насъ видѣлъ первую жертву войны и слѣды звѣрства турокъ.... Снимая шапку и крестясь, проходили мы мимо трупа; ожесточеніе и рѣшимость отплатить туркамъ за боеваго товарища видна была на лицѣ каждаго.

Въ 10-ть часовъ утра, пластуны остановились; колонна стянулась вплотную. Окружающая мѣстность представляла слѣдующій видъ: налѣво отъ насъ вилась по горѣ узкая дорога; направо отъ горы ущелье; впереди крутая, покрытая лѣсомъ, возвышенность, отъ которой насъ отдѣляла большая, лѣсистая же, котловина. На возвышенности, нами занятой, между деревьями, виднѣлись сакли, а у подножія, на полянкѣ, стояла мечеть. Впередилежащую крутую

возвышенность надобно было занять во что бы то ни стало. Цѣпь опытныхъ пластуновъ, закаленныхъ въ кавказской войнѣ, ползкомъ и ловкими перебѣжками стала подвигаться къ ней и быстро перешла встрѣтившійся ручей. Турки находились на этой возвышенности; вотъ просвистала одна пуля, за ней другая, третья,—новинка прошла и пулямъ счетъ потерянъ. Такъ какъ многія пули перелетали и падали въ тылу колонны, то и послышались голоса, что въ насъ стрѣляютъ сзади и съ боковъ. Чтобы обезпечить нашъ лѣвый флангъ, приказано было командиру 4-й роты занять гору налѣво и присоединиться къ баталіону не раньше смѣны ротою отъ 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона.—Приказаніе это было исполнено быстро и въ точности.

2-я рота двинулась прямо по тропинкѣ, за пластунами, а третья—лѣвѣе ея. Какъ только 3-я рота поднялась на вершину, ружейный огонь замѣтно усилился. У насъ явились раненые; крики: «позвать доктора, фельдшера, санитаровъ»—учащались и учащались. Наконецъ были подняты два орудія горной батареи; нѣсколько мѣткихъ орудійныхъ выстрѣловъ ободрили нашихъ; 1-ю роту разсыпали правѣе батареи (такимъ образомъ она находилась правѣе 2-й роты); артилеристы, подъ страшнымъ огнемъ, молодецки работали. Здѣсь, командиръ батареи полковникъ Мусхеловъ былъ тяжело раненъ въ ногу (*) и уносимый санитарами, прощаясь, уговаривалъ артилеристовъ твердо стоять и свято выполнить присягу. Въ мечети, на полянѣ, былъ устроенъ перевязочный пунктъ; раненыхъ было много и врачамъ предстояла нелегкая работа.

Черезъ часъ, огонь кобулетцевъ началъ слабѣть. Пользуясь этимъ, мы быстро перешли въ наступленіе и сбили ихъ съ гребня горы Легва; тутъ къ намъ присоединился 2-й баталіонъ. Занявъ гребень высоты, мы остановились перевести духъ; приказано было снять ранцы, тяжесть которыхъ дѣлалась очень чувствительною. Неуспѣли еще порядкомъ отдохнуть, какъ получено было приказаніе быстро, безъ ранцевъ, отправить полуроту на противополож-

(*) Полковникъ Мусхеловъ былъ раненъ въ чашку колѣна.

Авт.

ный высокій хребетъ, отдѣленный отъ насъ замѣчательно глубокимъ оврагомъ. Была послана полурота 1-й роты, подъ командою прапорщика Преображенскаго, которая и заняла высоту безъ выстрѣла. Такъ какъ отсюда вдали виднѣлись колонны непріятеля, то на означенный хребетъ, послѣ, былъ двинутъ и весь баталіонъ.

Съ занятаго нами хребта, взору открывалось все пространство до высотъ Аламбара и оставленные турками муха-эстатскіе бараки, къ которымъ, какъ мы видѣли, подходила уже наша кавалерійская колонна. На высотѣ мы залегли и оставались здѣсь до 8-ми часовъ вечера, ведя все время незначительную перестрѣлку (*). Въ это время остальныя части, подъ нашимъ прикрытіемъ, прошли на Муха-эстате, оставивъ часть колонны на крайнемъ правомъ флангѣ Легвы, куда подошелъ къ 11-ти часамъ ночи баталіонъ и расположился на ночлегъ, лѣвѣе 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Въ теченіи всего дня, баталіону, въ горячія минуты, патроны доставлялись лично завѣдывавшимъ оружіемъ, подпоручикомъ Побыванцемъ.

Потеря 13-го числа была: ранено—унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 6-ть (²).

Утромъ 14-го числа, рота отъ баталіона вышла смѣнить цѣпь, расположенную на очень близкомъ разстояніи отъ мѣста ночлега. Непріятель, пользуясь пересѣченною мѣстностью, громадными деревьями и кустарникомъ, подошелъ отдѣльными партіями и началъ осыпать градомъ пуль цѣпь и мѣсто нашего расположенія; къ счастью нашему, пули перелетали черезъ головы и потеря, съ нашей стороны, была самая незначительная—убитъ одинъ фельдфебель 4-й роты Глотовъ и раненъ одинъ стрѣлокъ.

Слѣдующіе дни кобулетцы думали продѣлывать тоже что и 14-го, но наши стрѣлки, ознакомившись съ мѣстностью и пріемами врага (перебѣгать, послѣ только что сдѣланнаго выстрѣла, отъ одного дерева къ другому), начали посылать свои пули навѣрняка. Къ сожа-

---

(*) Здѣсь фельдфебель 1-й роты Новиковъ (изъ призывныхъ), пулею ссадилъ одного изъ всадниковъ, мелькавшихъ въ лѣсу, на разстояніи 1500-ть шаговъ.

Авт.

лѣнію горная батарея безцѣльно растратила свои снаряды и была снята съ позиціи; вмѣсто нея, къ намъ приданъ былъ взводъ 9-ти фунтовой батареи, подъ командою штабсъ-капитана Дмитріева, который и оставался съ нами, на этой позиціи, до 29-го апрѣля. Мѣсто нашего расположенія было самое неудобное: небольшой косогоръ съ вязкимъ и скользкимъ глинистымъ грунтомъ. Стрѣлки построили себѣ шалаши, а офицеры помѣстились въ палаткахъ. Частые дожди дѣлали стоянку окончательно невыносимою; шалаши проваливались, сползали въ оврагъ,—люди часто съѣзжали, какъ говорится, «на салазкахъ» мимо палатокъ къ баталіонному маркитанту. Больныхъ небыло, настроеніе было непонятно веселое; на свистъ пуль, изрѣдка пускаемыхъ къ намъ турками, не обращалось никакого вниманія. Иногда эти пули даже вызывали всеобщій смѣхъ, напримѣръ: бывало, соберутся человѣкъ десять въ палатку къ маркитанту, а тутъ какъ тутъ, является незванная гостья—пуля, пробиваетъ палатку и шлепнувшись о древко, падаетъ на ящикъ, не задѣвая никого; тогда мигомъ выскакиваютъ всѣ вонъ, а прикащикъ-армянинъ, трясясь, прячется за дерево, кляня войну и прибыльный гешефтъ. . . . Такимъ образомъ являлась пища для остротъ и различныхъ каламбуровъ, ничѣмъ не занятыхъ стрѣлковъ.

Офицеры развлекались тѣмъ, что въ цѣпи пили чай, кофе и, можно сказать, охотились на кобулетцевъ: бывало, соберутся нѣсколько человѣкъ, высмотрятъ въ бинокли кобулетцевъ, а затѣмъ по командѣ одного, продолжавшаго наблюдать въ бинокль, дѣлаютъ залпъ и съ помощію биноклей, повѣряютъ результатъ огня.

Находясь все время въ передовой цѣпи, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, имѣя почти каждый день перестрѣлку, занимая аванпостную цѣпь,—баталіонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдѣлялъ часто отъ себя роту для конвоированія транспорта въ Озургеты; кромѣ того высылалась рота въ караулъ къ ставкѣ командовавшаго ріонскимъ отрядомъ, а также назначались команды для караула и пастьбы отрядныхъ черводарскихъ лошадей.

17-е апрѣля было ознаменовано тѣмъ, что изъ числа, отличившихся 13-го и 14-го чиселъ, двумъ фельдфебелямъ, Щербакову

—2-й роты и Груздову—4-й роты, начальникомъ отряда, у своей ставки, были навѣшены георгіевскіе кресты (3). Когда молодые кавалеры приблизились къ баталіону, стрѣлки были вызваны въ ружье, и, по командѣ князя Барятинскаго, баталіонъ отдалъ честь получившимъ Царскую награду. Послѣ этого, поздравленія врозь, качаніе съ припѣвомъ «еще дай Боже» и проч. продолжались еще долго, до пріѣзда командовавшаго ріонскимъ отрядомъ къ намъ на позицію.

Поздравивъ баталіонъ съ георгіевскими кавалерами, генералъ Оклобжіо объявилъ, что по его ходатайству, Его Императорское Высочество Главнокомандующій кавказскою арміею изволилъ разрѣшить отпускать нижнимъ чинамъ, на варку пищи, по 1½ фунта мяса.

ГЛАВА II.

Взятіе высоты Аламбара 29-го апрѣля. Погребеніе поручика Мищенко-Анисимова. Взятіе Хунубани. Парадъ 6-го мая на Хунубани. Переходъ баталіона на денибековскій курганъ. Тревога въ турецкомъ лагерѣ. Случай съ штабсъ-капитаномъ Клименко. Переходъ черезъ р. Кинтриши на самебскую позицію.

28-го апрѣля, вечеромъ, было приказано къ 8-ми часамъ приготовить фунтовыя порціи мяса, снять офицерскія палатки, раздать нижнимъ чинамъ патроны и быть готовыми къ выступленію,— такъ какъ утромъ 29-го, съ разсвѣтомъ, предположено было атаковать высоты Аламбара. Къ назначенному времени все было готово. Въ 8-мь часовъ, баталіонъ, передавъ муха-эстатскую позицію ленкоранскому полку, со взводомъ 9-ти фунтовой батареи выступилъ къ колодцу (4), сборному пункту колонны, долженствовавшей поступить подъ начальство генерала Денибекова. Прійдя на мѣсто, мы застали тамъ другія части, въ порядкѣ расположившіяся отдыхать, въ ожиданіи разсвѣта. Для предстоявшей операціи колонна генерала Денибекова была подраздѣлена на три части: 1) сред-

няя колонна, подъ начальствомъ командира закатальскаго полка полковника Солтана, должна была отъ колодца двигаться фронтально на Аламбара; 2) правая колонна, подъ командою командира 1-го пластунскаго баталіона полковника Козелкова, назначалась дѣйствовать правѣе средней и охранять правый флангъ ея и 3) лѣвая колонна, охраняя лѣвый флангъ средней, должна была слѣдить и за дѣйствіями непріятеля со стороны Хущубани. Съ разсвѣтомъ всѣ поднялись. Баталіонъ вошелъ въ составъ средней колонны полковника Солтана. Эта колонна получила приказаніе двинуться, выславъ отъ баталіона впередъ двѣ роты. 1-я и 4-я роты назначены были въ цѣпь, а 2-я и 3-я—должны были служить для нихъ резервомъ; въ правую боковую цѣпь выслана была 4-я рота, въ лѣвую—рота Его Высочества.

Въ тишинѣ и примѣрномъ порядкѣ исполнено было все въ нѣсколько минутъ. Еще непачато было движеніе, какъ мы услышали съ аламбарскихъ высотъ монотонный голосъ муллы, призывавшаго правовѣрныхъ къ утренней молитвѣ.

Наконецъ, перекрестясь, мы двинулись впередъ, но не прошли и шести сотъ шаговъ, какъ наткнулись на пластуновъ, не туда попавшихъ; намъ пришлось остановиться, чтобы пропустить полковника Козелкова назадъ и влѣво и дать ему время выдвинуться впередъ. Мѣстность впереди насъ представляла слѣдующій видъ: небольшой овражекъ, за нимъ, сакля съ кукурузникомъ, далѣе впереди громадный лѣсъ, переплетенный вьющимися растеніями, а влѣво—узкая дорога, по которой и направился нашъ колонновожатый (мингрелецъ, прапорщикъ милиціи, по понятіямъ о веденіи войскъ ни чѣмъ не отличавшійся отъ самаго простаго черводара). Полковникомъ Солтаномъ было приказано слѣдовать за нимъ, стараясь принимать влѣво.—Цѣпи передано повернуться налѣво, а резерву (2-й и 3-й ротамъ) выйдти изъ лѣса на дорогу и по ней наступать, подавалсь лѣвымъ плечемъ впередъ.

Выславъ патрули—роты двинулись; впереди шла 2-я рота, затѣмъ 3-я рота, а за нею—два горныхъ орудія. Недоходя шаговъ пятидесяти до перекрестка дорогъ, роты остановились; движеніе наше было открыто и кобулетцы, съ окружавшихъ высотъ, откры-

ли огонь. Въ тоже время, изо всѣхъ орудій, бывшихъ на Муха-Эстате, былъ открытъ огонь во флангъ непріятелю. Проводникъ не умѣлъ указать дороги, а потому, пришлось баталіонному адъютанту отдѣлиться отъ баталіона для высматриванія мѣстности, а также расположенія непріятеля. Въ первый разъ, адъютантъ осматривалъ мѣстность по дорогѣ, шедшей по опушкѣ лѣса вправо, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Габаевымъ 2-мъ, въ распоряженіе и подъ наблюденіе котораго, былъ отданъ проводникъ; во второй разъ, для осмотра дороги, шедшей нѣсколько лѣвѣе, къ адъютанту присоединился подпоручикъ закатальскаго полка Градовскій, адъютантъ полковника Солтана. Изъ обѣихъ развѣдокъ было узнано, что непріятель усиленно обстрѣливаетъ мѣстность правѣе насъ, т. е. ту, гдѣ находились въ цѣпи роты Его Высочества и 4-я и что намъ удобнѣе всего, перейдя въ наступленіе, ударить во флангъ непріятелю, предварительно обстрѣлявъ его. но нерѣшительность полковника Солтана заставила насъ долгое время лежать въ бездѣйствіи на узкой проселочной дорогѣ, пролегавшей въ лѣсу, отчего роты несли большія потери. Въ этомъ положеніи застали насъ генералъ Деннбековъ и исправлявшій должность начальника штаба при генералѣ, капитанъ л.-гв. 4-го стрѣлковаго баталіона Императорской фамиліи баронъ Зальца. Услышавъ, какъ адъютантъ передавалъ о видѣнномъ имъ при развѣдкѣ по дорогѣ вправо, генералъ приказалъ адъютанту еще разъ, съ тою же цѣлью, пойти по дорогѣ, ведшей изъ лѣсу къ рѣкѣ, по направленію къ высотѣ, занятой непріятелемъ.—Немедля направился адъютантъ по назначенію и въ этотъ разъ, за нимъ пошло прикрытіе изъ стрѣлковъ, вызвавшихся по собственной охотѣ, но съ разрѣшенія ротнаго командира. Въ числѣ этого прикрытія былъ грузинъ Хачидзе, служившій въ баталіонѣ на правахъ охотника. Оставивъ за собою прикрытіе изъ 4-хъ человѣкъ, для связи съ цѣпью и, чтобы не обнаружить присутствія своего въ лѣсу, адъютантъ отдѣлился отъ ближайшаго къ нему стрѣлка впередъ и началъ высматривать мѣстность и расположеніе противника. Шумъ приближавшихся, заставилъ непріятеля обратить вниманіе на этотъ участокъ и кобулетцы, по пятерымъ, вышедшимъ на рекогносцировку, открыли

огонь, который изъ отдѣльныхъ сначала выстрѣловъ перешелъ въ непрерывную дробь. Въ такой обстановкѣ пришлось наблюдать за непріятелемъ дѣйствовавшимъ съ высоты. Окончивъ осмотръ мѣстности и занятой непріятелемъ позиціи, нужно было возвратиться обратно подъ огнемъ, перебѣгая отъ одного дерева къ другому и донести о результатѣ. Когда адъютантъ подходилъ къ послѣднему стрѣлку прикрытія, именно къ Хачидзе,—пуля ударила его въ шпору и такъ сильно, что сбила его съ ногъ (приходилось, для быстроты, бѣгать пѣшкомъ, ибо лошади были безполезны въ лѣсу,—по узкой тропинкѣ, на которой растянулась колонна), въ это же время Хачидзе былъ раненъ пулею въ лобъ (*); помня долгъ службы, вмѣсто того, чтобы заняться перевязкой раны, этотъ честный солдатъ поспѣшилъ прежде всего доставить адъютанту бинокль, оброненный имъ возлѣ него.

Выслушавъ отчетъ о произведенной развѣдкѣ, генералъ Денибековъ, по убѣдительному настоянію барона Зальца и подтвержденію князя Барятинскаго, рѣшилъ немедленно атаковать впередилежащую высоту. Для сего приказано было: пододвинуться, находившемуся въ хвостѣ колонны, баталіону ленкоранскаго полка; артилеріи, выдвинувшись впередъ, усиленно обстрѣлять высоту, а 2-й и 3-й ротамъ выйдти на опушку лѣса и, сдѣлавъ залпы, занять бѣгомъ противоположный берегъ рѣчки, гдѣ, продолжая обстрѣливать высоту, выжидать сигнала общей атаки. Подъ градомъ пуль, 2-я и 3-я роты сдѣлали залпы и, съ крикомъ «ура!», заняли обрывистый берегъ рѣчки. Въ этотъ моментъ былъ смертельно раненъ въ животъ командиръ 2-й роты поручикъ Минценко-Анисимовъ; его немедленно замѣнилъ подпоручикъ Побыванецъ,—мѣсто котораго занялъ, подготовлявшійся на эту должность, прапорщикъ Убиновъ. Узкая дорога, запруженная толпой закатальцевъ и ранеными, оглушительный свистъ пуль, трескъ сучьевъ ими сбиваемыхъ, тѣснота—все это вмѣстѣ заставляло желать скорѣйшей развязки дѣла, т. е. атаки.—Наконецъ, опытный въ бояхъ генералъ Денибековъ, уловивъ моментъ, снялъ шапку, перекрестился и съ крикомъ,

(*) Отъ этой раны Хачидзе умеръ въ іюнѣ 1877-го года.

Авт.

«за мною братцы, ура!», бросился самъ впередъ. Въ мигъ все поднялось; по всей линіи пронеслось могучее „ура!“. Кобулетцы осыпали насъ градомъ пуль; пока мы бѣжали до подошвы горы, они сдѣлали три залпа; но, видя единодушно бросившійся въ атаку русскій отрядъ, не выдержали и покинувъ свои траншеи, обратились въ бѣгство по направленію къ хуцубанскимъ высотамъ.—Аламбара, сильно укрѣпленная возвышенность,—имѣвшая хорошо вооруженныхъ и вдоволь снабженныхъ патронами храбрыхъ защитниковъ кобулетцевъ, руководимыхъ турецкими офицерами и поддержанныхъ изъ цихисдзирскаго лагеря регулярными войсками—теперь была въ нашихъ рукахъ. Однимъ изъ первыхъ въ баталіонѣ вошелъ на непріятельскія укрѣпленія унтеръ-офицеръ Хорепенко. 3-я рота, атаковавъ съ лѣваго фланга, продолжала преслѣдовать бѣжавшаго непріятеля по лѣвому склону высоты и такъ увлеклась, что только съ помощью сигналовъ, была остановлена и присоединена къ остальнымъ ротамъ, остановившимся для отдыха на вершинѣ, взятой штурмомъ высоты.

Къ 3-мъ часамъ, приказано было выслать двѣ роты къ сторонѣ Хуцубани, занять близьлежащія возвышенности и слѣдить за дѣйствіями непріятеля, расположеннаго на Хуцубани. Для означенной цѣли высланы были 3-я и 4-я роты.

На дорогѣ, роты нагналъ 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ (незадолго прибывшій въ отрядъ), получившій приказаніе сбить непріятеля съ Хуцубани.—Пропустивъ 4-й баталіонъ впередъ, роты прибавили шагу и вскорѣ прибыли въ назначенные пункты; 3-я рота заняла позицію на высотѣ ближе къ Аламбара, а 4-я—ближе къ Хуцубани. Какъ только 4-я рота выставила сторожевую цѣпь, на Хуцубани показались дымки, послышались ружейные выстрѣлы, и затѣмъ, въ весьма непродолжительномъ времени, загремѣло «ура!».... Это 4-й стрѣлковый баталіонъ двинулся въ атаку. Кобулетцы, на встрѣчу атакующихъ, подвигались лѣвымъ флангомъ впередъ, дѣлая обходъ праваго фланга гурійцевъ, бывшихъ рядомъ съ 4-мъ баталіономъ; но цѣпь нашей 4-й роты, лучшіе стрѣлки которой открыли огонь и резервъ выдвинутый на поддержку штурмовавшихъ хуцубанскую позицію, за-

ставили турокъ податься назадъ. Стрѣлки 4-го баталіона вошли наверхъ; непріятель бѣжалъ за рѣку Кинтриши на Самебу и заревo отъ преданныхъ огню красивыхъ кобулетскихъ домиковъ заключило впечатлѣнія этого дня. 1-я и 2-я роты, остававшіяся на аламбарской высотѣ, съ 2-мя горными орудіями (подпоручикъ Вартановъ), выставивъ сторожевую цѣпь, продолжали отдыхать и какъ нижніе чины, такъ и офицеры, расположившіеся въ одной изъ сакель, спѣшили подѣлиться другъ съ другомъ пережитыми впечатлѣніями перваго дѣла. Къ 8-ми часамъ вечера въ саклю вернулся князь Барятинскій, отъ генерала Депибекова, объявилъ—что генералъ очень благодаренъ стрѣлкамъ за взятіе Аламбара и что приказано представить къ георгіевскимъ крестамъ стрѣлковъ и къ наградамъ офицеровъ баталіона, а адъютанта, за развѣдки и всѣ его дѣйствія, въ теченіи сегодняшняго дѣла, къ ордену св. Владиміра 4-й степени. Тутъ же сдѣлалось извѣстнымъ, что контуженный, на нашемъ правомъ флангѣ, въ голову, маіоръ Геричъ отправляется въ Тифлисъ; сейчасъ же каждый взялся за перо, пользуясь случаемъ послать роднымъ письма.

29-го апрѣля убитъ командиръ 2-й роты поручикъ Мищенко-Анисимовъ, контужены маіоръ Геричъ и подпоручикъ Гороновичъ. Нижнихъ чиновъ убито—унтеръ-офицеръ 1-нъ, рядовыхъ 5-ть, ранено—унтеръ-офицеровъ 4-ре, штабъ-горнистъ 1-нъ и рядовыхъ 25-ть (5).

30-го апрѣля, взводъ отъ 2-й роты ходилъ на Муха-Эстате и оттуда сопровождалъ тѣло храбраго поручика Мищенко-Анисимова въ Озургеты, гдѣ онъ и былъ погребенъ.

6-го мая, на хуцубанской высотѣ былъ назначенъ парадъ. На развалинахъ древней христіанской церкви былъ поставленъ аналой; распущенныя знамена, чисто одѣтыя войска, живописная мѣстность, разнохарактерная гурійская дружина, гдѣ рядомъ съ сѣдовласымъ старикомъ, украшеннымъ георгіевскимъ крестомъ за прошлую кампанію, стоялъ безусый мальчуганъ, храбро дравшійся 13-го апрѣля,—все это вмѣстѣ достойно было кисти художника.

По окончаніи молебствія, генералъ-лейтенантъ Оклобжіо, еще разъ, поблагодарилъ войска отряда за славное дѣло подъ Аламбара,

собственноручно навѣсилъ кресты отличившимся (6) и взявъ стаканъ съ виномъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора.... Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, изъ глубины сердецъ, вырвалось могучее „ура“.... Девятифунтовки, въ салютъ тосту, съ ревомъ послали свои смертоносные снаряды на Цихисдзирскую позицію, а хоръ музыкантовъ заигралъ народный гимнъ.

Прелестный солнечный день, обнаженныя головы и сіяющія лица присутствовавшихъ, столпившіеся на Цихисдзири турки, спѣшившіе укрѣпить свою, и такъ неприступную позицію, старикъ кобулетецъ, не захотѣвшій разстаться со своимъ убогимъ жилищемъ на Хущубани и который, вмѣсто смерти, изъ рукъ русскихъ получалъ серебряные рубли и записку о его неприкосновенности,— все вмѣстѣ говорило, что здѣсь дышетъ сила могучихъ богатырей, Добрыничей, Поповичей, о которыхъ ходятъ сказки по святой Руси.

Тосты за Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича, за Главнокомандующаго кавказскою арміею и за Августѣйшую Покровительницу больныхъ и раненыхъ, вызывали тѣ же раскаты „ура!“.... Громъ пушекъ и звуки гимна разносились по горамъ и ущельямъ, куда неступала еще русская нога. Появившійся изъ за цихисдзирскаго берега бронепосецъ, недовольный торжествомъ нашимъ, пыхтя и надуваясь, подошелъ къ устью рѣки Кинтриши и повернувшись бортомъ, съ проклятіемъ, послалъ къ намъ одинъ снарядъ, затѣмъ другой, третій и т. д., но усилія его были напрасны и вызывали лишь одни остроты нашихъ солдатъ.

10-го мая, баталіонъ былъ переведенъ на Хущубани и расположенъ впереди 4-го стрѣлковаго баталіона, на денибековскомъ курганѣ (такъ названа была высота Хущубань въ честь взявшаго ее генерала Денибекова), имѣя—передъ собою рѣку Кинтриши и по ту сторону ея Столовую гору, а за нею Цихисдзири, слѣва же высоту Самеба. Правѣе насъ былъ расположенъ баталіонъ закатальскаго полка.

По приходѣ на курганъ, немедленно выставлена была сторо-

жевая цѣпь.—На другой день, т. е. 11-го мая, часовъ въ 10-ть вечера, вдругъ раздалась ружейная трескотня со стороны Цихисдзири, а затѣмъ и пушечная пальба. Огоньки замелькали на Самебѣ. По огнямъ этимъ, двигавшимся изъ стороны въ сторону, можно было заключить, что у турокъ произошла тревога. Баталіонъ готовъ былъ стать въ ружье, по примѣру другихъ частей, уже построившихся, но недѣлалъ этого, ожидая приказанія отъ командира баталіона, которымъ было послано въ цѣпь узнать, что тамъ замѣчено и предупредить, что баталіонъ готовъ для поддержки ея во всякое время. Цѣпь стояла спокойно на своихъ мѣстахъ и только видѣла и слышала тоже что и мы. Наконецъ спустя ½ часа трескотня стала затихать, огоньки мелькали уже рѣже и тишина, прерываемая лишь порывами вѣтра,—замѣнила пронесшуюся бурю и стрѣльбу. Впослѣдствіи оказалось, что турецкая цѣпь приняла своихъ же черводарскихъ лошадей, пасшихся у Кинтриши, за наступавшихъ русскихъ, открыла по нимъ огонь и, какъ говорятъ, блистательно была поддержана съ главной позиціи, резервомъ.

Въ тотъ же день, у насъ на бивуакѣ, произошелъ слѣдующій случай: командиръ роты Его Высочества штабсъ-капитанъ Клименко нечаянно ранилъ себя въ ногу изъ револьвера, и, для леченія, долженъ былъ оставить баталіонъ, въ командованіе же ротою вступилъ баталіонный адъютантъ подпоручикъ Курочкинъ, а исправлять должность послѣдняго,—назначенъ былъ прапорщикъ Преображенскій.

На деннбековскомъ курганѣ, до 28-го мая, баталіонъ несъ сторожевую службу и ежедневно высылалъ людей въ распоряженіе командира сапернаго баталіона полковника Иванова, для разработки дороги, между Хуцубани и Муха-Эстате.

28-го мая, прибыли въ баталіонъ прапорщикъ Бахтіяровъ и портупей-юнкера: Картвеловъ, Дарскій и Кривенцовъ, только что окончившіе курсъ въ тифлисскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ. Прибытіе молодежи нѣсколько облегчило офицеровъ въ несеніи сторожевой службы.

Въ этотъ день предположено было, перейдя рѣку Кинтриши

занять Самебу и Столовую гору. Баталіонъ выслалъ 2-ю и 3-ю роты (*) въ резервъ частямъ, назначеннымъ для штурма (**). 1-я и 4-я роты оставались въ сторожевой цѣпи для обороны позиціи отъ кобулетцевъ собравшихся со стороны Чахаты и Цхемлобани и имѣвшихъ, какъ надобно полагать, цѣлью недопустить занятія нами Самебы. Но не успѣли турки опомниться, какъ наши, раннимъ утромъ, перешли р. Кинтриши и почти безъ выстрѣла заняли Самебу (***); лишь у Столовой горы завязалась небольшая ружейная перестрѣлка.

Артилерійскій огонь съ Цихисдзири турки направляли по нашимъ двумъ ротамъ, бывшимъ въ резервѣ и по артилеріи дѣйствовавшей съ Хуцубани; снаряды перелетали черезъ наши батареи и хотя падали недалеко отъ цѣпи 1-й роты, а иногда ложились и среди стрѣлковъ, но потерь отъ турецкой орудійной пальбы, какъ въ резервѣ, такъ и въ цѣпи,—не было. Итакъ первые турецкіе снаряды, можно сказать, ободрили насъ навсегда; на нихъ впослѣдствіи смотрѣли хладнокровно и солдаты, даже, по пронзительному визгу, окрестили ихъ поросятами. Хребетъ Самеба, отдѣленный

(*) Командиры ротъ: 2-й—поручикъ Побывапецъ, 3-й—капитанъ Линдбладтъ.

(**) 2-я и 3-я роты ходили съ двумя ротами 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою маіора того же баталіона Терещенко. Дойдя до позиціи занимаемой пластунами, роты направились по хребту Самеба и, вправо, пройдя немного, были остановлены; роты 4-го стрѣлковаго баталіона пошли далѣе по хребту, а 3-я рота заняла пройденное пространство до позиціи пластуновъ, спустивъ цѣпь аванпостовъ, далеко ниже гребня, къ сторонѣ турокъ. 2-я рота стала въ резервѣ третьей роты и расположилась позади ея, на склонѣ хребта.

Такъ простояли до 2-хъ часовъ ночи, когда были смѣнены ротами ленкоранскаго полка. Смѣнившись, 2-я и 3-я роты возвратились обратно къ баталіону.

(***) Въ день занятія высотъ Самеба, отъ баталіона были отдѣлены 2-я и 4-я роты и спущены къ р. Кинтриши. Одна полурота 2-й роты заняла цѣпью участокъ впереди батареи полковника Шаврова, а другая—была оставлена въ прикрытіи у батареи. Вся 4-я рота была разсыпана въ цѣпь, впереди средняго моста черезъ р. Кинтриши.

Авт.

отъ Цихисдзири рѣкою Кинтышъ, былъ занятъ русскими, но не смотря на то, нашъ баталіонъ оставался все еще на Хуцубани, ключѣ нашей позиціи, до 6-го іюня. Стрѣлки помѣщались въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ вѣтвей, офицеры—въ палаткахъ.

Началась дождливая, тоску нагонявшая, погода, сливщаяся какъ бы въ угоду туркамъ, надломить натуру русскаго солдата, непривыкшаго къ быстрымъ перемѣнамъ температуры. Но несмотря на то, всѣ мы были бодры духомъ, больныхъ не было совсѣмъ,—веселые разговоры, шутки, остроты только и слышались.—Многіе стрѣлки, на вопросъ отчего нѣтъ больныхъ, весело отвѣчали: „теперь не время болѣть, ваше благородіе".

6-го іюня баталіонъ былъ переведенъ на Самебу. Люди попрежнему высылались на работы для укрѣпленія позиціи и въ сторожевую цѣпь; понятія объ отдыхѣ несуществовало; откуда бралась у людей такая сила и бодрость—просто непонятно. Офицеры ходили на вершину хребта, для осмотра подступовъ къ цихисдзирской позиціи.—Начали поговаривать о предстоявшемъ, въ скоромъ времени, штурмѣ Цихисдзири. Отъ насъ видно было, что и турки усиленно работали: укрѣпленіе за укрѣпленіемъ выростали на нашихъ глазахъ.

8-го іюня, въ 6-ть часовъ вечера, получено было приказаніе—къ 11-ти часамъ ночи баталіону прибыть на правый флангъ Столовой горы для усиленія находившихся тамъ войскъ, такъ какъ, по полученнымъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, съ разсвѣтомъ, ожидалось нападеніе турокъ на Столовую гору.—Двѣ роты бывшія въ передовой цѣпи на Самебѣ (*), получивъ приказаніе передать свой участокъ баталіону севастопольскаго полка, двинулись также къ Столовой горѣ, гдѣ, въ 9-ть часовъ вечера, присоединились къ остальнымъ ротамъ баталіона. Здѣсь, на указанномъ мѣстѣ, поротно, въ развернутомъ строѣ, мы залегли и цѣлую ночь были въ полной готовности встрѣтить врага. Но ночь прошла спокойно; кромѣ шакаловъ, никто не нарушалъ мертвой тишины, а потому, утромъ, намъ велѣно было возвратиться обратно на самебскій бивуакъ.

(*) 3-я и 4-я роты.

Авт.

ГЛАВА III.

Штурмъ цихисдзирской позиціи 11-го іюня. Переходъ обратно на прежній бивуакъ. Неудавшаяся атака турокъ. Переходъ на Муха-Эстате.

10-го іюня получена была диспозиція и приказаніе отправить лишнія вещи, обозъ и палатки на Хущубань, людямъ сварить двухъ-фунтовыя порціи мяса и всѣмъ быть готовыми для наступленія 11-го числа къ Цихисдзири.

Согласно полученнаго приказанія, все было въ точности исполнено.

11-го числа, въ 6-ть часовъ утра, баталіонъ выступилъ (7) съ бивуака къ батареѣ полковника Бучкіева и сталъ нѣсколько лѣвѣе ея.—На нашей позиціи было еще тихо, но недолго. Въ 6½ часовъ упало одно, за нимъ другое, заранѣе подпиленныя деревья; затѣмъ демаскированная батарея открыла огонь; ея примѣру вскорѣ послѣдовали и прочія.—Турки съ жаромъ начали отвѣчать, и, въ 9-ть часовъ, бомбардировка была въ полномъ разгарѣ. Наконецъ, турецкая желтая батарея замолкла, ее считали сбитою. Въ это время, по приказанію командовавшаго отрядомъ, съ вершины Хущубани взвилась сигнальная ракета и войска по всей линіи двинулись впередъ—на штурмъ.

Турки начали стягивать войска къ своему центру т. е. къ желтой батареѣ—цѣли дѣйствій нашего баталіона. Каждый нашъ шагъ былъ видѣнъ туркамъ. Когда мы спустились къ р. Киптышу, командиръ баталіона, подполковникъ князь Барятинскій, зорко слѣдившій за движеніемъ ротъ и находившійся въ первой линіи, направлялъ ихъ по мѣстности, заранѣе имъ высмотрѣнной; подъ сильнымъ огнемъ баталіонъ, построенный поротно въ двѣ линіи (въ первой—на правомъ флангѣ 4-я рота, лѣвѣе—3-я рота, резервомъ за 4-й—2-я рота, за 3-й—рота Его Высочества), спустился къ р. Киптышу; интервалъ между линіями образовался менѣе 50-ти шаговъ. День былъ жаркій. Передъ нами были скалы, крутые овраги и лѣсъ, перепутанный вьющимися и колючими растеніями. Переведя духъ, нача-

ли подниматься (*). Узкая тропа, пролегавшая подъ кручею, съ одной стороны,—лѣсъ, что стѣна, съ другой—вотъ путь, по которому мы должны были ползкомъ идти на штурмъ; притомъ, пришлось подниматься вверхъ гуськомъ, на глазахъ непріятеля, который, по выбору, исторопясь, могъ бы насъ перебить всѣхъ, но къ нашему благополучію, турецкая горячка оказалась намъ на руку—градъ пуль проносился надъ головами, лишь только сучья насъ осыпали. Но вотъ на пути явилось новое препятствіе, совершенно для насъ неожиданное, представилась лишняя забота: въ то время, когда мы съ адскими усиліями карабкались кверху,—части спускавшіяся съ самебской позиціи къ Кинтышу, открыли по цихисдзирской высотѣ ружейную пальбу и, такимъ образомъ, били насъ въ тылъ. Волей—неволей пришлось остановиться и кричать: „перестать стрѣлять“. Но пока до услужливыхъ пріятелей дошли наши крики, мы уже лишились нѣсколькихъ человѣкъ ранеными.

Какъ только стрѣльба съ тыла прекратилась, мы продолжали ползти далѣе. Лѣвѣе насъ поднимался 4-й стрѣлковый баталіонъ; цѣпь его и пластуновъ вышла изъ лѣса и начала карабкаться по кручѣ. Усилія были напрасны, ихъ били на выборъ, и, раненые, кувыркаясь, скатывались внизъ, вслѣдствіе чего, цѣпь стала быстрѣе подвигаться въ нашу сторону, но вдругъ, далеко внизу за нами, у Кинтыша, заиграла музыка и оттуда раздалось ура,—части находившіяся у насъ въ тылу и невидѣвшія передъ собою противника, кричали „ура“, „ура“! . . . Въ это время на правомъ и лѣвомъ флангахъ нашей наступавшей линіи было тихо,—изъ чего турки ясно поняли, что главная атака русскими поведена противъ желтой батареи,—а потому, все болѣе и болѣе стягивали къ ней свои войска. Арабистанцы, только что прибывшіе изъ Батума, были здѣсь. Турецкія войска, въ траншеяхъ, размѣщены были такъ: кобулетцы въ первой линіи, за ними низамъ и надъ послѣдними, арабистанцы. Расположившись, такимъ образомъ, въ три яруса, турки осыпали мѣстность милліардами пуль; исправно у нихъ ра-

(*) Для освѣщенія мѣстности 3-й ротѣ приказано было выдвинуться впередъ и осторожно наступать; остальныя роты пошли за нею.

Авт.

ботали и картечницы, стрѣльба которыхъ характерно отличалась отъ ружейной—какимъ-то шипѣньемъ; турки небрезгали ничѣмъ, разрывныя пули у нихъ имѣли полное право гражданства. Дервишъ-паша, размѣстивъ такъ свои войска, поступилъ вполнѣ разумно: кобулетцы, при самомъ отчаянномъ натискѣ съ нашей стороны, несмѣли податься ни шагу назадъ, такъ какъ они легли бы подъ ударами низама, а тѣ, при подобной же попыткѣ, легли бы на штыкахъ арабистанцевъ.

Подъ звуки музыки, съ оглушительнымъ „ура!“, стрѣлки геройски боролись съ природою и понемногу подавались, по одиночкѣ, впередъ, горя желаніемъ скорѣе испробовать силу штыка. Среди нижнихъ чиновъ часто слышалось: „ваше благородіе, позвольте въ атаку, внизу уже кричатъ ура!“. . . . Ясно было, что кровь кипѣла въ груди и отваги было много, но бросаться съ двадцатью стрѣлками на ближайшую траншею, до которой оставалось еще шаговъ 300,—черезъ узкую открытую полянку и притомъ въ гору—было безразсудно. Поэтому командиры ротъ, 3-й и Его Высочества, рѣшили сперва расположить стрѣлковъ у перегиба, открыть сильный огонь, а затѣмъ, когда въ цѣпи соберется побольше людей, стремительно броситься на траншею.—Такъ и было сдѣлано, но свинцовый градъ, пущенный турками, положилъ многихъ героевъ тутъ же, на мѣстѣ, а остальныхъ—смылъ обратно за перегибъ. Взводъ 4-й роты, съ храбрымъ поручикомъ Бавталовскимъ, бывшій ближе къ траншеямъ съ праваго фланга, потерялъ болѣе половины людей на разстояніи, какихъ нибудь, пятидесяти шаговъ. Поручику Бавталовскому, съ нѣсколькими стрѣлками, удалось влетѣть въ турецкіе ложементы, но такъ же быстро пришлось и убраться оттуда. Передъ поляной турками устроены были засѣки, мѣстность впереди обстрѣливалась съ каждаго шага высоты, такъ что каждый выскакивавшій удалецъ, землею, взрываемою пулями, невольно былъ отбрасываемъ назадъ. Офицеры принялись собирать людей и готовиться къ новой атакѣ, но тутъ подоспѣлъ флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ и запретилъ двигаться, до полученія на то приказанія. Стрѣльба продолжалась; кучки стрѣлковъ, помѣстившись въ мертвомъ пространствѣ у перегиба къ полянѣ, выжидали сигнала или

приказанія къ новой атакѣ. Между тѣмъ, турки все продолжали сыпать градомъ пуль. День шелъ къ концу, солнце спряталось за горы, насталъ вечеръ,—а мы все еще сидѣли ожидая приказаній. Наконецъ наступила и ночь, но приказанія получено небыло. Въ теченіи ночи, на нашихъ глазахъ, турки приступили къ исправленію своихъ траншей, а на разсвѣтѣ мы увидѣли, какъ вьюкъ за вьюкомъ потянулись съ ихъ праваго фланга къ морю. Стрѣлки умоляли разрѣшить имъ стрѣлять, чтобы помѣшать работамъ и передвиженіямъ; разрѣшено было сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Турки бросили работу и снова начали ружейную трескотню. И такъ прождали мы всю ночь, въ полной надеждѣ, что съ разсвѣтомъ бросимся въ атаку; но вотъ уже и совсѣмъ разсвѣло, а мы все, въ глубокой тишинѣ, ждемъ и ждемъ. Съ восходомъ солнца, князь Барятинскій, подозвавъ ротныхъ командировъ, объявилъ, что рѣшено отступить и потому приказалъ тихо поднять роты и спуститься къ р. Кинтышу. На мѣстѣ, гдѣ мы простояли всю ночь, приказано было 2-й ротѣ оставить полувзводъ въ цѣпи, для прикрытія отступленія. Ротные командиры объявили людямъ, что атака будетъ поведена на другой пунктъ, и что потому, тихо, безъ шума, мы должны спуститься къ р. Кинтышу (*). *Отступленіе это произведено было въ примѣрномъ порядкѣ и скрытно отъ турокъ.* У Кинтыша, мы остановились возлѣ перевязочнаго пункта. Масса раненыхъ и убитыхъ, кровь, стоны умиравшихъ, разбросанныя вещи, аммуниція—все это вмѣстѣ представляло раздирающую душу картину.

Непрошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ правѣе и лѣвѣе насъ, быстро, почти перебѣжками, стали переходить части черезъ рѣку Кинтышъ на Самебу, покидая ночную позицію, а также своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей.

Командиръ баталіона выслалъ 2-ю и 3-ю роты за р. Кинтышъ, на самебскій скатъ, гдѣ эти роты, разсыпавъ по взводу въ цѣпь, должны были прикрывать отступленіе; 1-я же и 4-я роты были остав-

(*) Для прикрытія отступленія оставлены были полувзводъ 2-й роты подъ командою прапорщика Кривенцова и полувзводъ 4-й роты, подъ командою прапорщика Картвелова. *Авт.*

лены для прикрытія раненыхъ на случай преслѣдованія насъ турками, и, затѣмъ, для сопровожденія ихъ на самебскую позицію.

Раненыхъ было много, а никто не думалъ ихъ убирать. Наконецъ, показалась изъ лѣсу грузинская дружина, которая, по просьбѣ князя Барятинскаго, отдѣлила часть людей для перепоски раненыхъ и убитыхъ. Хотя для этой же цѣли и 1-я и 4-я роты отдѣлили по полуротѣ, но, всетаки, забрать всѣхъ мы неимѣли никакой физической возможности. По счастью, черезъ нѣсколько времени подошла рота пятигорскаго полка, которую уговорили также забрать раненыхъ; но такъ какъ и этого было недостаточно, то для уборки остальныхъ—1-й и 4-й ротамъ пришлось отдѣлить еще по полувзводу,—и уже съ оставшимися, только двумя полувзводами, прикрывать это печальное шествіе. Гдѣ были санитары, что они дѣлали—вѣдалъ Аллахъ. Впрочемъ, немного спустя мы увидѣли цѣлую роту ихъ спокойно лежавшую подъ тѣнью, въ лѣсочкѣ. Преодолѣвая страшную усталость, какъ черепахи, ползли мы на Самебу; лишь изрѣдка гранаты, съ визгомъ, пролетали надъ нами: турки щадили насъ, конечно не изъ гуманности.

Печальную картину заставали мы на тѣхъ участкахъ самебской позиціи, гдѣ намъ пришлось проходить: батареи были безъ прикрытія, ни цѣпи, ни резервовъ не было видно и перейди турки немедля въ наступленіе,—жестоко поплатились бы мы за нашу безпечность. Но ошибка эта быстро была исправлена распоряженіемъ флигель-адъютанта полковника Гурчина, бывшаго почти все время по ту сторону р. Кинтыша.

Передавъ на главный перевязочный пунктъ, санитарамъ—раненыхъ и убитыхъ, 1-я и 4-я роты присоединились къ 2-й и 3-й ротамъ, поднявшись на самебскій хребетъ.

Такъ какъ турки оставались совершенно спокойно на своей позиціи и только когда мы поднялись на наши прежнія позиціи, они вышли изъ траншей и отъ радости кричали „ура!“—то намъ приказано было идти на свое прежнее бивуачное мѣсто, на отдыхъ.

Составивъ ружья въ козлы, люди тутъ же, какъ снопы, повалились на землю, послѣ всего того, что вынесли за послѣднія сут-

ки. Къ сожалѣнію, сонъ былъ непродолжителенъ.... Въ 2 часа послышалась стрѣльба по всей линіи самебской позиціи; къ намъ прискакалъ казакъ, съ приказаніемъ немедленно выйдти наверхъ къ большой дорогѣ и стать лѣвѣе батареи полковника Бучкіева. Черезъ нѣсколько минутъ, баталіонъ, ускореннымъ шагомъ, шелъ уже отмстить нарушителямъ нашего спокойствія.

Дѣло было въ томъ, что турки, опомнясь отъ радости, и невидя никого передъ собою, перешли въ наступленіе по всей линіи, впрочемъ, къ нашему счастью, уже въ то время, когда порядокъ, на занимаемыхъ нами мѣстахъ, былъ вполнѣ возстановленъ, благодаря энергіи и расторопности флигель-адъютанта полковника Гурчина, бывшаго въ эти дни начальникомъ колонны.

На верху горы, насъ встрѣтилъ и. д. начальника штаба при полковникѣ Гурчинѣ, капитанъ генеральнаго штаба Шатиловъ; по его указанію, всѣ четыре роты были высланы въ разныя мѣста для поддержанія цѣпи. Появленіе стрѣлковъ въ цѣпи измѣнило ходъ турецкой атаки: турки, отъ мѣткаго огня нашихъ берданокъ, поспѣшили убраться восвояси и лишь нѣсколько человѣкъ, съ очень дальняго разстоянія, поддерживали огонь до ночи.

До насъ дошло свѣдѣніе, что на правомъ флангѣ, атака турокъ также была отбита и они, съ большимъ урономъ, отступили обратно въ свои траншеи. Потеря въ эти два дня была слѣдующая: раненъ портупей-юнкеръ Дарскій въ шею; нижнихъ чиновъ, убито: унтеръ-офицеровъ 2, рядовыхъ 24, ранено: унтеръ-офицеровъ 3, рядовыхъ 49 и горнистъ одинъ; контужено 2. (8)

Слѣдующіе дни вездѣ было тихо.—Наступленія съ нашей стороны, кажется, непредвидѣлось; по крайней мѣрѣ ничего не было слышно о вторичномъ штурмѣ цихисдзирской турецкой позиціи. Напротивъ,—скорѣе мы могли ожидать, что турки захотятъ прогнать наши войска съ Хуцубани, воспользуясь тѣмъ, что 11-го числа мы имъ дали понять, что усилить ихъ неможемъ. Въ ожиданіи атаки съ ихъ стороны, приказано было усилить сторожевыя цѣпи, и, на основаніи сего, баталіонъ до 15-го числа, ежедневно, высылалъ по двѣ роты въ цѣпь (9).

Началъ носиться слухъ, что наши войска оставятъ самебскую

позицію и отойдутъ на Муха-Эстате. Такъ и случилось: 15-го числа, орудія были сняты съ позиціи, и, вмѣстѣ съ тяжестями, отправлены на Муха-Эстате, а ночью 17-го числа было произведено общее отступленіе. Движеніе это было совершено по тремъ дорогамъ, ведущимъ къ мостамъ черезъ р. Кинтриши; на мѣстѣ, для прикрытія отступленія, въ сторожевой цѣпи, была оставлена вся 4-я рота нашего баталіона, которая должна была спуститься послѣднею. Грустно, въ величайшей тишинѣ, покинули мы нашу самебскую позицію и направились къ мосту черезъ рѣку Кинтриши. Вслѣдъ за переходомъ 4-й роты черезъ мостъ, онъ, тотчасъ же, былъ разобранъ.

Масса войскъ сгруппировалась на скатѣ хунубанской высоты и перейди турки въ наступленіе, дѣло приняло-бы плохой оборотъ. Но все прошло благополучно, безъ всякой даже попытки, съ ихъ стороны, къ преслѣдованію насъ. Благополучно колонна прошла Хунубань, съ разсвѣтомъ прошла Аламбара и направилась къ Муха-Эстате. Поздно турки спохватились: когда они вышли для преслѣдованія насъ,—войска наши уже стягивались къ муха-эстатской позиціи. Кобулетцы видя, что русскіе отступили, снова взялись за оружіе, и, засѣвши въ ближайшемъ лѣсу, смѣло открыли по мѣсту нашего бивуака ружейный огонь; въ это время былъ раненъ въ палаткѣ деньщикъ, чистившій сапоги. На Муха-Эстате баталіону было объявлено о выступленіи 19-го числа въ г. Озургеты. Получено было распоряженіе, что баталіонъ, по приказанію Главнокомандующаго кавказскою арміею, долженъ немедля, оставивъ ріонскій отрядъ, прибыть въ г. Александрополь, въ составъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса. На другой день, утромъ, къ баталіону пріѣхалъ генералъ Оклобжіо и благодарилъ стрѣлковъ за молодецкую службу, за всѣ совершенные ими подвиги и понесенные труды.

Вечеромъ насъ посѣтили генералъ Деникбековъ и командовавшій бригадою флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ и ужинали съ нами. Въ разговорѣ съ нами—генералъ нѣсколько разъ высказывалъ, что ему очень и очень больно разставаться съ баталіономъ. На слѣдующій день, утромъ, баталіонъ, отслушавъ напутственное

молебствіе, на которомъ присутствовали командовавшій войсками приіюпскаго края генералъ Оклобжіо, начальникъ кобулетскаго отряда генералъ Девлбековъ, командовавшій кавказскою стрѣлковою бригадою флигель адъютантъ полковникъ Гурчинъ, и, пройдя церемоніальнымъ маршемъ, справа по отдѣленіямъ, направился на новый театръ военныхъ дѣйствій. Когда баталіонъ проходилъ мимо постовъ ленкоранскаго и закатальскаго полковъ, то солдатики откровенно намъ говорили: „что то будетъ намъ безъ васъ?“ Какъ лестно было слышать эти прямыя и простыя слова, краснорѣчиво говорившія, насколько зарекомендовали себя стрѣлки, въ мнѣніи отряда!

ГЛАВА IV.

Выступленіе баталіона изъ Озургетъ. Переходъ въ Ардаганъ. Пребываніе въ ардаганскомъ отрядѣ. Переходъ въ составъ главныхъ силъ. Дѣло 6-го августа. Дѣло 13-го августа. Контузія командира баталіона. Пріѣздъ Его Высочества Главнокомандующаго. Стоянка у Байрахтара. Прибытіе молодыхъ солдатъ.

21-го іюня баталіонъ выступилъ изъ г. Озургетъ. Отъ ст. Самтреди мы слѣдовали по желѣзной дорогѣ до станціи Михайлово, а отсюда, по шоссе, въ мѣстечко Боржомъ, куда пришли вечеромъ 25-го числа. Здѣсь баталіонъ былъ радушно встрѣченъ тифлисскимъ юнкерскимъ училищемъ и кавказскою учебною ротою; нижнихъ чиновъ угостили чаемъ и ужиномъ, офицеры же были приглашены на ужинъ въ учебную роту. Теплый пріемъ, оказанный намъ хозяевами, надолго сохранится въ памяти стрѣлковъ.

27-го баталіонъ прибылъ въ г. Ахалцихъ, гдѣ, на 28-е, была назначена дневка; но такъ какъ получилось новое распоряженіе, двинуться баталіону немедленно въ Ардаганъ и поступить въ распоряженіе начальника ардаганскаго отряда полковника Комарова, то въ 10-ть часовъ утра, 28-го числа, баталіонъ двинулся къ селенію Бодела. Дождь и грязь сильно утомляли людей; только къ

вечеру мы прибыли въ названное селеніе, гдѣ, поэтому, остались слѣдующій день на дневкѣ. 1-го іюля, вечеромъ, баталіонъ вошелъ въ г. Ардаганъ и расположился въ казармахъ, въ которыхъ прежде помѣщался турецкій госпиталь. Переходъ отъ с. Бодела до г. Ардагана, вслѣдствіе дурной погоды и тяжелой дороги, былъ крайне изнурителенъ; но, при всѣхъ невзгодахъ, больныхъ и отсталыхъ небыло. Люди были очень довольны, что имъ предстояло дѣйствовать въ главныхъ силахъ корпуса.

Въ Ардаганѣ баталіону данъ былъ на нѣсколько дней отдыхъ, чтобы люди могли обшиться и поправить вещи. Несли мы одну караульную службу (*).

7-го іюля, было получено приказаніе выслать, отъ баталіона, двѣ роты въ селеніе Омеръ-Ага, откуда они обязаны были прикрывать путь въ селенія Зурзуна и Карзахъ, отъ набѣговъ Меграли (**). Съ этою цѣлью были отправлены 2-я и 4-я роты подъ командою маіора Герича, уже возвратившагося къ баталіону послѣ полученной имъ, 29-го апрѣля, раны.

9-го іюля, въ Ардаганѣ былъ оставленъ баталіонъ пятигорскаго полка, а остальныя части, въ томъ числѣ и оставшіяся двѣ роты баталіона, направились въ с. Арданякъ. На пути, къ нимъ, въ с. Келикъ, присоединился маіоръ Геричъ со своими двумя ротами и съ нами же вернулся въ Ардаганъ, никого невидѣвъ и ничего неслышавъ въ с. Омеръ-Ага.

10-го іюля, изъ Ардагана, баталіонъ передвинутъ былъ на Ю. З. отъ города и расположенъ у горы Алагёзъ. На слѣдующій день, занимаемая нами позиція была укрѣплена прочными брустверами изъ большихъ камней, обшитыми дерномъ, такъ какъ ожидалось, со стороны г. Ольты, нападеніе турокъ на г. Ардаганъ. Въ ожиданіи сего, мы простояли 3 дня, но никто непоказывался.

14-го іюля, баталіонъ отъ Алагёза перешелъ на Пашикъ и

(*) 2-го іюля возвратился штабсъ-капитанъ Клименко и вступилъ, по прежнему, въ командованіе ротою Его Высочества (смотри стр. 24-ю). *Авт.*

(**) Бѣглый борчалинскій разбойникъ. *Ред.*

расположился рядомъ съ 4-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, который тоже былъ выдѣленъ изъ войскъ при-ріонскаго края. Во время стоянки на Паникѣ, которая продолжалась до 27-го числа, вся наша служба состояла въ содержаніи сторожевой цѣпи. Здѣсь случилось странное происшествіе: пропали безъ вѣсти прикащикъ и два работника нашего баталіоннаго маркитанта, ѣздившіе въ Ардаганъ за провизіею.

Въ 7-мь часовъ вечера, 27-го іюля, явился къ князю Барятинскому ординарецъ полковника Комарова, съ приказаніемъ обоимъ баталіонамъ, т. е. 1-му и 4-му кавказскимъ стрѣлковымъ, подъ общею командою князя, ночью, съ восходомъ луны, двинуться на деревню Дичоръ, куда самъ начальникъ отряда, съ другою колонною, расположенною на Алагёзѣ, выступитъ въ 6-ть часовъ вечера, этого же числа. Къ часу ночи, колонна князя Барятинскаго уже двигалась къ Дичору, гдѣ находился Меграли, наводившій своими набѣгами страхъ на жителей Ардаганскаго округа. Отъ Паника до Дичора было слишкомъ 60-ть верстъ. Дорога, по большей части, была хорошая. Люди всю ночь шли легко и лишь въ полдень, сильная жара и, наконецъ, усталость, нѣсколько замедлили ходъ (были даже два случая легкаго солнечнаго удара). Къ 6-ти часамъ вечера, наша колонна, въ полномъ порядкѣ, уже подходила къ сел. Дичоръ, повсюду встрѣчая мирныхъ жителей. Не доходя версты двѣ до селенія, мы встрѣтились съ колонною полковника Комарова, возвращавшеюся послѣ дѣла съ Меграли, въ которомъ она потеряла убитыми двухъ нижнихъ чиновъ. Дѣло было въ томъ, что Меграли, имѣя два орудія и таборъ низама, оказывалъ въ теченіи цѣлаго дня замѣчательную стойкость и сопротивленіе и только, когда замѣтилъ съ высотъ приближеніе нашихъ двухъ баталіоновъ, покинулъ деревню Дичоръ.

На другой день, баталіонъ возвратился обратно на Паникъ, гдѣ и оставался до 31-го числа.

31-го числа, отправивъ обозъ ([35]) черезъ с. Зурзуна, баталіонъ по с. в. берегу озера Чалдыръ-Гель, вмѣстѣ съ другими частями, подъ начальствомъ генерала Комарова, выступилъ подъ Кюрюкъ-Дара, съ цѣлью войти въ составъ главныхъ силъ. Во все

время движенія, были принимаемы всѣ мѣры предосторожности. 1-го августа, мы подошли къ дер. Паргетъ, гдѣ насъ ожидали полки эриванскій и сѣверскій драгунскій, высланные къ намъ навстрѣчу изъ Кюрюкъ-Дара (*). До 4-го августа баталіонъ оставался въ Паргетѣ, гдѣ жара давала себя чувствовать, 4-го же числа, раннимъ утромъ, выступилъ въ Башъ-Кадыкляръ, имѣя назначеніе войдти въ составъ колонны генерала Девеля. Слѣдуя къ Башъ-Кадыкляру, нужно было пройти черезъ Кюрюкъ Дара—мѣсто расположенія главныхъ силъ и штаба дѣйствующаго корпуса.

Въ Кюрюкъ-Дара насъ встрѣтили весьма радушно эриванцы.

Въ 3 часа того же дня, пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ генералъ-адъютанта, нынѣ графа, Лорисъ-Меликова, баталіонъ направился къ мѣсту назначенія, куда и прибылъ къ 6-ти часамъ вечера. Въ Башъ-Кадыклярѣ, нашъ и 4-й кавказскій стрѣлковый баталіоны были поставлены рядомъ, имѣя драгунъ впереди.

5-го числа вечеромъ, получена была диспозиція на 6-е августа, которою назначалось наступленіе. Ночью сняли лагерь, обозъ приготовили къ движенію, людямъ раздали сухари и по фунту мяса на руки. Въ темнотѣ оставили мы свой бивуакъ и двинулись впередъ, по направленію къ правому флангу расположенія турокъ,—къ горѣ Инахъ-Тепеси. (10) Шли всю ночь.—Когда сдѣлалось совсѣмъ уже свѣтло, передъ нами открылся правый флангъ турецкой позиціи. Баталіонъ сталъ въ резервѣ за елисаветпольскимъ полкомъ, на лѣвомъ флангѣ нашей боевой линіи. День былъ ясный, жара часъ отъ часу становилась сильнѣе. Къ 8-ми часамъ цѣпь, занявъ деревню, подошла къ турецкимъ укрѣпленіямъ на ружейный выстрѣлъ, съ артилеріею, которая открыла по нимъ учащенную пальбу; мѣтко и хорошо ложились снаряды въ укрѣпленія, но несмот-

(*) Отъ главныхъ силъ были выдвинуты къ селенію Паргету, подъ командою генералъ-маіора Авинова, 13-й гренадерскій лейбъ-эриванскій Его Величества и 16-й драгунскій нижегородскій Его Величества Короля Виртембергскаго полки, съ одною батареею кавказской гренадерской артилерійской бригады. (Офиціально).

Ред.

ря на это и турки недумали ихъ покидать. Вдругъ, въ 10-ть часовъ, получается приказаніе отступить,—части начали отходить. Пользуясь этимъ, башибузуки бросились преслѣдовать отступавшія колонны; чтобы ихъ остановить, были высланы въ цѣпь роты: 4-я отъ нашего баталіона и одна изъ ротъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона.—Потерь на нашемъ флангѣ небыло, кромѣ случая солнечнаго удара, поразившаго солдата въ одной изъ пѣхотныхъ частей. Въ 4-ре часа возвратились мы на бивуакъ, гдѣ и оставались до 12-го августа (11). Въ теченіи шести дней—съ 7-го по 12-е августа—баталіонъ несъ сторожевую службу и только 10-го числа ночью, была выставлена 4-я рота на лѣвый флангъ расположенія войскъ, гдѣ съ дивизіономъ кубанской казачьей батареи, по указанію генеральнаго штаба полковника Маламы, заняла позицію и всю ночь прождала нападенія турецкой кавалеріи.

Съ разсѣтомъ рота и дивизіонъ вернулись обратно.

Утромъ 12-го числа, баталіонъ, вмѣстѣ съ 4-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, снялись съ бивуака и начальникомъ стрѣлковой бригады, лично, были отведены въ Кюрюкъ-Дара. Прійдя на мѣсто въ 6-ть часовъ —къ вечеру, баталіонъ вполнѣ устроился и выслалъ на аванпосты 3-ю роту. Вечеръ былъ тихъ, погода прелестная; многіе до поздней ночи неложились спать —Только что мы улеглись, какъ, въ 4-мъ часу, послышался ружейный выстрѣлъ со стороны горы Кизилъ-Тапа, за нимъ другой, третій и т. д. . . . Люди въ мигъ были готовы и молча стали въ ружье (12). У ставки генерала Комарова забили тревогу. Баталіонъ ожидалъ лишь приказанія двинуться. Въ скоромъ времени подъѣхалъ генералъ Комаровъ и далъ приказаніе князю Барятинскому двинуть баталіонъ по направленію къ Кизилъ-Тапѣ. 3-я рота, занимавшая аванпостную цѣпь, присоединилась къ баталіону.

Въ темнотѣ обогнули мы, правымъ плечемъ, Караялъ и увидѣли Кизилъ-Тапу, залитую огнемъ. Пройдя довольно значительное разстояніе, баталіонъ получилъ приказаніе двинуться къ с. Суботапу. Перестроившись поротно, въ двѣ линіи, имѣя 1-ю и 4-ю роты въ первой,—мы двинулись по указанному направленію. Между полубаталіонами шла 1-я батарея кавказской гренадерской арти-

лерійской бригады. Было уже свѣтло, когда мы узнали, что бывшіе на Кизилъ-Тапѣ имеретинцы, вслѣдствіе неожиданнаго нападенія на нихъ турокъ, принуждены были оставить гору и она занята уже непріятелемъ. Выславъ цѣпь, баталіонъ быстро подавался впередъ и очень скоро вошелъ въ сферу ружейнаго огня (*). Правѣе насъ, на весьма далекое разстояніе, невидно было ни одной части нашего отряда. Приказано зорко слѣдить за правымъ нашимъ флангомъ, такъ какъ отсюда можно было ожидать нападенія турецкой кавалеріи. Чтобы ближе подойти къ с. Суботану, князь Барятинскій приказалъ подаваться болѣе вправо. Въ это время (около 7 ч. утра), одна изъ гранатъ, пущенная со стороны Кизилъ-Тапы, сильно прожужжавъ, шлепнулась возлѣ князя, и, на глазахъ 2-й роты и роты Его Высочества, баталіонный командиръ, какъ мертвый, упалъ на землю. Въ первый моментъ, никто незналъ убитъ онъ, или нѣтъ; оказалось, что князь былъ сильно контуженъ въ голову. Немедленно подали носилки и князя, въ сопровожденіи завѣдывавшаго хозяйствомъ штабсъ-капитана Кирпотина, унесли съ поля сраженія. Чтобы недать времени людямъ почувствовать столь важную потерю,—командиръ роты Его Высочества штабсъ-капитанъ Клименко, какъ старшій въ 1-мъ полубаталіонѣ, принялъ на себя командованіе и рѣшительно двинулъ впередъ роты 1-го полубаталіона, пріостановившіяся было, при паденіи баталіоннаго командира.

Твердъ и ровенъ былъ шагъ подвигавшихся, подъ перекрестнымъ огнемъ, стрѣлковъ; наша цѣпь залегла, открыла убійственный огонь, и, въ скоромъ времени, начала тѣснить непріятеля, за-

(*) Здѣсь баталіонъ раздѣлился: роты 1-го полубаталіона (1-я и 2-я роты) пошли вправо къ Суботану, а роты 2-го полубаталіона (3-я и 4-я) пошли лѣвѣе, къ Кизилъ-Тапѣ. Батарея, шедшая посреди баталіона, пошла съ 1-мъ полубаталіономъ. Роты 2-го полубаталіона, дойдя до небольшой рѣчки, верстахъ въ 5-ти отъ Кизилъ-Тапы, остановились и залегли. Впереди, турокъ не было видно; одна батарея выѣхала было, но очень скоро снялась и ушла обратно, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Черезъ часъ, роты, по приказанію начальника бригады, поднялись и стали отходить по направленію къ Суботану, на присоединеніе къ 1-му полубаталіону.

Авт.

сѣвшаго въ оврагѣ. Полубатальонъ дошелъ до небольшой ложбины, очень близко къ турецкой цѣпи; жара становилась невыносимой; жажда мучила; по близости нельзя было достать ни капли воды.

Турки, видя опасность угрожавшую д. Суботану, усилили по насъ, и до того уже адскій огонь. Роты, неимѣя закрытій, лежа на чистомъ мѣстѣ, отстрѣливались, дабы, отдохнувъ, двинуться затѣмъ впередъ, за оврагъ. Много легло въ резервѣ, но люди героями шли и героями умирали; вопли и стоны не вырывались изъ могучихъ грудей. Надолго останется въ памяти у всѣхъ насъ смерть стрѣлка роты Его Высочества Петрова, сраженнаго пулею на глазахъ товарищей. Будучи смертельно раненъ, Петровъ перекрестился, и, съ вѣрою и улыбкою на устахъ, безмолвно уснулъ вѣчнымъ сномъ.

Наконецъ, турки, видя, что ни пули, ни обыкновенныя гранаты на насъ недѣйствуютъ, начали пускать къ намъ гранаты съ дистанціонными трубками. Первый моментъ было жутко, но скоро мы и къ нимъ привыкли; осколки осыпали насъ, но, какъ видно, Богъ хранилъ всѣхъ. Адъютантъ, какъ бывшій все время верхомъ на лошади, замѣтилъ, что лѣвый флангъ нашей цѣпи вдругъ подался назадъ, по направленію къ резерву. Увидя это, онъ предупредилъ остановить отходившихъ. Вмѣсто отвѣта, офицеры, моментально обнаживъ сабли, бросились впередъ, передъ свои части, а командиръ 2-й роты тотчасъ же выслалъ полувзводъ въ цѣпь, на поддержку. Примѣръ офицеровъ-начальниковъ подѣйствовалъ, и отходившіе заняли оставленную ими линію, заявивъ только, что у нихъ нѣтъ патроновъ. Тотчасъ же патроны были подвезены, цѣпь поднялась, двинулась впередъ и стала такъ тѣснить турокъ, что заставила ихъ бросить свои ровики. Въ этотъ промежутокъ времени, были ранены прапорщикъ Кривецовъ—въ цѣпи, и прапорщикъ Бахтіаровъ—въ резервѣ. Двигаться дальше и перейдти оврагъ не пришлось, такъ какъ къ ротамъ подъѣхалъ флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ, принявшій командованіе надъ колонною генерала Комарова, раненаго въ скоромъ времени послѣ князя Барятинскаго и поручилъ адъютанту подпоручику Курочкину передать приказаніе 1-му и 4-му стрѣлковымъ баталіонамъ отступить перекатною

цѣпью, направляясь къ кургану, гдѣ находился командовавшій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ. Приказаніе было передано командирамъ частей и баталіонъ началъ отступать подъ градомъ пуль и сильнымъ артилерійскимъ огнемъ. Отступленіе баталіона перекатною цѣпью,—по словамъ бывшихъ возлѣ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова на курганѣ, откуда видѣли всѣ наши движенія,—было, говорятъ, совершено блистательно—люди шли словно на учебномъ плацу.

Когда значительно уже отошли назадъ, получено было приказаніе баталіону снова перейти въ наступленіе, чтобы прикрыть флангъ отступавшихъ отъ Кизилъ-Таны нашихъ войскъ. При вторичномъ наступленіи, весь баталіонъ былъ въ сборѣ и командованіе принялъ старшій капитанъ—командиръ 4-й роты—Бейнардтъ.

Вторично подойдя къ турецкой цѣпи на дистанцію ружейнаго выстрѣла, баталіонъ остановился и отъ рот ъ была выслана цѣпь. Жара была сильная, люди съ утра не имѣли глотка воды; позднѣе, благодаря распоряженію корпуснаго командира, вода была къ намъ подвезена въ бурдюкахъ и каждый стрѣлокъ получилъ по чаркѣ; для разноски воды въ цѣпь были назначены стрѣлки отъ резерва.

Затѣмъ, когда задача баталіономъ была выполнена, мы отступили къ кургану, безъ потерь, преслѣдуемые артилерійскимъ огнемъ. Здѣсь, баталіонъ остался до сумерекъ, а потомъ отошелъ обратно въ Кюрюкъ-Дара и расположился бивуакомъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Потери баталіона за 13-е августа были слѣдующія: контуженъ гранатою въ голову командиръ баталіона подполковникъ князь Барятинскій; ранены: прапорщикъ Бахтіяровъ и Кривенцовъ,—оба въ ногу; нижнихъ чиновъ убито: горнистъ одинъ, рядовыхъ 12; ранено: фельдфебель одинъ—Петръ Кругловъ, унтеръ-офицеровъ 2 и, рядовыхъ 27 и контужено 9. ([13])

14-го августа, отъ баталіона выслана была рота Его Высочества въ почетный караулъ, по случаю пріѣзда Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею изъ Александрополя въ Кюрюкъ-Дара; остальныя роты приготовлялись, чтобы молодцами представиться своему Авгу-

стѣйшему Шефу. Въ 10-ть часовъ утра, войска, безъ ружей, построились на передпихъ линейкахъ въ ожиданіи прибытія Его Императорскаго Высочества. Въ 11-ть часовъ, Его Высочество подъѣхалъ къ баталіону, изволилъ благодарить за службу и нашелъ стрѣлковъ, какъ Онъ изволилъ выразиться, „выглядывающими женихами“.

На третій день, баталіонъ перешелъ къ Байрахтару и въ тотъ же день заплялъ позицію впереди деревни Огузлы, въ шести верстахъ отъ Кюрюкъ-Дара, ставъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ частей, на правомъ флангѣ байрахтарскаго лагеря.

Правѣе насъ, въ шести верстахъ, находился кюрюкъ-дарпнскій лагерь (главныя силы); лѣвѣе, шагахъ въ 200-хъ, стоялъ имеретинскій полкъ 40-й дивизіи; въ тылу, за оврагомъ, была деревня Огузлы. По приходѣ на мѣсто, тотчасъ же приступлено было къ укрѣпленію позиціи и вырыты ряды ровиковъ и ложементовъ.

Впереди насъ находилась, хорошо укрѣпленная и прочно занятая турками, Кизилъ-Тапа.

Стоянка у Огузловъ была утомительная и тревожная; нападенія непріятеля ожидали чуть ли не каждую ночь, служба въ сторожевой цѣпи была усиленная: каждую ночь двѣ роты выходили на аванпосты, одна изъ нихъ выставляла сторожевую цѣпь, а другая, цѣликомъ, лежала въ ложементахъ, чтобы, въ случаѣ надобности, въ мигъ явиться на поддержку. Неспокоенъ былъ сонъ и остальныхъ ротъ, свободныхъ отъ аванпостной службы: всегда надо было быть, какъ говорится: „на чеку“. Тутъ же, на позицію у сел. Огузловъ, къ баталіону прибыли, на пополненіе, молодые солдаты изъ запаснаго стрѣлковаго баталіона (14). Съ ними тотчасъ были начаты строевыя занятія и обращено все вниманіе на исправленіе ихъ снаряженія.

ГЛАВА V.

Штурмъ и взятіе большой Ягны 20-го сентября. Дѣло 21-го сентября. Позиція на Кабахъ-Тапѣ. Вторичное занятіе большой Ягны. Штурмъ Авліара 3-го октября. Взятіе Визинъ-Кея. Представленіе плѣнной турецкой арміи Его Высочеству Главнокомандующему. Награды, розданныя Его Высочествомъ.

Находясь сами въ тревожномъ состояніи, мы подавали и туркамъ покоя, весьма часто тревожа ихъ по ночамъ, высылаемыми по очереди отъ всѣхъ частей, охотничьими командами. Такъ баталіонъ простоялъ до 18-го сентября, когда, въ 8-мь часовъ вечера, былъ поднятъ съ мѣста расположенія и перешелъ въ Кюрюкъ-Дара, занявъ палатки эриванскаго полка (*). Весь день 19-го мы провели въ отдыхѣ. 19-го сентября, въ 11-ть часовъ вечера, баталіонъ приготовился къ выступленію и былъ направленъ къ большой Ягнѣ (15). Шли всю ночь и только съ разсвѣтомъ подошли и присоединились къ колоннѣ генерала Геймана. Соединившись съ этою колонною, недоходя версты четыре до большой Ягны, баталіонъ остановился въ оврагѣ, на привалъ. Тутъ же роздали людямъ по шести, семи пачекъ патроновъ, и, затѣмъ, двинулись далѣе, въ боевомъ порядкѣ. Въ головѣ колонны шелъ разъѣздъ отъ оренбургскаго казачьяго полка; за нимъ, цѣпь охотниковъ отъ мингрельскаго и несвижскаго полковъ; затѣмъ, слѣдовалъ баталіонъ; за нами, шелъ несвижскій полкъ, а въ хвостѣ, двигались артилерія и патронные ящики.

Выйдя изъ оврага, баталіонъ перестроился поротно, въ двѣ линіи и выслалъ отъ себя цѣпь на лѣвый флангъ, для охвата Ягны со стороны горы Авліара.

Недоходя полуверсты до подошвы Ягны, 2-я и 3-я роты, бывшія въ 1-й линіи, цѣпкомъ разсыпались въ цѣпь, имѣя, съ правой стороны охотниковъ вышесказанныхъ полковъ, а за собою, въ частномъ резервѣ, 1-ю и 4-ю роты.

Было уже совсѣмъ свѣтло. Мы двигались осторожно, безъ

(*) Движеніе это совершалось въ теченіи цѣлой ночи.

Авт.

шума. Турки спали и, такимъ образомъ, можно было бы подойти къ траншеямъ на весьма близкое разстояніе, еслибъ не казаки, не убравшіеся во время за цѣпь, которые увидѣвъ пасшихся лошадей, бросились ловить ихъ, лошади же шарахнулись отъ нихъ къ верху. Убѣдившись, что поймать ихъ не удастся, одинъ изъ казаковъ, съ досады, выстрѣлилъ въ лошадей и тѣмъ разбудилъ турецкаго часоваго, который сдѣлалъ по насъ выстрѣлъ, а вслѣдъ за этимъ на Ягнѣ показался дымъ отъ горящаго сигнальнаго столба. Баталіонъ бѣгомъ пододвинулся къ горѣ и ползкомъ началъ подниматься вверхъ.—Было приказано открыть огонь. Турки по всей горѣ пришли въ движеніе—и съ Ягны полился свинцовый дождь. Видя стойкость и полное спокойствіе наступавшихъ, турки терялись, суетились, стрѣляли наугадъ и градъ пуль безвредно проносился надъ нашими головами. Большую помощь оказала намъ, при этомъ случаѣ, батарея руководимая адъютантомъ Его Высочества полковникомъ Петерсомъ.

Непривычка стрѣлять по цѣлямъ, стоящимъ значительно выше, повела къ тому, что турки долгое время безнаказанно высовывались изъ своихъ траншей для стрѣльбы по насъ; но когда офицерами было опредѣлено вѣрно разстояніе до гребня, посредствомъ пристрѣлки (такъ, командиромъ 3-й роты капитаномъ Линдбладтомъ, для этой цѣли, лично было выпущено до ста двадцати патроновъ), то турки, стали понемногу покидать траншеи, а остававшіеся въ нихъ, стрѣляли лишь изъ боязни быть убитыми собственными же офицерами. Когда между нами и траншеями осталось не болѣе шаговъ 15-ти, то и остальные турки начали покидать траншеи, что конечно, придало намъ еще болѣе смѣлости, и стрѣлки, съ офицерами впереди, съ неумолкаемымъ «ура!» взбѣжали на гору, ворвались въ траншеи и ударили въ штыки.—Турки бросились бѣжать къ сторонѣ Визинъ-кея, но тутъ подоспѣли казаки 2-го горско-моздокскаго полка, окружили бѣжавшихъ въ котловинѣ, между большими и малыми Ягнами и Визинъ-кеемъ, и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Честь занятія большой Ягны цѣликомъ досталась баталіону (17) и лишь нѣсколькимъ молодцамъ изъ охотниковъ мингрельскаго и несвижскаго полковъ, вмѣстѣ съ ихъ началь-

никами; она была занята нами въ девять часовъ утра. Большая Ягны, очень крутая и высокая, стоящая отдѣльно, гора, имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, вершина котораго обвита сплошною траншеею. Вскорѣ насъ посѣтили корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, начальникъ колонны генералъ Гейманъ, генералъ фонъ-Шакъ и много другихъ начальствовавшихъ лицъ. Тотчасъ же поспѣшили убрать раненыхъ и убитыхъ. Окончивъ это, баталіонъ построился на молебствіе, но такъ какъ при баталіонѣ священника небыло, то передъ образомъ Спасителя, подареннымъ баталіону Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Ольгою Ѳеодоровною, стрѣлки вознесли теплыя молитвы Всевышнему..... Баталіонные пѣвчіе пропѣли народный гимнъ и, по убитымъ, „вѣчную память“.

Вслѣдъ за этимъ, часовъ въ 11-ть, по вынутому ротными командирами жребію, 2-я и 3-я роты, подъ командою поручика Побыванца, двинулись на выручку батареи полковника Горковенко, на которую сильно насѣдали турки, наступавшіе со стороны Хаджи-Вали. Смѣнивъ мингрельцевъ, поручикъ Побыванецъ, сразу открылъ очень частый и мѣткій огонь, заставившій турокъ скоро отступить и батарея полковника Горковенно получила возможность сняться съ позиціи и отойти назадъ; до прихода стрѣлковъ батарея эта понесла большой уронъ отъ ружейнаго огня. Къ 11-ти часамъ ночи, обѣ роты возвратились обратно на Ягны, гдѣ баталіонъ оставался весь слѣдующій день, 21-го числа.

22-го числа, мы спустились съ большой Ягны и отошли съ колонною генерала Геймана на Кабахъ-Тапу, не оставивъ послѣ себя на Ягны рѣшительно никого; послѣднею спустилась 4-я рота.

20-го сентября, въ баталіонѣ убитъ командовавшій 4-ю ротою поручикъ Бавталовскій, контуженъ въ ногу подпоручикъ Латернеръ; изъ нижнихъ чиновъ убито: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 12-ть, ранено: унтеръ-офицеровъ 6-ть, рядовыхъ 55-ть и контужено унтеръ-офицеровъ 3 и рядовыхъ 7 (16).

За взятіе б. Ягны, баталіону прислана была черезъ окружный штабъ, отъ неизвѣстнаго лица, тысяча рублей, которую раздѣлили слѣдующимъ образомъ: участвовавшимъ въ дѣлѣ и оставшимся невре-

димыми было выдано по 1-му рублю, раненымъ—по три рубля, а семействамъ убитыхъ—по 10-ти рублей.

Оставивши большую Ягны, баталіонъ расположился на самомъ крайнемъ нашемъ правомъ флангѣ, у небольшой возвышенности Кабахъ-Таны, имѣя передъ собою большую и малую Ягны. Новая позиція представляла много весьма чувствительныхъ неудобствъ, такъ напримѣръ: на разстояніи 10-ти—15-ти верстъ небыло воды, а для пищи она доставлялась за 15-ть верстъ изъ Кюрюкъ-Дара; кромѣ того, позиція была открыта со всѣхъ сторонъ для подступовъ непріятеля, вслѣдствіе чего, тотчасъ по приходѣ, было обращено вниманіе на усиленіе ея. Съ значительнымъ рвеніемъ взялись стрѣлки за работу и, къ вечеру 23-го сентября, мы имѣли уже отлично устроенные ровики и траншеи; рабочими руководилъ, главнымъ образомъ, 1-го кавказскаго сапернаго баталіона подпоручикъ Коваленко.

27-го числа, въ 2 часа дня, было замѣчена какая-то суета въ турецкомъ лагерѣ подъ Суботаномъ и движеніе нашихъ войскъ со стороны Караяла къ этому селенію. Баталіонъ былъ готовъ всякую минуту двинуться. Въ $2^1/_2$ часа отъ генерала Геймана получено было приказаніе выступить къ Суботану, оставивъ лагерь и обозъ на Кабахъ-Танѣ. Баталіонъ, въ боевомъ порядкѣ, будучи правофланговою частью наступательной нашей линіи, быстро подвигался впередъ, желая принять участіе въ новомъ дѣлѣ, но когда подошли къ суботанскому лагерю, перестрѣлка стала затихать и лишь нѣсколько шальныхъ пуль, съ визгомъ, прилетѣли къ намъ и шлепнулись на землю. Наступившая ночь водворила полную тишину. Баталіону приказано было остаться при генералѣ Гейманѣ. Ночь прошла спокойно.

Рано утромъ 28-го числа, командовавшій баталіономъ получилъ приказаніе двумя ротами занять большую Ягны, а двѣ другія, выслать на лѣвый флангъ въ сторожевую цѣпь; такимъ назначеніемъ баталіонъ былъ разбитъ на двѣ части, съ разстояніемъ между ними въ двѣнадцать верстъ. На большую Ягны пошли 2-я и 3-я роты подъ общею командою командира 3-й роты капитана Линдбладта.

Когда названныя роты начали взбираться на гору, турки съ

Авліара пустили по нимъ нѣсколько гранатъ, но изъ нихъ двѣ перелетѣли большую Ягны, а другія упали по близости, не причинивъ ни малѣйшаго вреда.

Заняли они гору около 11-ти часовъ утра; находившаяся тамъ казачья сотня немедленно спустилась съ горы и роты заняли траншеи къ сторонѣ Авліара цѣпью, а резервъ расположился въ котловинѣ, на вершинѣ.—1-я и 4-я роты стали на лѣвомъ флангѣ боеваго расположенія, имѣя за собою верстахъ въ 2-хъ деревню Суботанъ. Простояли тутъ недолго.

Въ 4-ре часа вечера, генералъ Гейманъ потребовалъ къ себѣ командовавшаго баталіономъ маіора Герича и приказалъ ему, съ первою и четвертою ротами двинуться на усиленіе ротъ бывшихъ на большой Ягны. (*) Въ половинѣ 6-го часа вечера, роты двинулись къ Ягны и лишь къ $8^1/_2$ часамъ подошли къ горѣ. Большаго труда стоило дать знать на вершину о прибытіи своихъ; когда поднялись туда, то у всѣхъ отлегло отъ сердца и увѣренность, что теперь уже нельзя было вырвать изъ нашихъ рукъ Ягны, стала общею.

Въ этотъ же день, около 12-ти часовъ ночи, секретъ остановилъ казака и препроводилъ его къ намъ наверхъ; оказалось что казакъ былъ посланъ съ запискою отъ генерала Геймана, въ которой было сказано,—скрытно, ночью, оставить большую Ягны и прибыть въ Суботанъ. Баталіонъ немедленно началъ собираться.

Въ полномъ порядкѣ, готовые ко всякой случайности, покинули мы, такимъ образомъ, большую Ягны, при взятіи которой лишились многихъ храбрыхъ товарищей-стрѣлковъ.

Въ 6-мъ часу утра, на слѣдующій день, т. е. 29-го числа, пришли въ Суботанъ, гдѣ и простояли до 3-го октября.

Въ этотъ промежутокъ времени, отъ баталіона два раза, ночью, выходили роты въ прикрытіе къ саперамъ, строившимъ батареи

(*) Движеніе ротъ было вызвано тѣмъ, что съ б. Ягны замѣчено наступленіе къ Ягнамъ, со стороны Визинъ-Кея, шести таборовъ и полка кавалеріи. При этой демонстраціи со стороны турокъ—съ Визинъ-Кея и съ Авліара—сдѣлано было до 6. Ягны нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ.

Авт.

для дальнобойныхъ орудій.

3-го октября, рано утромъ, замѣтно было сильное движеніе въ лагерѣ у Турокъ къ сторонѣ Карса; баталіонъ, какъ и прочія части, немедленно сталъ въ ружье, а затѣмъ, вслѣдствіе полученнаго приказанія, двинулся на правый флангъ къ сторонѣ большой Ягны и вошелъ въ составъ колонны генерала Соловьева (18).

Утро было пасмурное и холодное; настроеніе людей—самое веселое; остроты на суетившихся турокъ и на пускаемыя ими, совершенно безвредныя для насъ, гранаты—вызывали, неразъ, веселый хохотъ.

Около 8-ми часовъ началось общее наступленіе. По распоряженію генерала Геймана баталіонъ назначенъ былъ въ резервъ, какъ бы въ наказаніе за то, что 20-го сентября, между прочимъ, не по своей винѣ, нѣсколькими минутами позже прибылъ къ его колоннѣ. Крайне прискорбно было оставаться въ резервѣ, но что же дѣлать, воля начальства!

Подходя къ назначенному мѣсту, баталіонъ перестроился поротно въ двѣ линіи и сталъ позади 1-го кавказскаго сапернаго баталіона.

Отсюда начали наступать къ Авліару, противъ котораго уже развернулись кавказскіе гренадеры. Эриванцы шли на правомъ флангѣ; ихъ 1-й баталіонъ развернулся противъ Визинъ-Кея, съ котораго, на встрѣчу ему, стройно наступали 6-ть таборовъ турокъ. Перестрѣлка шла самая оживленная; съ Авліара, на наступавшихъ гренадеръ, буквально лился свинцовый дождь. Къ намъ, стоявшимъ въ резервѣ, долетали лишь гранаты; но мы ужъ къ нимъ привыкли, а потому мало обращали на нихъ вниманія.

Колонна генерала Соловьева остановилась противъ Авліара такимъ образомъ, что сзади ея приходилась большая Ягны.

Противъ Авліара сосредоточена была масса нашихъ орудій; огонь ихъ былъ настолько мѣтокъ, что казалось будто Авліаръ преобразился въ вулканъ;—картина восхитительная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасная.

Тутъ, можно сказать, намъ впервые пришлось увидѣть стойкость турецкаго солдата; повидимому, нашъ адскій огонь ихъ не

смущалъ и они, какъ бы прикованные къ землѣ, продолжали стрѣльбу еще съ большимъ ожесточеніемъ; бѣлый дымъ изъ траншей опоясывалъ до послѣдней минуты неприступнаго гиганта Авліара.

Видно было, какъ съ Аладжи спѣшили къ туркамъ подкрѣпленія. Съ Визинъ-Кея, съ этою-же цѣлью, шли къ Авліару шесть сильныхъ, свѣжихъ таборовъ, насѣдавшихъ сильно на эриванцевъ, желая пробиться къ своимъ. Эриванцы, быстро разстрѣлявъ свои патроны, остались на мѣстѣ, не подавшись ни шагу назадъ. Вѣсть. о тяжеломъ положеніи 1-го баталіона эриванцевъ мигомъ долетѣла до насъ и командовавшій баталіономъ маіоръ Геричъ, не получивъ еще на то приказанія, повелъ баталіонъ на выручку, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять на себя и ударъ, направленный на нашихъ кунаковъ-эриванцевъ.

Только тогда, когда мы подходили къ котловинѣ, лежащей между большою Ягны, визинъ-кейскимъ плато и Авліаромъ, получено было приказаніе отъ генерала Геймана, баталіону идти на выручку эриванцевъ. Съ Авліара турками было замѣчено наше движеніе противъ ихъ послѣдняго оплота—поддержки съ Визинъ-Кея, и тутъ-то, послѣдняя злость защитниковъ Авліара, обрушилась на насъ: свинцовыми тучами осыпали они баталіонъ, теряя надежду на свое спасеніе. Огонь ихъ былъ такъ мѣтокъ и силенъ, что при этомъ движеніи, въ какія нибудь нѣсколько минутъ, мы лишились четырехъ офицеровъ и многихъ нижнихъ чиновъ: въ это время, былъ убитъ прапорщикъ Ковальскій; ранены: подпоручикъ Алексѣевъ—въ голову, прапорщикъ Шмидтъ—въ ногу и контуженъ въ ногу подпоручикъ Купцовъ. Убито нижнихъ чиновъ: унтеръ-офицеровъ—2, рядовыхъ—7 и ранено: унтеръ-офицеровъ—6 и рядовыхъ—46 (19).

Выбѣжавъ изъ котловины, баталіонъ, немедля разсыпалъ густую цѣпь, которая открыла весьма частый огонь по наступавшимъ таборамъ. Огонь произвелъ желаемое дѣйствіе: турки, насѣдавшіе на эриванцевъ, остановились, а потомъ, очень скоро, принуждены были повернуть обратно, восвояси, на Визинъ-Кей. Защитники Авліара, видя это,—дрогнули и стали по немногу при-

подниматься и выходить изъ траншей, отчего огонь ихъ сталъ замѣтно слабѣть. Пользуясь этимъ, наши войска, атаковавшія Авліаръ, разомъ поднялись и ринулись впередъ; раздалось могучее „ура!“.

Турки окончательно разстроились. Густою массою бросились они бѣжать внизъ съ горы къ Визинъ-Кею, но и тутъ встрѣтили препятствіе: лѣвый флангъ нашей цѣпи, неимѣя уже передъ собою непріятеля и угадавъ намѣреніе бѣжавшихъ, бросился имъ на перерѣзъ (*) и заставилъ бѣглецовъ податься къ оврагу и бѣжать къ сторонѣ Аладжи. Наступалъ уже полдень.

Авліаръ былъ взятъ (20). На немъ уже развѣвались русскія знамена и неумолкавшее „ура!“ огласило окрестности... На душѣ каждаго стало легко.

Баталіонъ продолжалъ движеніе. Мы, съ саперами, стройно двинулись на Визинъ-Кей, а подоспѣвшая артилерія открыла огонь по этой возвышенности. Турки съ Визинъ-Кея отвѣчали лишь ружейною пальбою, но вскорѣ огонь ихъ сдѣлался рѣже и въ траншеяхъ началась бѣготня; турки выскакивали изъ нихъ и бросались влѣво, къ сторонѣ Карса. Вслѣдъ за этимъ, мы увидѣли нашу кавалерію, ворвавшуюся на Визинъ-Кей. Драгуны, изъ обходной колонны генерала Лазарева, первые заняли его—послѣднюю опору турокъ, которые бѣжали къ Карсу. Часть ихъ была изрублена,—часть окружена и захвачена въ плѣнъ.—И съ Визинъ-Кеемъ было покончено!.... На Аладжѣ, цѣлые таборы находились у насъ въ плѣну. Къ вечеру на Визинъ-Кей собрались войска, куда вскорѣ прибылъ корпусный командиръ, а позднѣе и Его Императорское Высочество Главнокомандующій Арміею.

Отъ баталіона, равно какъ и отъ прочихъ частей, были выставлены аванпосты; остальные люди были наготовѣ.

Ночью, у насъ, огней нигдѣ не было видно; вездѣ царствовали мракъ и тишина;—что ожидало насъ впереди, никто незналъ.... Но вотъ, въ 2 часа ночи, облетѣла всѣхъ радостная вѣсть: на

(*) Съ прапорщикомъ Дегтянниковымъ и вольноопредѣляющимся (нынѣ прапорщикомъ) Рѣзуновымъ.

Авт.

Аладжѣ армія Мухтара-паши сдалась въ плѣнъ и уже отъ турокъ отбиралось оружіе, а самъ Мухтаръ-паша и многіе начальники бѣжали въ Карсъ. Такимъ образомъ закончился достославный и памятный для насъ день 3-го октября.

4-го октября, плѣнная армія, на Визинъ-Кеѣ, была представлена Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему кавказскою арміею и, послѣ сего, направлена въ городъ Александрополь. Въ этотъ день на самомъ Визинъ-Кеѣ были оставлены только нѣсколько частей, въ числѣ конхъ и нашъ баталіонъ, а остальныя—были расположены въ окрестностяхъ. Подъ вечеръ баталіонъ двинулся въ деревню Визинъ-Кей, гдѣ и долженъ былъ остаться до послѣдующихъ распоряженій. По дорогѣ къ деревнѣ, мы видѣли печальныя послѣдствія войны: по сторонамъ дороги валялись массы турецкихъ труповъ; мѣстами попадались раненые изнемогавшіе отъ истощенія, которые при видѣ русскихъ притворялись мертвыми; встрѣчались и легко раненые, умолявшіе насъ о помощи . . . . Но чѣмъ могли мы имъ помочь, когда при насъ не было ни обоза для ихъ перевозки, ни воды для утоленія жажды этихъ несчастныхъ страдальцевъ; только одного изъ нихъ удалось посадить въ лазаретную фуру, биткомъ набитую своими.

5-го октября баталіонъ оставался въ деревнѣ Визинъ-Кей, подъ сильнымъ дождемъ. Въ 7-мь часовъ утра, 7-го числа, мы, съ колонною генерала князя Щербатова, выступили въ Магараджикъ, чтобы тамъ присоединиться къ колоннѣ генерала Геймана, двинувшейся къ сторонѣ крѣпости Карса, но немѣя проводника проплутали порядкомъ, въ концѣ же концовъ, напали на дорогу и прибыли въ назначенное мѣсто.

8-го октября, въ Магараджикѣ, Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему благоугодно было навѣсить знаки отличія военнаго ордена нижнимъ чинамъ, особенно отличившимся въ дѣлѣ 3-го октября ([21]).

ГЛАВА VI.

Переходъ въ большую Тикму къ ставкѣ Его Высочества. Ночная рекогносцировка 1-й роты къ Карсу. Лихое дѣло кутаисцевъ у Хафпса. Переходъ въ Веранъ-Кала. Отмѣненный штурмъ крѣпости Карса 1-го ноября. Штурмъ и взятіе Карса—въ ночь съ 5-го на 6-е ноября; потери баталіона. Переходъ баталіона въ Карсъ. Георгіевскій праздникъ. Производство унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся въ прапорщики.

10-го октября баталіонъ перешелъ въ селеніе Большую Тикму и, расположившись лагеремъ возлѣ ставки своего Августѣйшаго Шефа, вошелъ въ составъ колонны генерала Роопа.

13-го числа, получено было приказаніе какъ можно чаще высылать на ночь къ Карсу охотниковъ, чтобы тревожить турокъ. Въ охотники, роты выходили по очереди, всегда въ полномъ составѣ.

Первою, съ этою цѣлью, пошла рота Его Высочества. 17-го, въ сумерки, оставивъ лагерь и перейдя мостъ черезъ рѣку Карсъ-Чай, рота двинулась по направленію къ Карсу, чтобы подойти для рекогносцировки къ деревнѣ Кечикъ-Кей. Въ полной тишинѣ, около часу ночи, рота перешла небольшой деревянный мостъ и подошла къ кладбищу. Командиръ роты разсыпалъ полувзводъ въ цѣпь и готовился уже отдать приказаніе открыть огонь, какъ вдругъ, правѣе цѣпи, раздался выстрѣлъ, пуля просвистала надъ головами и вслѣдъ за этимъ показалось нѣсколько небольшихъ колоннъ, шедшихъ на встрѣчу ротѣ. Увидѣвъ близкое присутствіе турокъ, ротный командиръ штабсъ-капитанъ Клименко, спокойно отвелъ роту обратно за мостъ, оставивъ на мѣстѣ лишь человѣкъ 10-ть стрѣлковъ-охотниковъ, вызвавшихся пострѣлять. Имъ было приказано выпустить по три патрона, а затѣмъ, быстро присоединиться къ ротѣ. Лишь только охотники открыли огонь, какъ турки отвѣтили страшною трескотнею со стороны Кечикъ-Кея и съ высоты находящейся на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая; пули, массою высоко проносились надъ головами; по присоединеніи охотниковъ рота стала отступать. Вскорѣ стрѣльба турокъ понемногу затихла, а когда мы отошли шаговъ на 900-тъ, то и со-

всѣмъ прекратилась.

Тогда, для прикрытія обратнаго движенія, штабсъ-капитанъ Клименко оставилъ подпоручика Курочкина съ 30-ю стрѣлками и велѣлъ открыть огонь не прежде, какъ остальная часть роты отойдетъ отъ него шаговъ 150-ть. Занявъ по фронту шаговъ 100, цѣпь открыла огонь по направленію къ Кечикъ-Кею и Карсъ-Чаю. Тутъ опять со стороны турокъ засверкали огоньки и пули со свистомъ проносились черезъ цѣпь къ резерву; ясно было, что турки перешли въ наступленіе по лѣвому берегу Карсъ-Чая. Изъ опасенія быть обойденными, приказано было цѣпи прекратить огонь и присоединиться къ ротѣ. Такимъ образомъ, покончивъ свое дѣло, т. е. надѣлавъ тревогу у турокъ, рота, безъ потерь, возвратилась въ лагерь (*).

Вообще, во время подобныхъ ночныхъ рекогносцировокъ, въ баталіонѣ потерь не было.

24-го октября, весь день велась усиленная орудійная стрѣльба изъ крѣпости Карса и, особенно, изъ укрѣпленія Хафисъ-паша. Впрочемъ, турки также яростно громили съ Тохмаса, Карадага, Чима и другихъ фортовъ. Судя по огню, казалось, что они силились отразить чью нибудь атаку или попытку штурма Карса съ какой либо стороны. Намъ было завидно и досадно, что мы стоимъ безъ дѣла въ то время, когда другіе заняты такою жаркою работою, но, наконецъ, огонь сталъ затихать и ночью до насъ дошли слухи, будто охотники кутаисскаго полка взяли укрѣпленіе Хафисъ.—На другой день положительно сдѣлалось извѣстнымъ, что баталіонъ кутаисцевъ, выйдя на рекогносцировку Хафиса, увлекшись, ворвался въ укрѣпленіе и занялъ его, взявъ въ плѣнъ многихъ офицеровъ и солдатъ, а при отступленіи, кромѣ того, унеся замки отъ турецкихъ орудій. Послѣ лихаго и отважнаго дѣла кутаисцевъ въ Хафисѣ, ночныя

(*) Кромѣ рекогносцировки роты Его Высочества къ Кечикъ-Кею,—каждую ночь, всѣ роты по очереди, ходили до подножія шорахскихъ высотъ, гдѣ, вызванные охотники, приблизясь на ружейный выстрѣлъ къ турецкимъ аванпостамъ, открывали огонь, послѣдствіемъ чего была у турокъ общая тревога и усиленная пальба по всей линіи ихъ аванпостной цѣпи, занимавшей мѣстность впереди укрѣпленія Тохмасъ, селенія Кечикъ-Кей и укрѣпленія Канлы.

прогулки къ Карсу стали учащаться. Осадная артилерія, главнымъ образомъ, усилила свои дѣйствія противъ фортовъ Хафисъ и Канлы.

Съ каждымъ днемъ, увѣренность въ скоромъ штурмѣ и паденіи Карса росла среди насъ; у нижнихъ чиновъ настроеніе было самое воинственное.

28-го числа, ставка Его Высочества Главнокомандующаго и штабъ командовавшаго корпусомъ были переведены ближе къ Карсу,—къ деревнѣ Веранъ-Кала. Баталіонъ перешелъ также и сталъ лагеремъ на дорогѣ, ведущей въ Карсъ. Отсюда, опять, команды охотниковъ продолжали ходить по почамъ къ Карсу.

1-го ноября, въ 5-мъ часу вечера, баталіонъ, подъ командою маіора Герича, выступилъ изъ лагеря по направленію къ Карсу и по дорогѣ присоединился къ колоннѣ генералъ-маіора графа Граббе. Въ ночь назначенъ былъ штурмъ Карса. Погода, послѣднее время, стояла дождливая, сырая земля отъ частыхъ дождей размокла, сдѣлалась рыхлою; ходить было тяжело и скользко, а въ этотъ день, кромѣ того, съ вечера и всю ночь шелъ мокрый снѣгъ. Но мы не унывали и шли бодро и весело на соединеніе съ колонною графа Граббе. Соединившись, мы остановились и цѣлую ночь, вплоть до утра, не трогались съ мѣста, ожидая приказанія, когда, наконецъ, узнали объ отмѣнѣ штурма. Баталіонъ, временно, былъ отведенъ назадъ, въ сторону, и сталъ за горою у скалы, причемъ было приказано людямъ на гору не выходить и вообще отнюдь непоказываться туркамъ.

Цѣлую ночь провели мы у сел. Караджуранъ подъ мокрымъ снѣгомъ, который тяжелыми хлопьями шелъ безпрерывно всю ночь съ 1-го на 2-е ноября.—Солдаты, кучками въ 10—12 человѣкъ, ложились на землю, распаханную для посѣвовъ и совершенно размокшую, близко другъ къ другу, дабы согрѣться и хотя на нѣсколько минутъ уснуть; большинство же всю ночь ходило взадъ и впередъ, согрѣваясь трубочками и развлекаясь разсказами и прибаутками—и это все въ ожиданіи разсвѣта и штурма, который на этотъ разъ, какъ узнали позже, былъ отложенъ. Офицеры нашли временный пріютъ подъ шатромъ маркитанта, гдѣ согрѣлись чаемъ,

изъ грязной воды съ изюмомъ, вмѣсто сахара.

Въ подобной обстановкѣ, въ ожиданіи приказаній, мы простояли четверо сутокъ.

Наконецъ, 5-го ноября, около 4-хъ часовъ пополудни, стало извѣстно, что въ предстоявшую ночь назначенъ штурмъ. День былъ хорошій, ясный и морозный.

Въ 6-ть часовъ вечера баталіонъ двинулся ([22]) и въ 7-мь часовъ подошелъ къ лагерю перновскаго полка, гдѣ находился въ то время и генералъ-лейтенантъ Лазаревъ. Тутъ мы были встрѣчены начальникомъ бригады свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Гурчинымъ и глубоко тронуты прочувствованными словами, обращенными имъ къ баталіону.

Отъ баталіона отдѣлилась впередъ 4-я рота, въ видѣ охотниковъ; ей приказано было, по возможности, не открывать огня.

Старый боевой ротный командиръ 4-й роты капитанъ Бейнартъ, собралъ роту въ тѣсный кружокъ, напомнилъ людямъ о данной ими присягѣ, обратилъ ихъ вниманіе на то, какъ слѣдуетъ держаться и дѣйствовать въ ночномъ дѣлѣ, и, пожелавъ полнаго успѣха, перекрестясь, двинулся въ путь.

Къ 8-ми часамъ, вся колонна графа Граббе вытянулась по направленію къ укрѣпленію Канлы и ожидала лишь приказанія начать боевое движеніе. Въ это время подъѣхалъ къ намъ генералъ Лазаревъ, поздоровался съ баталіономъ, увѣренно поздравилъ съ успѣхомъ и далъ совѣтъ начальникамъ соблюдать строжайшую тишину.

Безъ звука, въ строгомъ порядкѣ, двинулась колонна графа Граббе, имѣя назначеніе штурмовать фортъ Канлы.

Миновавъ наши батареи съ осадными орудіями, баталіонъ перестроился поротно, въ двѣ линіи, имѣя 2-ю и 3-ю роты въ первой, а роту Его Высочества во второй линіи.

Послѣ часоваго движенія, со стороны укрѣпленія Сувари послышались первые выстрѣлы. Въ мигъ, все передъ нами было словно залито огнемъ, но съ нашей стороны нѣтъ отвѣтныхъ выстрѣловъ—тишина полная; прошло еще нѣсколько минутъ, мы двигались молча, подаваясь лѣвымъ плечемъ все болѣе и болѣе впередъ.

Но вотъ у Сувари раздалось побѣдоносное „ура!“... Къ нашему горю, части шедшія за нами подхватили его и тѣмъ обнаружили движеніе колонны графа Граббе;—градъ пуль и масса гранатъ были отвѣтомъ на ихъ несвоевременные возгласы. Много труда стоило графу Граббе водворить тишину, чтобы какъ можно ближе подойти къ укр. Канлы.

4-я рота, свято выполняя данную ей задачу, безъ выстрѣла подошла къ траншеѣ, перешла волчьи ямы, и, быстро и смѣло, съ крикомъ „ура!“, бросилась и опрокинула защитниковъ ея. Тотчасъ же остальныя роты быстро двинулись впередъ и перейдя волчьи ямы и траншеи, вышли немного лѣвѣе укр. Канлы, а здѣсь, повернувъ направо по траншеѣ, направились къ батареѣ, подъ страшнымъ огнемъ съ нея и изъ оборонительной казармы.

Имѣя во главѣ храбраго маіора Герича, ринулись мы на батарею и штыками опрокинули турокъ, но тутъ же, къ несчастью, и лишились этого лихаго штабъ-офицера, поднятаго на штыки низамами. Очистивъ батарею отъ турокъ и вынувъ замки изъ орудій, мы направились дальше, во внутрь укрѣпленія. 4-я рота молодецки работала противъ оборонительной казармы. Турецкая артилерійская прислуга была вся перебита и переколота; остальные турки, засѣвшіе въ казармѣ, осыпали пулями нашу 4-ю роту, бросали ручныя гранаты, громили насъ 4-мя мортирами, бывшими на верху оборонительной казармы, и недумали о сдачѣ, такъ что дѣло, въ перестрѣлкѣ, длилось до 2-хъ часовъ ночи. Къ этому времени огонь изъ казармы сталъ настолько слабѣть, что явилась возможность вступить съ непріятелемъ въ переговоры. На брустверъ втащили одного плѣннаго турка и заставили его кричать, чтобы бывшіе въ оборонительной казармѣ сдались, за что имъ обѣщали пощаду. Въ отвѣтъ на это, изъ окоп казармы раздался залпъ. Немного времени спустя, плѣнному снова велѣно было начать переговоры, на что въ отвѣтъ турки послали лишь нѣсколько выстрѣловъ; наконецъ, въ третій разъ, когда начались переговоры, то уже изъ казармы послышался отвѣтный голосъ, и, всѣ бывшіе въ ней турки, паша, много офицеровъ и до 250-ти человѣкъ солдатъ, сдались, а съ этимъ вмѣстѣ и сильный фортъ Канлы, въ смыслѣ

обороны, покончилъ свое существованіе.

Плѣнныхъ турокъ отправили, подъ конвоемъ перновцевъ, назадъ къ резервамъ, а баталіонъ остался въ укрѣпленіи въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Начальникъ колонны графъ Граббе, былъ убитъ въ то время, какъ баталіонъ ворвался въ укрѣпленіе Каплы.

Въ 9-ть часовъ утра подъѣхалъ къ Капламъ корпусный командиръ, и, поздравивъ баталіонъ съ блестящею побѣдою, объявилъ о паденіи крѣпости Карса. Слезы радости были видны на лицахъ его окружавшихъ. Отъ насъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ поѣхалъ въ Карсъ. Въ Каплахъ баталіонъ оставался до 2-хъ часовъ дня, а затѣмъ, вернулся обратно въ лагерь въ Веранъ-Кала, гдѣ оставался до 10-го числа (*). Потери наши въ эту достославную ночь были слѣдующія: убиты—маіоръ Геричъ и штабсъ-капитанъ Клименко; ранены— капитанъ Линдблатъ, въ грудь на вылетъ, подпоручикъ Курочкинъ, въ голову и, контуженъ подпоручикъ Убиновъ въ ногу.

Нижнихъ чиновъ: убито—унтеръ-офицеровъ 4, рядовыхъ 26, ранено—унтеръ-офицеровъ 9, горнистъ 1, и рядовыхъ 59 ([23]).

8-го ноября, на площади города Карса, близъ госпиталя, было совершено благодарственное молебствіе въ присутствіи Главнокомандующаго кавказскою арміею, при сборѣ всѣхъ войскъ, геройски взявшихъ эту твердыню ([24]).

10-го числа, въ 12-ть часовъ дня, баталіонъ, забравъ палатки, обозъ и всѣ вещи перешелъ въ городъ Карсъ, для содержанія караула около дома, занятаго Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ, подъ началь-

---

(*) Послѣ смерти маіора Герича и за болѣзнью старшаго послѣ него офицера въ баталіонѣ капитана Бейнардта, отморозившаго въ эту ночь себѣ ноги, временное командованіе баталіономъ было поручено—по приказанію начальника кавказской стрѣлковой бригады—исправлявшему, въ то время, должность завѣдывающаго хозяйствомъ штабсъ-капитану Кирпотину, а отъ сего послѣдняго, черезъ три дня, велѣно было принять баталіонъ бывшему адъютанту Его Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею, нынѣ командиру баталіона, капитану барону Зальца.

Авт.

ствомъ вновь назначеннаго командующимъ баталіономъ, состоявшаго при Его Высочествѣ, лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона, капитана барона Зальца. Въ городѣ нижніе чины были расположены въ казармѣ, рядомъ съ домомъ Главнокомандующаго, а офицерамъ были отведены квартиры. Тотчасъ же по прибытіи въ казармы, было приступлено къ приведенію ихъ въ порядокъ и должную чистоту. По исправленіи печей, нижнимъ чинамъ, во все время пребыванія въ Карсѣ, выпекался свѣжій хлѣбъ, аккуратно, два раза въ день, выдавалась горячая пища, а кромѣ того, два или три раза въ недѣлю, приготовлялась и каша.

Послѣ долгой бивуачной жизни, стрѣлки просто блаженствовали: со взятіемъ крѣпости Карса, военныя дѣйствія пріостановились и наша жизнь потекла обыкновеннымъ мирнымъ порядкомъ; можно было позабыть нетолько что мы находимся въ Турціи, но даже и то, что незадолго до настоящей обстановки было столько пролито крови, чтобы достигнуть подобнаго спокойствія; позабыты было и страданія и мученія и громадные труды перенесенные каждымъ изъ насъ. Помѣщеніе было теплое, сухое, свѣтлое. Переходъ отъ прежней бивуачной жизни былъ настолько рѣзокъ, что казалось, будто мы живемъ въ своей штабъ-квартирѣ! Приступлено было къ починкѣ и исправленію оружія, аммуниціи, одежды, обуви и, черезъ недѣлю, стрѣлки стояли въ карауле, можно сказать, щеголями.

Случаи заболѣванія нижнихъ чиновъ были очень рѣдки.

26-го числа, въ день кавалерскаго праздника ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія, былъ парадъ, на которомъ отъ баталіона участвовали бывшіе на лицо 133-мя георгіевскихъ кавалера. На парадѣ присутствовали Его Императорское Высочество Главнокомандующій кавказскою арміею и всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, находившіеся въ Карсѣ. Послѣ парада, всѣ георгіевскіе кавалеры собрались на обѣдъ, устроенный въ особо отведенномъ домѣ. За обѣдомъ, Его Высочествомъ былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Государя Императора. Загремѣло «Боже Царя Храни» и домъ огласился востор-

женнымъ и долгимъ «ура!» Вслѣдъ за этимъ, командовавшимъ дѣйствовавшимъ корпусомъ генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Его Высочества Главнокомандующаго, побѣдителя крѣпости Карса; раздалось «ура!», откликнулось оно въ сердцахъ присутствовавшихъ и повторялось громко, торжественно и долго. Затѣмъ, Его Высочество изволилъ провозгласить тостъ за славу кавказской арміи и въ короткихъ, но теплыхъ словахъ выразить Свою благодарность за геройскую службу. «Ура! ура!».. долго гремѣвшее, было отвѣтомъ Августѣйшему Главнокомандующему.

По окончаніи обѣда, Его Высочество, тутъ же, поздравилъ съ производствомъ въ чинъ прапорщика, за оказанныя военныя отличія, унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся. Изъ баталіона были произведены: Вячеславъ Рѣзуновъ, Василій Левицкій и Иванъ Сергѣевъ.

ГЛАВА VII.

Отъѣздъ Его Высочества Главнокомандующаго. Выступленіе баталіона изъ Карса и прибытіе въ составъ войскъ ардаганскаго отряда. Ардануч. Движеніе къ Артвину. Турецкіе парламентеры. Встрѣча новаго года. Движеніе и занятіе горы Аджи-Алма, 2-го января. Подвигъ рядоваго Ткачева.

На другой день, т. е. 27-го, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ отбыть въ г. Тифлисъ. Въ этотъ же день было получено приказаніе, баталіону быть готовому къ выступленію 28-го числа въ г. Ардаганъ, гдѣ онъ долженъ былъ войти въ составъ войскъ ардаганскаго отряда, оперировавшаго противъ Батума, подъ начальствомъ генералъ-маіора Комарова.

28-го числа, въ 8-мь часовъ утра, баталіонъ выступилъ (*). Люди имѣли на себѣ четырехдневный запасъ сухарей, а остальное количество было въ обозѣ. Изъ Карса приказано было забрать рѣшительно всѣ вещи,—слѣдовательно возвращенія нашего сюда не предполагалось.

Погода 28-го была превосходная, день солнечный и теплый. На ночлегъ баталіонъ прибылъ въ сел. Мацра, послѣ перехода въ 13-ть верстъ и размѣщенъ былъ въ саклях. По выходѣ изъ Мацра, на полдорогѣ, на привалѣ, мы узнали радостную вѣсть о паденіи Плевны, отъ одного жителя возвратившагося изъ Карса. Желая удостовѣриться въ истинѣ сего извѣстія, капитанъ баронъ Зальца отправилъ въ Карсъ нарочнаго, который догналъ баталіонъ на слѣдующемъ переходѣ, съ подтвержденіемъ этого факта. По объявленіи сего чинамъ баталіона, „ура!“ огласило окрестности. Съ сіяющими и веселыми лицами вошли мы въ с. Джелаусъ, на ночлегъ, сдѣлавъ переходъ въ 11-ть верстъ. 30-го былъ ночлегъ и дневка въ с. Кырых-Килиса, переходъ 15-ть верстъ. 2-го де-

(*) Послѣ выбытія многихъ офицеровъ изъ строя при штурмѣ Карса, въ баталіонѣ произошли слѣдующія перемѣщенія должностныхъ лицъ: командиромъ 1-й роты назначенъ былъ подпоручикъ Габаевъ 2-й, бывшій квартирмейстеръ, на его должность—прапорщикъ Шмидтъ, командирами ротъ—3-ей прапорщикъ Картвеловъ, 4-й—прапорщикъ Убиновъ и баталіоннымъ адъютантомъ—прапорщикъ Преображенскій.

Авт.

кабря, баталіонъ прошелъ 15-ть верстъ до с. Омеръ-Ага, 3-го—былъ ночлегъ въ Гельгали, переходъ 14-ть верстъ, а 4-го, черезъ Геляверды, баталіонъ, сдѣлавъ переходъ въ 16-ть верстъ, прибылъ въ г. Ардаганъ. 5-го оставались цѣлый день въ Ардаганѣ, а 6-го должны были двинуться далѣе къ г. Арданучу, гдѣ находился начальникъ отряда генералъ-маіоръ Комаровъ 4-ый.

Колесный обозъ былъ оставленъ въ Ардаганѣ; двинулись съ вьюками, такъ какъ дорога къ Арданучу шла, большею частью, узкою горною тропою; притомъ приходилось переваливать черезъ хребетъ Ялапусъ-Чамъ (9-ть тысячь футовъ высоты), который, въ это время года, былъ покрытъ весьма глубокимъ снѣгомъ.

Послѣ трехдневнаго марша, мы прибыли, 8-го декабря, въ Кинзотамалъ—очень большое селеніе у подошвы Ялапусъ-Чама. Недалеко отъ селенія, на возвышенности, находятся развалины замка, который, какъ говорили жители, принадлежалъ нѣкогда царицѣ Тамарѣ. 9-го декабря перевалили черезъ Ялапусъ-Чамъ, въ с. Хева, гдѣ 10-го была дневка. Во время похода изъ Карса въ Ардаганъ, погода намъ благопріятствовала; дни стояли солнечные и довольно теплые, но съ выступленіемъ изъ Ардагана все это измѣнилось: подулъ сильный вѣтеръ со снѣгомъ, а на перевалѣ насъ застигла такая мятель, что мы съ большимъ трудомъ подвигались, тѣмъ болѣе еще, что снѣгъ былъ чуть ли не выше колѣна. 11-го декабря ночлегъ былъ въ с. Гюляшенъ, а 22-го—баталіонъ, сдѣлавъ большой привалъ въ с. Хертвисъ,—къ вечеру прибылъ въ г. Арданучъ, послѣ перехода около 30-ти верстъ. Въ городъ баталіонъ не входилъ, а остановился внизу, подъ горою, на которой раскинутъ городъ. Здѣсь мы застали уже большую часть войскъ, составлявшихъ ардаганскій отрядъ: тутъ были части владикавказскаго, севастопольскаго и пятигорскаго полковъ, горная артилерія и часть лабинскаго казачьяго полка. Люди должны были быть размѣщены въ палаткахъ. Только что баталіонъ приступилъ къ разбивкѣ бивуака, какъ пріѣхалъ начальникъ отряда генералъ-маіоръ Комаровъ. Баталіонъ быстро построился встрѣтить своего начальника, который, поздоровавшись „съ молодцами стрѣлками“, въ короткой, но сильной рѣчи, выразилъ свою надежду и увѣренность, что баталіонъ и подъ его на-

чальствомъ съумѣетъ оправдать ту боевую славу, которою онъ пользовался до сего времени. „Постараемся ваше превосходительство“—былъ отвѣтъ и дѣйствительно постарались, какъ должно.

Офицерамъ, генералъ выказалъ полное вниманіе, пригласивъ насъ всѣхъ къ себѣ на ужинъ, въ квартиру, занимаемую имъ въ самомъ городѣ.

Бивуакомъ мы стояли до 16-го декабря, когда баталіонъ былъ переведенъ въ Арданучъ и размѣщенъ по квартирамъ. Здѣсь простояли мы до 29-го числа.

Въ эти 13-ть дней были устроены хлѣбопекарныя печи, была сдѣлана временная баня, какъ для офицеровъ, такъ и для нижнихъ чиновъ, потому что, хотя въ городѣ и была баня, но пользоваться ею было нельзя, такъ какъ турки отступая отъ Ардануча отвели воду (идущую съ горъ окружающихъ городъ) единственнаго источника, снабжавшаго жителей водою въ особо устроенные бассейны. Внизу, у подошвы горы, на которой построенъ Арданучъ, протекаетъ небольшая рѣчка, такъ что съ отведеніемъ верхняго источника, жителямъ города пришлось носить воду изъ нея на себѣ, по очень крутому подъему; не мало затрудненій представляла эта носка. Г. Арданучъ расположенъ на террасахъ горы, изъ коихъ на самой верхней, стоятъ уцѣлѣвшія развалины крѣпости, напоминающей собою царствованіе Тамары. Самый городъ непредставляетъ ничего выдающагося, и, какъ всѣ азіатскіе города, носитъ особый отпечатокъ: архитектура домовъ дикаго азіатскаго вкуса, стеколъ въ употребленіи нѣтъ, улицы узки, кривы и содержатся крайне грязно. Впрочемъ, съ приходомъ нашихъ войскъ, на улицахъ появилась чистота. Населеніе большею частью состоитъ изъ армяно-католиковъ, имѣющихъ свою церковь,—всѣ требы которой совершаются, живущими тутъ-же, двумя священниками.

Жители были весьма довольны приходу русскихъ и были къ намъ даже внимательны, особенно же въ первое время нашего появленія.... Избавившись отъ турецкихъ властей, они зажили спокойнѣе; наши власти относились къ населенію гуманно, за все взятое платились деньги, поэтому, очень скоро, открылись лавки и торговля закипѣла.

Служба баталіона заключалась въ томъ, что ежедневно, ночью, высылались патрули и обходы. Подъ конецъ намъ стала надоѣдать этого рода служба и всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали начала военныхъ дѣйствій.

Въ концѣ декабря, къ намъ прибыли офицеры стрѣлковыхъ баталіоновъ, прикомандированные на пополненіе выбывшихъ: 4-го баталіона поручикъ Кликовичъ, 5-го — штабсъ-капитанъ Евглевскій и 8-го — штабсъ-капитанъ Федяй; изъ нихъ вступили къ командованіе ротами Евглевскій 4-ою, а Федяй 3-ею.

Наконецъ, мы дождались радостнаго дня, — 29-го было назначено, общее всему отряду, движеніе къ г. Артвину.

Наканунѣ было получено приказаніе: 29-го рано утромъ, баталіону выступить по направленію къ дер. нижній Баца (въ 3-хъ верстахъ отъ Ардануча), за которою, по полученнымъ свѣдѣніямъ, находился непріятель, довольно большими силами занимавшій вершины горъ.

Баталіонъ выступилъ въ 7-мь часовъ утра ([25]). Придя въ Баца, мы остановились, по слѣдующей причинѣ: одинъ изъ жителей деревни заявилъ, что за горою, впереди деревни, турецкіе парламентеры ожидаютъ генерала Комарова, чтобы сообщить ему о перемиріи, заключенномъ между Россіею и Турціею. Хотя до насъ еще не доходило это извѣстіе, показавшееся всѣмъ намъ не совсѣмъ то вѣроятнымъ, но парламентеры, офицеръ и 3 унтеръ-офицера, принятые начальникомъ отряда, такъ увѣряли, показывая даже бумагу, полученную изъ Батума отъ Дервишъ-паши, что движеніе наше было пріостановлено и генералъ Комаровъ послалъ телеграмму въ Тифлисъ къ начальнику штаба кавказской арміи, съ просьбою о разъясненіи этого извѣстія. Мы расположились на ночлегъ въ дер. нижній Баца, получивъ приказаніе не двигаться до особаго распоряженія.

30-го, т. е. на другой же день, былъ полученъ отвѣтъ отъ начальника штаба генералъ-лейтенанта Павлова, съ увѣдомленіемъ, что никакого перемирія съ Турціею заключаемо небыло, о чемъ, конечно черезъ нашихъ парламентеровъ, немедленно было сообщено туркамъ.

Нужно сказать, что все время пока турецкіе парламентеры

вели переговоры съ начальникомъ отряда, непріятель занявъ окружающія дер. Баца высоты, не прекращалъ ружейной стрѣльбы, къ благополучію нашему, безвредной. Стрѣльба эта показалась намъ конечно очень страшною, тѣмъ болѣе, что вѣдь парламентеры присланы были отъ турокъ же, т. е. съ той стороны, откуда производилась стрѣльба, слѣдовательно, трудно было предположить, чтобы стрѣлявшіе не знали о предметѣ и ходѣ переговоровъ. Когда получился отвѣтъ изъ Тифлиса, то стало ясно, что турки выдумали это перемиріе, съ цѣлью продлить и выиграть время, въ виду нашего наступленія.

31-го декабря, вечеромъ, всѣ офицеры собрались у командовавшаго баталіономъ, встрѣтить наступавшій новый 1878-й годъ. Собравшись, поужинали и ожидали 12-ти часовъ, чтобы пожелать другъ другу полнаго и счастливаго успѣха въ дѣлахъ и въ будущемъ году. Настала полночь; всѣ встали, самымъ дружескимъ образомъ, какъ слѣдовало хорошимъ товарищамъ, пожали другъ другу руки, съ истиннымъ пожеланіемъ отличій, боевой славы и прочаго; затѣмъ разговоръ шелъ самый задушевный, каждый дѣлился впечатлѣніями пережитыхъ дней прошедшаго года.... Разсказы и воспоминанія были прерваны появленіемъ казака отъ начальника отряда съ диспозиціею и приказаніемъ баталіону выступить въ 5-ть часовъ утра, и, войдя въ составъ колонны подполковника Іосселіани, двигаться по правому берегу р. Арданучъ-Чая, къ турецкой караулкѣ— въ 3-хъ верстахъ отъ дер. Баца. Караулка находилась при началѣ вновь разработываемаго турками шоссе, ведущаго черезъ городъ Артвинъ къ Батуму и была занята турецкимъ пикетомъ. Одновременно, другая колонна, командира севастопольскаго полка полковника князя Чавчавадзе, должна была наступать по лѣвому берегу Арданучъ-Чая, а колоннѣ маіора Ульянова велѣно было занять,—двигаясь въ обходъ, западнѣе Баца,—гору Аджи-Алма, прикрывавшую деревню Джого съ сѣверовосточной стороны.

Получивъ такое приказаніе, офицеры тотчасъ же разошлись и каждый началъ дѣлать приготовленія къ выступленію.

1-го января, съ разсвѣтомъ, баталіонъ былъ построенъ и двинулся изъ деревни Баца къ назначенному пункту. По выходѣ

изъ деревни, баталіонъ перестроился въ ротныя колонны и выслалъ цѣпь. Дорога шла мелкимъ кустарникомъ. Часовъ около 7-ми, пошелъ довольно сильный снѣгъ. По приближеніи къ караулкѣ, по приказанію командовавшаго баталіономъ, двѣ роты съ цѣпью были выдвинуты впередъ; цѣпь заняла мѣстность подъ тупымъ угломъ, такимъ образомъ,—что одна половина направилась на караулку, а другая—немного поднявшись, заняла скатъ горы Аджи-Алма. Какъ только цѣпь начала подходить къ разработываемому шоссе, турки встрѣтили ее ужаснымъ огнемъ, и завязалась сразу горячая перестрѣлка; постъ, находившійся въ караулкѣ, бѣжалъ и она немедленно была занята стрѣлками. Отъ караулки шелъ спускъ по горѣ зигзагами. Дано было приказаніе наступать далѣе. Только что цѣпь начала огибать первый зигзагъ, какъ турки осыпали ее адскимъ огнемъ съ вершинъ скалъ, спереди и съ правой стороны шоссе; попавъ подъ перекрестный огонь, стрѣлки принуждены были остановиться и залечь, пока не усмотрѣно было другаго пути для движенія; спускаться же, подъ такимъ страшнымъ огнемъ, по зигзагамъ, внизъ—было немыслимо. На бѣду, снѣгъ пересталъ и спустился такой туманъ, что въ 10-ти шагахъ трудно было различать предметы; только, изрѣдка, когда туманъ относило вѣтромъ, мы могли различать скалы и сидѣвшихъ на нихъ турокъ; однако, несмотря на это, съ обѣихъ сторонъ завязывалась самая оживленная перестрѣлка.

Опредѣлить точно численность встрѣтившаго насъ непріятеля было трудно, но, судя по выстрѣламъ, можно было заключить, что мы имѣемъ противъ себя значительныя турецкія силы. Вскорѣ прибылъ начальникъ отряда. Сдѣлалось извѣстнымъ, что колонна Ульянова, по темнотѣ ночи и вслѣдствіе тумана, къ сожалѣнію, недостигла цѣли вовремя, и, простоявъ нѣсколько времени надъ Горготохаемъ, вернулась обратно въ деревню Баца.

Гора Аджи-Алма имѣла очень важное значеніе и была тактическимъ ключемъ турецкой позиціи на правомъ берегу Ардануч-Чая. Поэтому, рѣшено было пріостановить движеніе по шоссе и часть колонны, повернувъ направо, поднять на гору Аджи-Алма. Подобнымъ маневромъ можно было обойти скалы за-

пятым непріятелемъ, а въ случаѣ удачи и зайти ему въ тылъ, или же, заставить его отступить.

Движеніе это выпало на долю баталіона. Было приказано,—если вершина горы окажется занятою турками,—выбить ихъ оттуда и слѣдовать далѣе къ селенію Джого. Тотчасъ же, каждому стрѣлку было роздано по 120-ти патроновъ; карманы, надѣтые черезъ плечо башлыки,—все было наполнено патронами. Баталіонъ началъ подниматься на гору около 10-ти часовъ утра, сопровождаемый довольно сильнымъ огнемъ турокъ; а въ то время, когда туманъ разсѣивался и движеніе наше дѣлалось видимымъ, они насъ осыпали просто градомъ пуль. (*) Появились раненые, которыхъ надобно было отправлять въ д. Баца. Двигались крайне медленно, такъ что къ вечеру, когда уже совсѣмъ стемнѣло, баталіонъ, идя весь день безостановочно, достигъ только до полугоры. Тутъ пришлось остановиться и провести ночь на снѣгу, выбравъ мѣсто въ лѣсу.—Ночь была темная и очень холодная, а потому конечно никто не спалъ, тѣмъ болѣе, что всякую минуту слѣдовало быть готовымъ на случай нападенія на насъ съ вершины и съ тыла. Сторожевая цѣпь была разставлена вокругъ мѣста нашего ночлега; разводить костры было командовавшимъ баталіономъ запрещено и только къ разсвѣту, когда отъ холода у людей начали коченѣть руки и ноги, разрѣшено было развести весьма слабые огни. У кого изъ стрѣлковъ былъ взятъ чай—тѣ его заварили, причемъ, за неимѣніемъ воды разогрѣвали снѣгъ; нѣкоторые разогрѣли замерзшее вареное мясо. Офицеры, не разсчитывая провести ночь безъ обоза, конечно, не взяли съ собою ничего, а потому, пришлось всю ночь довольствоваться папиросами, утоляя ими и голодъ и жажду.

2-го января съ разсвѣтомъ, баталіонъ тронулся и началъ подниматься выше (**). Шли рядами, а въ иныхъ мѣстахъ гуськомъ, въ одного человѣка, такъ какъ снѣгъ былъ очень глубокъ. Толь-

(*) Двигались въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ—2-я рота, за нею 3-я, 4-я и, въ хвостѣ, 1-я роты. *Авт.*

(**) Въ авангардѣ шла 1-я рота, потомъ 4-я, за нею 3-я и 2-я роты. *Авт.*

ко что голова баталіона стала подходить къ вершинѣ (около 8-ми часамъ утра), какъ турки изъ за камней, образовавшихъ нѣчто въ родѣ крѣпостцы, увѣнчивавшей вершину горы, встрѣтили насъ залпомъ. Залпъ ихъ былъ точно сигналомъ для нашего „ура;“ съ которымъ всѣ бросились вверхъ. . . . Въ нѣсколько минутъ, турки были выбиты изъ закрытій; большая часть ихъ была тутъ же переколота, а остальные бросились бѣжать, черезъ оврагъ, на сосѣднюю возвышенность. Преслѣдовать бѣгущихъ была вызвана команда охотниковъ, по 10-ти человѣкъ отъ каждой роты, которая вскорѣ возвратилась, такъ какъ наткнулась, въ котловинѣ, на довольно значительныя массы непріятеля; къ сожалѣнію возвратились не всѣ: два стрѣлка были убиты и четыре ранены. Турки заняли противуположную возвышенность и открыли по насъ огонь. Поднялся туманъ, скрывшій насъ и непріятеля, а потомъ сильный вѣтеръ со снѣгомъ, залѣплявшимъ глаза.

Вершина была занята нами слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ 3-я рота—на спускѣ съ горы; лѣвѣе ея, три взвода 4-й роты; въ центрѣ 1-я рота, занимавшая самую вершину горы, а лѣвѣе ея, одинъ взводъ 4-й роты, имѣя флангъ обезпеченнымъ скалою; 2-я рота составляла резервъ и стояла за 1-ю ротою. Скрытые сплошнымъ туманомъ, пользуясь лѣсистою и пересѣченною мѣстностью, турки, вполнѣ сознавая всю важность обладанія этимъ пунктомъ, въ скоромъ времени 4-мя густыми колоннами, стремительно бросились на штурмъ. Вслѣдствіе тумана, появленіе ихъ настолько было для насъ неожиданно, что мы, почти въ упоръ, встрѣтили ихъ залпомъ развернутыхъ трехъ ротъ и съ большими потерями, въ безпорядкѣ, принудили отступить внизъ. Одинъ изъ стрѣлковъ, увлекшись, бросился за отступавшими, но былъ сильно раненъ, такъ что обратно подняться не хватало уже силъ. Видя это, рядовой 3-й роты Ткачевъ, немедленно бросился къ несчастному товарищу, и, не смотря на выстрѣлы и погоню непріятеля, благополучно вытащилъ раненаго къ намъ наверхъ. За этотъ лихой подвигъ, совершенный на глазахъ всего баталіона, Ткачевъ былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени съ бантомъ, такъ какъ крестъ 4-й степени онъ имѣлъ уже за штурмъ Карса.

По отбитіи перваго штурма—турки не успокоились; собравшись внизу, они вторично повели рѣшительную атаку, но опять были отброшены съ значительнымъ урономъ. При наступленіи штурмовавшихъ колоннъ, непріятель, съ сосѣдней возвышенности, осыпалъ насъ цѣлымъ роемъ пуль. Послѣ втораго штурма, турки, вновь, съ яростью, бросились на насъ и были снова опрокинуты..... Такимъ образомъ, они пытались бросаться на штурмъ до 5-ти разъ и каждый разъ мы заставляли ихъ отступать съ большимъ урономъ, преслѣдуя сильнымъ огнемъ.—Тѣла убитыхъ валялись массами; турки лѣзли настолько дерзко, что нѣкоторые смѣльчаки хватали стрѣлковъ руками за штыки, но конечно, немедленно были отправляемы къ праотцамъ. Наконецъ, турки, убѣдившись въ невозможности овладѣть Аджи-Алмою, начали отступать, посылая въ нашу сторону рѣдкіе выстрѣлы. Къ сожалѣнію, туманъ мѣшалъ намъ видѣть направленіе отступавшихъ колоннъ.

Когда стрѣльба со стороны непріятеля совершенно затихла, мы оповѣстили войска, находившіеся внизу горы, о нашемъ торжествѣ надъ непріятелемъ, громкимъ „ура!“. Порученіе, возложенное на баталіонъ, было исполнено съ честью. Всѣ офицеры поздравляли командовавшаго баталіономъ капитана барона Зальца и другъ друга съ удачнымъ и, можно сказать, геройскимъ началомъ новаго года.

Вслѣдъ за этимъ, баронъ Зальца вызвалъ охотниковъ спуститься внизъ и выручить тѣла стрѣлковъ убитыхъ изъ первой охотничьей команды. Порывъ былъ настолько великъ, что почти весь баталіонъ вызвался идти за погибшими товарищами. Назначено было нѣсколько человѣкъ, по выбору ротныхъ командировъ, которые и вынесли убитыхъ, изъ коихъ одинъ до гола раздѣтъ былъ турками.

Было около 3-хъ часовъ дня; люди были страшно утомлены выдержавъ почти семичасовой бой и пробывъ болѣе сутокъ безъ пищи; многіе тутъ же заснули. Наконецъ, въ 4-мъ часу, подошли двѣ роты владикавказскаго полка, посланныя распоряженіемъ начальника отряда намъ на смѣну. Баталіонъ, забравъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, спустился въ селеніе верхній Баца. Здѣсь, мы

были встрѣчены генераломъ Комаровымъ и остальными частями колонны подполковника Іосселіани съ полнымъ торжествомъ (27).

Поученіемъ генерала, вьюки баталіона находились въ селеніи, пища, къ нашему приходу, была уже готова,—и для людей отведено помѣщеніе.

Въ виду крайняго утомленія людей, на слѣдующій день, т. е. 3-го января, баталіону была назначена, въ верхнемъ Баца, дневка.

Потеря наша на Аджи-Алма была слѣдующая: убиты—унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 6, ранены—рядовыхъ 15 (28).

ГЛАВА VIII.

Движеніе по хребту Горготоханъ. Остановка противъ Долисъ-Хана. Рекогносцировка имерхевскаго моста. Штурмъ Долисъ-Хана, въ ночь на 9-е января; наши трофеи. Движеніе далѣе къ Артвину. Дѣло 17-го января. Погоня за турками и ночь проведенная между непріятельскими позиціями. Костры въ турецкомъ лагерѣ. Батарея противъ Тольгома. Смѣлая выходка турокъ. Движеніе по отрогу Харханъ. Завалы устроенные турками. Перемиріе.

4-го января, баталіонъ выступилъ изъ деревни Баца и обогнувъ Аджи-Алму съ западной стороны, пройдя верстъ пять, остановился, недоходя деревни Джого, въ сѣдловинѣ, гдѣ и расположился на ночлегъ, разчистивъ, насколько было возможно, глубокій снѣгъ. Ночью 4-я рота была отправлена въ близлежащій лѣсъ для содержанія пикетовъ вокругъ бивуака.

5 го числа, утромъ, послѣ обѣда нижнихъ чиновъ, баталіонъ съ присоединившимися къ нему, баталіономъ севастопольскаго полка и дивизіономъ горныхъ орудій 41-й артилерійской бригады, направился по горготохапскому хребту, въ обходъ позиціи, прежде занятой турками у селеній Джого и Цупара (Суагара), къ имерхевскому мосту (*). Къ сумеркамъ, наша колонна, подъ начальствомъ

(*) Вслѣдствіе чрезвычайно дурной погоды, тумана, снѣга и особенно усталости войскъ, 4-ре дня маневрировавшихъ съ боемъ,—выполненіе этого напе-

полковника князя Чавчавадзе, остановилась на вершинѣ хребта, въ виду деревни Долисъ-Хана. Два величайшихъ гребня послѣ кавказскаго хребта—мачахельскія и карчхальскія горы, сходятся у высочайшей ихъ вершины—Харханъ, высота которой достигаетъ до 11000 футовъ (*). На скалистыхъ отрогахъ этихъ горъ пріютилась послѣдняя, грозная турецкая позиція—долисханская.

Хребетъ, на которомъ стала колонна, постепенно понижаясь до самаго шоссе (того самаго, о которомъ было сказано выше), идущаго параллельно р. Ардануч-Чая, упирается въ уголъ, образуемый сліяніями рѣкъ Ардануч-Чая и Имерхеви. Черезъ эту послѣднюю существовалъ построенный турками каменный мостъ. По другую сторону имерхевскаго моста, на очень высокомъ горномъ хребтѣ, расположена деревня Долисъ-Хана, занятая турками. Какъ только колонна наша показалась на вершинѣ хребта, непріятель изъ Долисъ-Хана сдѣлалъ по ней два орудійныхъ выстрѣла.

Колонна остановилась. Баталіонъ былъ впереди и, чтобы не подвергаться напрасному дѣйствію огня, спустился на противуположный скатъ и расположился ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Тѣмъ временемъ, командовавшимъ баталіономъ, былъ назначенъ взводъ подъ командою прапорщика Дегтянникова (**), съ цѣлью спуститься внизъ къ рѣкѣ и узнать занятъ ли имерхевскій мостъ непріятелемъ и въ какихъ силахъ. Лишь только рекогносцировавшіе стрѣлки спустились къ мосту, какъ мы услышали перестрѣлку, а изъ деревни Долисъ-Хана орудійный огонь по колоннѣ участился. Выяснилось, что мостъ былъ занятъ небольшимъ турецкимъ отрядомъ, а потомъ оказалось, что ночью онъ отступилъ,

---

вра пришлось отложить на 6-е января; кстати, это давало возможность пополнить провіантъ, патроны и снаряды. (Офиціально).

Ред.

(*) По послѣдней точной съемкѣ—7322 фута надъ уровнемъ моря. (Офиціально).

Ред.

(**) Убитъ на ростово-воронежской желѣзной дорогѣ, при столкновеніи двухъ поѣздовъ съ 20-го на 21-е сентября 1878-го года, бывъ начальникомъ партіи нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ запасъ арміи.

Авт.

бросивъ мостъ. Колонна, на этомъ мѣстѣ, остановилась на ночлегъ. Съ наступленіемъ ночи, были выставлены пикеты и бивуакъ освѣтился кострами. Не болѣе какъ черезъ полчаса, только что мы предполагали отдохнуть, граната, пущенная изъ Долисъ-Хана и разорвавшаяся въ очень близкомъ разстояніи отъ мѣста нашего бивуака, своимъ непрошеннымъ появленіемъ заставила насъ подняться и выбрать другое мѣсто для ночлега—болѣе безопасное и спокойное.

6-е и 7-е числа были проведены въ рекогносцировкахъ, съ весьма незначительными перестрѣлками съ обѣихъ сторонъ (*). Наши горныя орудія, выбравъ удобную позицію, энергично отвѣчали туркамъ, на каждую пущенную ими гранату изъ Долисъ-Хана.

8-го числа, вечеромъ, было приказано всей колоннѣ спуститься на шоссе, къ постоялому двору Горготохань (**). Съ 5-го числа люди не имѣли горячей пищи;—въ эти три дня, мясо, которое было взято съ собою, вышло, хлѣбъ также былъ съѣденъ. У постоялаго двора насъ встрѣтили, или, лучше сказать, ожидали, наши вьюки; палатки были разбиты и тотчасъ начали готовить пищу.

Къ ночи пошелъ сильный снѣгъ, а затѣмъ дождь. Утромъ 9-го января, къ командовавшему баталіономъ пріѣхалъ ординарецъ отъ начальника отряда съ диспозиціею на предстоявшій, ночной штурмъ долисхапской позиціи. Позиція эта, съ сѣвера, вполнѣ обезпечена недоступными горами; западный склонъ отроговъ находился въ раіонѣ расположенія турокъ, а восточная сторона, скалистая, обращена была къ намъ. Незанявъ этой позиціи, мы не имѣли возможности двигаться впередъ; Долисъ-Хана стояла у насъ поперегъ дороги, а обойти ее мы нигдѣ не могли, между тѣмъ ее нужно было взять во что бы то ни стало. По диспозиціи назначалось: баталіону быть готовому къ выступленію, когда начнетъ тем-

(*) 7-е и 8-е числа прошли въ незначительныхъ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, а 7-го была произведена подробная рекогносцировка турецкой позиціи. (Офиціально). *Ред.*

(**) Утромъ 8-го былъ спущенъ съ Горготохана 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, а 9-го съ разсвѣтомъ—и остальная часть колонны князя Чавчавадзе. (Офиціально).

Ред.

нѣть, но съ мѣста не трогаться до третьей сигнальной ракеты, имѣющей быть пущенною съ возвышенности, лѣвѣе и позади нашего бивуака; по третьей же ракетѣ—выступить по шоссе къ мосту, имѣя въ головѣ сборную команду изъ охотниковъ отъ севастопольскаго, владикавказскаго полковъ и баталіона, подъ общимъ начальствомъ прапорщика Дегтянникова.

Ровно въ 7-мь часовъ вечера, по первой ракетѣ, изъ 6-ти орудій, поставленныхъ на горѣ лѣвѣе нашего бивуака, началась подготовка штурма—бомбардировка Долисъ-Хана и имерхевскаго моста, а затѣмъ, послѣ третьей ракеты, началось общее движеніе отряда ([28]).

Выйдя на шоссе, части колонны вытянулись въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли охотники, за ними—баталіонъ севастопольскаго полка, потомъ—пятый баталіонъ, имѣя 2-ю роту впереди, за нами—4-й баталіонъ пятигорскаго полка и въ резервѣ—баталіонъ владикавказцевъ. Отъ моста баталіонъ долженъ былъ отдѣльно штурмовать Долисъ-Хана съ ея лѣваго фланга, а остальныя части, подъ начальствомъ полковника князя Чавчавадзе,—направиться прямо вверхъ къ деревнѣ.—Какъ только охотники приблизились къ мосту, непріятель открылъ адскій огонь изъ траншей, устроенныхъ на противуположномъ берегу Имерхеви. Не смотря на это, мостъ былъ занятъ охотниками, а съ наступленіемъ темноты, и вся колонна, перейдя его, сгруппировалась на шоссе, внизу, у подошвы горы, на которой раскинута дер. Долисъ-Хана. Отсюда, Дегтянниковъ съ охотниками направился по горѣ, прямо къ деревнѣ, а на скатѣ горы, правѣе шоссе, былъ разсыпанъ взводъ 3-й роты подъ командою подпоручика Картвелова. Распоряженіе это было сдѣлано капитаномъ барономъ Зальца для того, чтобы предупредить турокъ занятіемъ ската, ибо запявши его, они могли бы перестрѣлять насъ просто на выборъ. Здѣсь голова колонны остановилась и вотъ по какой причинѣ: на этомъ мѣстѣ шоссе имѣло крутой поворотъ, у котораго засѣлъ непріятель и всѣ—кто только ни показывался изъ за угла, были тотчасъ же или ранены или убиты наповалъ. Нѣсколько человѣкъ севастопольцевъ уже лежали убитыми, а многихъ понесли ранеными,—вслѣдствіе этого к

пріостановились. Терять время было рисковано, поэтому баронъ Зальца выдвинулъ баталіонъ впередъ, сквозь ряды севастопольцевъ. У самаго поворота данъ былъ весьма короткій отдыхъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ дать время подтянуться послѣднимъ рядамъ, а затѣмъ, стрѣлки, перекрестясь, съ капитаномъ барономъ Зальца и командиромъ 2-й роты штабсъ-капитаномъ Побывацемъ впереди, бросились, стремглавъ, по изгибу шоссе къ подъему на Долисъ-Хана. Во время этой перебѣжки, турки, сидѣвшіе въ разсѣлинѣ горы т. е. въ углѣ этого изгиба, открыли по бѣгущимъ убійственный огонь, къ счастью совершенно безвредный, такъ какъ тутъ былъ раненъ только одинъ стрѣлокъ 4-й роты, въ руку. Добѣжавъ до подъема, мы находились уже внѣ опасности и начали взбираться по отвѣснымъ бокамъ горы къ нашимъ охотникамъ, которые, будучи выше насъ, завязали уже довольно сильную перестрѣлку съ защитниками дер. Долисъ-Хана.

Тропа, по которой мы буквально лѣзли на четверенькахъ, темпота, и, наконецъ, незнакомая мѣстность, представляли страшныя трудности; двигаясь въ одного человѣка, стрѣлки неразъ обрывались и падали обратно на шоссе, съ котораго начинался подъемъ.. Движеніе было крайне медленно. Кое какъ доползли мы до полгоры. Тутъ непріятель началъ насъ бить слѣва и просто осыпалъ пулями.—Не смотря на то, пришлось остановиться, чтобы перевести духъ, а разсыпавшаяся влѣво цѣпь, начала усердно отстрѣливаться по огонькамъ выстрѣловъ. Отдохнувъ немного и собравшись съ силами, мы вновь двинулись впередъ, поддерживаемые подошедшими къ намъ остальными частями колонны.

Вскорѣ баталіонъ подошелъ къ охотникамъ, которые, засѣвъ за камнями, вели оживленную перестрѣлку съ турками. Увидя насъ, охотники не выдержали и выскочивъ изъ за своихъ закрытій, съ крикомъ „ура!“ бросились къ деревнѣ. Конечно все, что было позади ихъ, бросилось также впередъ съ крикомъ „ура“;—„ура“ передовыхъ дошло до хвоста колонны, было подхвачено и тамъ, и, такимъ образомъ, вся окрестность огласилась страшнымъ русскимъ „ура!“.... Не выдержали турки и бросились бѣжать.

Огни выстрѣловъ изъ деревни стали замѣтно ослабѣвать и

спускаться къ шоссе, по другую сторону Долисъ-Хана: турки отступали, оставляя намъ деревню. Мы, съ пятигорцами, ворвались въ нее, почти безъ выстрѣла, по пятамъ отступавшихъ (*).

Ясно что турки никогда не предполагали, что мы займемъ с. Долисъ-Хана, потому что, во взятомъ въ деревнѣ лагерѣ (около 100 палатокъ), были найдены еще дымившіеся костры, а въ нѣкоторыхъ палаткахъ совершенно свѣжая баранина, приготовленная, какъ видно, для варки пищи. По занятіи деревни, начали тотчасъ собирать людей. Когда мы нѣсколько осмотрѣлись, то оказалось, что Долисъ-Хана состоитъ изъ трехъ ауловъ, расположенныхъ одинъ подъ другимъ, на террасахъ горы — слѣдовательно, нами былъ взятъ только нижній аулъ и оставались выше еще два, незанятыхъ нашими войсками; потомъ мы узнали, что въ верхніе аулы пошли, шедшіе въ хвостѣ колонны, севастопольцы и владикавказцы, но такъ какъ они шли съ правой стороны отъ насъ, то отъ баталіона была отдѣлена полурота, подъ командою прапорщика Сергѣева съ цѣлью отрѣзать отступавшихъ турокъ съ лѣваго фланга. Турки, замѣтивъ наше движеніе, покинули и верхніе два аула, оставивъ намъ шесть человѣкъ плѣнныхъ, захваченныхъ прапорщикомъ Сергѣевымъ.

Стрѣльба прекратилась, всѣ были въ неописанной радости, такъ какъ поставленная отряду цѣль, повидимому, была достигнута. Восторженнымъ „ура“ возвѣстили мы свою побѣду надъ столь грозною, можно сказать неприступною, твердынею.

Не мало радости представляло и то обстоятельство, что со взятіемъ деревни у насъ являлись теплыя квартиры, которыхъ баталіонъ неимѣлъ съ 3-го числа.

Стоя въ нижнемъ аулѣ, баталіонъ ожидалъ прибытія полковника князя Чавчавадзе, отъ котораго должно было послѣдовать распоряженіе, гдѣ и кому размѣститься въ трехъ аулахъ Долисъ-Хана. Конечно, каждый разсчитывалъ остаться въ той части дерев-

(*) Долисъ-Хана защищалась двумя или тремя таборами низама и иррегулярными войсками изъ лазовъ, аджарцевъ, мачахельцевъ и другихъ окрестныхъ жителей.

Авт.

ни, которая взята была имъ съ боя.

Вскорѣ прибылъ князь Чавчавадзе, и, распросивъ жителей о мѣстности вокругъ Долисъ-Хапа, рѣшилъ, нижній аулъ не занимать, а всѣмъ расположиться въ двухъ верхнихъ аулахъ; рѣшеніе это имъ было принято въ тѣхъ видахъ, что турки легко могли насъ обойти въ тылъ, черезъ гребень горы и занять верхній аулъ.

Баталіонъ и бывшіе тутъ же пятигорцы стали въ ружье и двинулись въ средній аулъ. На снѣгу ясно были видны слѣды отступавшихъ турокъ; мы какъ разъ шли по этимъ слѣдамъ.

По выходѣ изъ аула, баронъ Зальца замѣтилъ что то лежавшее въ снѣгу, влѣво отъ дороги. Немедленно подошли и увидѣли горное орудіе, привязанное къ толстому колу и безъ сомнѣнія брошенное здѣсь турками, не успѣвшими его унести. Трофей былъ взятъ. Конечно эта находка заставила насъ быть внимательными ко всѣмъ встрѣчавшимся предметамъ. Немного далѣе нашли лафетъ, еще далѣе—одно колесо (другое было отыскано на другой день въ оврагѣ). Такимъ образомъ, по простой случайности, въ нашихъ рукахъ оказалось цѣлое горное орудіе. Оригинально, что турки не догадались даже вынуть замокъ. Мы знали, что у турокъ было два орудія, такъ какъ 7-го и 8-го числъ они изъ нихъ насъ громили; было сильное желаніе пріобрѣсти и другое орудіе,—вотъ почему, стоявшую отдѣльно отъ дороги саклю приказано было тщательно осмотрѣть внутри и вокругъ. Стрѣлки смѣло бросились въ двери и черезъ нѣсколько секундъ, одинъ пришелъ доложить, что въ саклѣ застали 5 человѣкъ турецкихъ солдатъ, сидѣвшихъ у печки и преспокойно варившихъ себѣ супъ; четверо изъ нихъ оказались ранеными 2-го января. Бѣдняги не знали о взятіи Долисъ-Хапа, объ отступленіи своихъ и, понятно, были крайне поражены, увидѣвъ передъ собою русскаго солдата.

Къ саклѣ, былъ приставленъ для караула взводъ стрѣлковъ до слѣдующаго утра, т. е. до отправленія плѣнныхъ въ Арданучъ. Двигаясь далѣе и подойдя къ мечети стоявшей на краю средняго аула, подробно осмотрѣли и ее, какъ внутри, такъ и снаружи, со всѣми смежными ея постройками. Тутъ уже нашими трофеями были много снарядовъ, боченки съ порохомъ, масса патроновъ и

оружія и продовольственные запасы.

Въ мечети, сидя на ранцѣ, при свѣтѣ огарка, пришедшагося у стрѣлка, княземъ Чавчавадзе было написано подробное донесеніе начальнику отряда генералу Комарову.

Баталіонъ, прійдя въ средній аулъ, былъ размѣщенъ по саклямъ съ помощью встрѣтившаго насъ старшины, единственнаго, вышедшаго къ нашему приходу, жителя аула.

Потеря баталіона была слѣдующая: контуженъ подпоручикъ Каргеловъ—въ ладонь руки, и остался въ строю; нижнихъ чиновъ ранено—унтеръ-офицеровъ 2, рядовыхъ 4 ([29]).

Итакъ, съ долисхапскою позиціею было покончено.

На другой день, когда мы увидѣли мѣстность и скалы по которымъ вчера пробирались,—не вѣрилось глазамъ: только и возможенъ былъ ночной штурмъ. Солдаты говорили, что и днемъ страшно было смотрѣть на отвѣсные эскарпы скалъ, а не то что лазить по нимъ.

Въ Долисъ-Хана существовала, по ту сторону деревни, единственная и довольно удобная тропа, по которой турки, отступая изъ Долисъ-Хана, спустились на шоссе.

Въ Долисъ-Хана баталіонъ оставался до 17-го января, ежедневно выставляя пикеты на мѣстахъ указанныхъ каждой изъ частей, расположенныхъ въ аулѣ. Въ эти дни продовольственные и боевые запасы были подвезены къ имерхевскому мосту, устроенъ для нихъ складъ и изъ Долисъ-Хана ежедневно посылались туда вьюки за сухарями.

17-го января, въ 8-мь часовъ утра, баталіонъ, оставивъ Долисъ-Хана, спустился на шоссе, по которому продолжалось общее наступленіе отряда, далѣе къ Артвину ([30]).

Пройдя 5-ть верстъ, до сліянія Ардануч-чая и Чороха, принуждены были остановиться, такъ какъ далѣе шоссе было во власти турокъ. Послѣдніе, занявъ позицію у Хана, встрѣтили колонну подполковника Іоселіани, шедшую впереди насъ, сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Отъ Долисъ-Хана и далѣе къ Артвину, дорога прорублена въ скалахъ и, вдоль Чороха, имѣетъ около 4000 футовъ обрыва подъ собою и столько же надъ собою.

Здѣсь мы простояли около часа, какъ вдругъ, послышались выстрѣлы на верху горы, правѣе шоссе— это баталіонъ пятигорскаго полка, посланный въ обходъ турецкой позиціи, наткнулся на непріятеля. дойдя до полугоры. Баталіону было приказано поддержать пятигорцевъ.

Немедленно люди были готовы и баталіонъ, рядами, сталъ быстро подниматься на гору (*), но глубокій снѣгъ и крутость подъема вскорѣ начали замедлять движеніе. Турки занимавшіе позицію на шоссе, замѣтивъ баталіонъ, открыли частый огонь.

Перестрѣлка на горѣ усилилась и до насъ стали доходить крики „ура!“ и гиканье турокъ. Слѣдовало торопиться, чтобы принять участіе въ дѣлѣ, а главное,—Богъ знаетъ,— можетъ быть и помочь пятигорцамъ, такъ какъ никто не зналъ численности насѣвшаго на нихъ непріятеля. Стрѣлки дѣлали страшныя усилія, чтобы скорѣе подоспѣть на выручку къ боевымъ товарищамъ по Долисъ-Хана (это былъ 4-й баталіонъ пятигорцевъ, тотъ самый который съ командиромъ своимъ, храбрымъ княземъ Черкесовымъ, ворвался вмѣстѣ съ нами въ нижній ауль неприступной Долисъ-Хана).

Наконецъ, мы начали приближаться къ мѣсту боя; пули сильно свистали вокругъ и сбивали сучья съ деревьевъ; уже встрѣчались тѣла убитыхъ пятигорцевъ и пронесли нѣсколько человѣкъ раненыхъ (**); прошелъ раненый въ руку офицеръ, прося барона Зальца поспѣшить, такъ какъ турокъ было, по его словамъ, много. Распрашивать было некогда: послѣдовала команда „прибавь шагу!“ и задыхаясь, капляя, лѣзли стрѣлки, напрягая послѣднія силы....

Наконецъ, дошли; вотъ и турки. „Турки!“—крикнули стрѣлки..... Тотчасъ же, отъ головныхъ ротъ была выслана цѣпь, направившаяся лѣвѣе пятигорцевъ. Какъ только цѣпь поровнялась съ ними—стрѣлки не выдержали и, съ крикомъ „ура!“, бросились

(*) Двигались въ слѣдующемъ порядкѣ: въ головѣ 3-я рота, потомъ 2-я, 1-я и 4-я роты.

Авт.

(**) Здѣсь, для обезпеченія нашего лѣваго фланга, былъ оставленъ взводъ подъ командою прапорщика Сергѣева и разсыпанъ немного ниже гребня.

Авт.

въ штыки на турецкую цѣпь. Но охотники турки до русскаго штыка; они перѣшились встрѣтиться съ нами грудь съ грудью и видя, что вся цѣпь единодушно бросилась на нихъ,—отступили, а потомъ и побѣжали, оставивъ своихъ убитыхъ, въ томъ числѣ и одного офицера. Преслѣдуя бѣжавшихъ, цѣпь стрѣлковъ и пятигорцевъ открыла по нимъ сильный огонь и гнала ихъ до самой вершины хребта; тутъ преслѣдованіе кончилось—турки спустились и скрылись за вершину другаго хребта. Баталіонъ потерялъ: убитымъ 1-го рядоваго, ранеными унтеръ-офицеровъ 2-хъ и рядовыхъ 2-хъ (31).

Послѣ двухчасоваго отдыха, оба баталіона, предварительно увѣдомивъ о томъ князя Чавчавадзе, направились по хребту за отступавшимъ непріятелемъ.—Шли до ночи. На спускѣ хребта насъ застигла ночь и мы принуждены были остановиться. Слѣдъ ушедшихъ турокъ указывалъ, что они направились къ деревнѣ верхній Тольгомъ, лежавшей недалеко отъ города Артвина. Двинуться туда двумъ баталіонамъ было рисковано: во 1-хъ, потому, что мы не могли заранѣе знать съ какими силами придется встрѣтиться, а во 2-хъ, отдѣляясь отъ нашихъ войскъ, оставшихся на шоссе, не могли разсчитывать на какую либо поддержку съ ихъ стороны.

Баталіоны расположились на ночь въ лѣсу; костры были запрещены.

Съ того мѣста, на которомъ мы сидѣли,—потому что о снѣ на снѣгу никто и помышлять не могъ,—видны были внизу съ лѣвой стороны хребта, должно полагать на шоссе, огни довольно большихъ костровъ. Огни эти насъ сильно заинтриговали: или это были огни колонны подполковника Іосселіани, оттѣснившей непріятеля и ставшей на ночлегъ, или—огни турокъ на той позиціи, съ которой они утромъ и задержали наступленіе Іосселіани. Если это были турки, то, слѣдовательно, нашъ маленькій отрядъ очутился между тѣми изъ нихъ, которые отступили къ Тольгому и тѣми, которые стояли противъ колонны Іосселіани т. е. въ тылу одного изъ турецкихъ отрядовъ.

По обѣимъ сторонамъ нашего расположенія были выставлены сильные пикеты, а для того, чтобы узнать, что за костры внизу,

баронъ Зальца приказалъ 1-й ротѣ поручика Габаева 2-го спуститься по хребту и дойти до самаго шоссе, гдѣ остановиться и выслать нѣсколькихъ стрѣлковъ пробраться къ мѣсту костровъ; если это оказался бы непріятель, то ротѣ сдѣлать залпъ, по которому предполагалось сдѣлать такой же, сверху, 2-мя баталіонами.

Къ сожалѣнію огни скоро потухли. Какъ впослѣдствіи оказалось, это были костры турокъ на позиціи у Хапа. Замѣтивъ наше присутствіе у себя въ тылу, они быстро спустились къ рѣкѣ Чороху и тамъ, частью по берегу, а частью въ каюкахъ, отступили къ Артвину. Если бы только турки вздумали отходить по шоссе, то непремѣнно должны были наткнуться на нашу 1 ю роту, дошедшую, уже къ тому времени, до шоссе.

Ночь прошла благополучно.—Съ разсвѣтомъ 18-го числа, баталіонъ спустился на шоссе къ 1-й ротѣ. Сюда же прибылъ генералъ Комаровъ и приказалъ баталіону отойти назадъ къ постоялому двору Хапа, гдѣ, вмѣстѣ съ другими частями отряда, расположиться бивуакомъ.

Въ тотъ же день, при изслѣдованіи спуска къ Чороху, стрѣлками-охотниками, были отбиты 500 головъ козъ и овецъ; пріобрѣтеніе это доставило всему отряду немалое удовольствіе и выгоду: мясо употреблено было въ пищу, а изъ кожъ— солдаты починили и подѣлали обувь.

19-го числа, утромъ, съ бивуака были вызваны отъ баталіона двѣ роты въ прикрытіе горной батареи, поставленной на поворотѣ шоссе къ Артвину, выше деревни нижній Тольгомъ. Орудія были размѣщены такъ: два орудія стояли на самомъ поворотѣ шоссе, обстрѣливая рѣку Чорохъ и противоположный берегъ ея, на которомъ были видны турецкіе пикеты, зорко слѣдившіе за всѣми нашими движеніями, а два другія—выше, на хребтѣ, противъ позиціи вновь занятой турками позади деревни нижній Тольгомъ, съ назначеніемъ обстрѣливать позицію непріятеля и самую деревню Тольгомъ.

Какъ только наша батарея открыла огонь, турки начали отвѣчать съ позиціи рѣдкимъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, но, по дальности разстоянія, пули до насъ недолетали, а большинство гранатъ не разрывалось.

Въ полдень, роты, бывшія въ прикрытіи батареи, были смѣнены ротами владикавказскаго полка.

Къ вечеру, стрѣльба, со стороны непріятеля, усилилась до такой степени, что у насъ явилось предположеніе объ общемъ наступленіи турокъ, почему, съ бивуака, немедленно были вызваны и пододвинуты къ батареѣ нѣкоторыя части. Хотя общей атаки нашей позиціи и не послѣдовало, но произошло слѣдующее: послѣ непрерывной дроби выстрѣловъ, турки сдѣлали паузу и изъ за угла шоссе, котораго на нѣсколько верстъ съ нашего пункта не было видно, по причинѣ выдающагося хребта, внезапно появившись почти у самыхъ орудій, въ числѣ человѣкъ около 40-ка, стремглавъ бросились на нашу батарею. Появленіе ихъ было настолько неожиданно и стремительно, что они могли быть встрѣчены лишь артилерійскою прислугою, завязавшею рукопашный бой и только подоспѣвшимъ прикрытіемъ (*), бросившимся въ штыки, были обращены въ бѣгство, обратно къ шоссе, а оттуда—сброшены въ оврагъ, къ нижнему Тольгому. У орудій остался трупъ турка заколотаго штыкомъ одного изъ стрѣлковъ, а по дорогѣ до оврага, непріятель оставилъ нѣсколько патронныхъ сумъ, ружья, фески и проч. У насъ были ранены два артилериста (**).

Во избѣжаніе повторенія подобной продѣлки со стороны турокъ,—въ слѣдующіе дни, на ночь, впереди батареи находились двѣ роты въ цѣпи, а прикрытіе пододвинуто было къ самымъ орудіямъ.

20-е число прошло тоже, почти весь день, въ перестрѣлкѣ, причемъ огонь съ обѣихъ сторонъ былъ преимущественно артилерійскій. Баталіонъ потерялъ одного стрѣлка убитымъ и одного унтеръ-офицера (Чигринцева) раненымъ.

21-го числа назначено было наступленіе и атака турецкой

(*) Прапорщикъ Сергѣевъ, со взводомъ.

Авт.

(**) 20-го, около 10-ти часовъ утра, человѣкъ 30-ть турокъ бросились на взводъ кавказской горной полубатареи, расположенный особенно близко къ непріятельской позиціи, но были отбиты, почти у самыхъ орудій, частями 151-го пятигорскаго и 152-го владикавказскаго пѣхотныхъ полковъ. (Офиціально).

Ред.

позиціи на песчаной горѣ. (*) Сначала предполагалось: одну колонну спустить прямо въ нижній Тольгомъ, а другую двинуть по шоссе, но начальникъ отряда, ознакомившись лично съ мѣстностью, пришелъ къ другому рѣшенію, а именно: одну колонну, князя Чавчавадзе, двинуть по отрогу карчхальскаго хребта и ударить на турокъ съ фронта, а другой колоннѣ, подполковника Іосселіани, куда вошелъ и баталіонъ, подняться вверхъ по хребту къ вершинѣ Харханъ, дабы этимъ движеніемъ обойти турокъ съ лѣваго ихъ фланга;—этой колоннѣ приданы были два горныхъ орудія.

Движеніе колонны Іосселіани къ вершинѣ продолжалось цѣлый день. Орудія замедляли движеніе ужасно; часто приходилось ихъ снимать съ вьюковъ и тащить на рукахъ; лошади, даже безъ орудій, еле могли двигаться по снѣгу, глубина котораго, въ иныхъ мѣстахъ, доходила имъ по брюхо и, тогда, приходилось уже ихъ самихъ вытаскивать; неразъ являлось желаніе бросить орудія, съ тѣмъ, чтобы они спустились обратно къ шоссе; утомленіе людей могло дойти до крайности, такъ какъ мѣстами приходилось, буквально, карабкаться ползкомъ.

Мы далеко еще недошли до вершины, когда услышали выстрѣлы—это колонна князя Чавчавадзе уже завязала дѣло съ непріятелемъ.

Наконецъ, поздно вечеромъ, когда перестрѣлка затихла совершенно, наша колонна подошла къ завалам и траншеямъ, взятымъ севастопольцами.

Во время нашего движенія, скрытаго отчасти лѣсомъ, турки хотя и открывали по колоннѣ огонь, но онъ былъ почти безвреденъ для насъ: былъ раненъ только одинъ стрѣлокъ, легко въ руку.

Колонна князя Чавчавадзе, направившись по скату карчхальскаго хребта, чтобы исполнить данную ей задачу, должна была спуститься съ него и подняться на другой хребетъ, на которомъ наткнулась на завалы и траншеи вырытыя въ снѣгу, откуда пришлось выбивать турокъ штыками. Такихъ заваловъ севастополь-

(*) Рѣшительная атака турецкой позиціи была назначена на 22-е января и произведена въ тотъ же день. (Офиціально).

Ред.

цами было взято три, и только наступившая ночь заставила колонну Чавчавадзе остановиться.—Къ этому времени подошла и наша колонна. Здѣсь мы, соединившись съ княземъ Чавчавадзе, остановились на ночлегъ, на довольно глубокомъ снѣгу—почти въ ростъ человѣка. Турецкіе завалы, какъ оказалось, были устроены изъ сваленныхъ толстыхъ деревьевъ, покрытыхъ на аршинъ снѣгомъ, настолько утоптаннымъ, что пуля не могла пробить подобнаго импровизированнаго бруствера насквозь.

Кромѣ того, у нихъ были устроены изъ снѣга ровики; снѣговая насыпь впереди, была такъ плотно убита, что пули наши засѣдали въ снѣгу.

На другой день, т. е. 22-го числа, баталіону предназначалось идти въ первой линіи и продолжать наступленіе, т. е. приходилось брать тѣ завалы, которыми севастопольцы, застигнутые темнотою, 21-го не успѣли овладѣть; севастопольскій же полкъ былъ оставленъ въ резервѣ.

Съ разсвѣтомъ баталіонъ поднялся; 1-й и 3-й ротамъ приказано было, выйдя впередъ, разсыпать цѣпь, а 2-й и 4-й ротамъ—двигаться во второй линіи, причемъ, резервамъ цѣпи и ротамъ 2-й линіи двигаться не по гребню, а по обоимъ скатамъ хребта. Только что цѣпь заняла мѣста и начала спускаться къ заваламъ, какъ показались человѣкъ пять турокъ, которые, вмѣсто того чтобы сдѣлать выстрѣлъ по приближавшейся цѣпи, махали руками и что то кричали стрѣлкамъ. Чего турки хотѣли и что они кричали, мы никакъ не могли понять. Цѣпь остановилась; мы начали въ свою очередь звать турокъ къ себѣ—не идутъ, а продолжаютъ намъ кричать.—Наконецъ, дѣло выяснилось; пріѣхалъ казакъ съ пріятною телеграммою отъ начальника отряда о заключенномъ между Россіею и Турціею перемиріи.—Тутъ намъ стало понятно, кто были эти 5-ть человѣкъ турокъ, и о чемъ они намъ кричали.—Радость была общая, и „ура“ долго не умолкало. Каждый перекрестился, что пришелъ конецъ войнѣ, такъ долго продолжавшейся, съ ея трудами и лишеніями, и что наступаетъ покой.—Пора и восвояси.

Быстро мы начали спускаться внизъ съ горы къ укрѣплен-

ной песчаной горѣ, которая теперь была турками уже оставлена. Да, думали многіе, а будь это вчера, не такъ бы мы быстро и спокойно прошли по этому мѣсту!

Пройдя гору, мы остановились въ ожиданіи прибытія генерала Комарова. Черезъ часъ, генералъ пріѣхалъ, и, подтвердивъ полученное имъ извѣстіе о перемиріи, отдалъ распоряженіе о размѣщеніи частей по квартирамъ въ селеніяхъ верхнемъ, среднемъ и нижнемъ Тольгомѣ; баталіонъ расположился въ верхнемъ—вмѣстѣ съ баталіономъ севастопольскаго полка.

ГЛАВА IX.

Деревня верхній Тольгомъ. Перемѣна обстановки. Телеграмма о перемиріи. Выступленіе изъ Тольгома въ свою штабъ-квартиру. Походъ до Тифлиса. Станція Михайлово. Прибытіе въ городъ Тифлисъ. Встрѣча баталіона Шефомъ Его Высочествомъ Главнокомандующимъ. Высочайшія награды баталіону.

Селеніе верхній Тольгомъ, живописно раскинутое на крутизнахъ одного изъ отроговъ карчхальскаго хребта, доходящаго до батумскаго шоссе, расположено отъ города Артвина въ трехъ верстахъ. Въ январѣ мѣсяцѣ, въ верхнемъ Тольгомѣ лежалъ снѣгъ, тогда какъ у подошвы горы,—въ нижнемъ Тольгомѣ, снѣгъ не выпадаетъ никогда и масличныя деревья покрыты зелеными листьями. Всѣ три Тольгома изобилуютъ виноградными плантаціями и садами, хлѣбныхъ же полей здѣсь очень мало.

Людямъ были отведены сакли, по одной на взводъ. Стоянка была превосходная; погода во все время нашего пребыванія въ Тольгомѣ стояла хорошая, зима была мягкая, позволявшая въ солнечный день ходить даже въ одномъ мундирѣ; случаи заболѣванія нижнихъ чиновъ были весьма рѣдки; времени свободнаго было много; службы, кромѣ той, что одна рота, черезъ день, ходила въ прикрытіе батареи, отстоявшей отъ селенія въ одной верстѣ—ни-

какой небыло. Всѣ начали приводить свою одежду въ благообразный видъ.

Черезъ недѣлю прибылъ въ Тольгомъ начальникъ отряда со штабомъ и занялъ одну изъ сакель, на краю селенія. Въ скоромъ времени купцы изъ Артвина стали къ намъ наѣзжать съ различными товарами; привозили сахаръ, чай, заграничные напитки и прочія вещи. Между прочимъ привозился ромъ, выдѣлываемый въ Артвинѣ, отличавшійся хорошимъ качествомъ и дешевизною, такъ что командовавшимъ баталіономъ было сдѣлано распоряженіе отпускать его нижнимъ чинамъ вмѣсто водки. Люди, во все время пребыванія въ Тольгомѣ, получали, вмѣсто сухарей, печеный хлѣбъ, благодаря распорядительности генерала Комарова, которымъ для этой цѣли были пріисканы подрядчики греки, доставлявшіе превосходнаго качества печеный хлѣбъ и притомъ гораздо дешевле, чѣмъ доставляло интендантство сухари.

Пріѣздъ къ намъ артвинскихъ купцовъ потомъ почти прекратился, такъ какъ турками была устроена кордонная линія, съ цѣлью прекратить намъ доставку жизненныхъ припасовъ изъ Артвина и Батума; пріѣздъ ихъ былъ очень рѣдокъ и то по ночамъ, секретно, чтобы избѣжать надзора турокъ. Былъ слухъ, что турки грозили Артвину, обѣщая перерѣзать всѣхъ жителей за расположеніе ихъ къ русскимъ.—Такъ прошло время до 23-го февраля.

Въ этотъ день была получена слѣдующая телеграмма, прочитанная передъ собраннымъ баталіономъ капитаномъ барономъ Зальца.

„Телеграмма Главнокомандующаго дунайскою арміею. Санъ-Стефано. 19-го февраля“.

„Миръ сегодня заключенъ, подписанъ и объявленъ войскамъ всей гвардіи на парадѣ подъ стѣнами Царь-Града, въ виду св. Софіи“.

„Николай“.

Раздались радостные крики „ура!“ по всѣмъ окрестностямъ Тольгома; хоръ пѣвчихъ стрѣлковъ запѣлъ: „Боже Царя Храни“. Только они кончили, потрясающее „ура“ вновь раздалось въ честь Государя Императора. Казалось горы вторили нашему восторженному „ура“ за Царя Россіи. Вслѣдъ за первою телеграммою, барономъ Зальца прочитана была другая, по содержанію

которой баталіонъ немедленно долженъ былъ оставить отрядъ и прибыть въ городъ Тифлисъ, въ свою штабъ-квартиру.

Телеграмма была отъ Его Высочества Главнокомандующаго и нашего Августѣйшаго Шефа. При этомъ завѣтномъ для насъ Имени, вновь раздалось, долго, долго неумолкавшее „ура!“.

Ни одинъ праздникъ, кажется, невстрѣчался съ такимъ восторгомъ, какъ вѣсть о возвращеніи баталіона въ Тифлисъ, въ свою штабъ-квартиру.

Выступленіе назначено было на другой же день. Всякій торопился уложить вещи; да и не трудно было сдѣлать это весьма быстро! Сборы были не долги.

24-го февраля, къ 8-ми часамъ утра, нижнимъ чинамъ приготовленъ былъ обѣдъ, а въ 9-ть часовъ отслуженъ молебенъ священникомъ пятигорскаго полка, находившимся все время при полку, который теперь стоялъ въ нижнемъ Тольгомѣ. По окончаніи благодарственнаго молебствія, офицерами была устроена походная закуска, на столахъ накрытыхъ тутъ же на площадкѣ. На закуску эту были приглашены начальникъ отряда, офицеры его штаба и стоявшіе въ Тольгомѣ севастопольцы. По окончаніи закуски и самыхъ теплыхъ и дружескихъ прощаній съ остававшимися боевыми нашими товарищами, съ которыми мы около 4-хъ мѣсяцевъ дѣлили и радость побѣдъ и труды и всѣ лишенія боевой жизни, баталіонъ съ пѣснями выступилъ изъ Тольгома. Прощай, живописный Тольгомъ! Прощай, гигантъ Карчхалъ, такъ много стоившій намъ пота и крови! Миръ тѣмъ, которые пропали съ нами по твоимъ гигантскимъ отрогамъ, а теперь покоятся въ твоихъ нѣдрахъ! Много незабвенныхъ воспоминаній, много неизгладимыхъ на всю жизнь впечатлѣній оставилъ ты каждому изъ насъ!

Идемъ домой!.... Съ какимъ восторгомъ мы ждали минуты выступленія, а дождались —и больно и горько стало. Тяжело было разставаться съ боевою жизнью, жизнью преисполненною поэзіи, восторговъ роковой борьбы и совершенной свободы.

Офицеры и нижніе чины севастопольскаго полка провожали баталіонъ до спуска на шоссе, а артилеристы горной полубатареи,

стоявшей въ нижнемъ Тольгомѣ, отсалютовали намъ нѣсколькими пущенными ракетами. Въ отвѣтъ имъ, на ихъ привѣтствіе, стрѣлки махали шапками, офицеры платками.

Къ вечеру баталіонъ прибылъ на ночлегъ къ Ардапучу. Здѣсь были отъ людей отобраны патроны и сданы въ артилерійскій складъ, находившійся въ городѣ. Баталіонъ сталъ бивуакомъ въ палаткахъ вблизи Ардапуча.

25-го числа, послѣ обѣда нижнихъ чиновъ, квартирьеры и ротныя кухни были отправлены впередъ и баталіонъ, въ 10-ть часовъ утра, выступилъ къ селенію Хеви. Тутъ люди провели ночь въ сакляхъ, приготовленныхъ квартирьерами къ нашему приходу.

26-го, проходя черезъ Ардаганъ, сдѣланъ былъ большой привалъ, такъ какъ отсюда къ баталіону присоединился обозъ, остававшійся здѣсь во все время пребыванія нашего въ отрядѣ. Баталіонныя и ротныя вещи были переложены съ вьюковъ въ фургоны и мы продолжали, послѣ 3-хъ часовой остановки, свое движеніе до дер. Ольчекъ—находящейся отъ Ардагана въ пяти верстахъ.— Въ Ольчекѣ, по маршруту, назначена была дневка.

28-го числа, баталіонъ прибылъ на ночлегъ въ дер. Зурзуна. Въ этотъ переходъ, по случаю того, что пришлось идти все время по снѣгу, при очень яркомъ освѣщеніи солнца, у многихъ нижнихъ чиновъ появилась болѣзнь глазъ; на бѣду еще,—при спускѣ къ Зурзуна, поднялся сильный вѣтеръ со снѣгомъ, залѣплявшимъ и безъ того ослабѣвшіе глаза. Переходъ этотъ былъ крайне тяжелъ и утомителенъ, такъ что дошли до мѣста когда уже совсѣмъ смерклось.

На другой день, изъ Зурзуна, баталіонъ выступилъ въ 9-ть часовъ утра, отправивъ, съ разсвѣтомъ, квартирьеровъ и ротныя кухни впередъ. Стрѣлковъ, сильно страдавшихъ глазами, пришлось везти на фургонахъ. Шли медленно и потому только къ вечеру пришли на ночлегъ въ с. Карзахъ.

Большая часть пути отъ Зурзуна до Карзаха идетъ по берегу озера Хозапинъ; вѣтеръ съ озера дулъ весьма рѣзкій, дорога была занесена снѣгомъ, а въ иныхъ мѣстахъ приходилось идти цѣпкомъ, по сугробамъ выше колѣна; идти было крайне тяжело и

только желаніе скорѣе прибыть въ Тифлисъ, придавало силы.

2-го числа баталіонъ вступилъ въ г. Ахалкалаки. Здѣсь, 3-е, пробыли на дневкѣ. Помѣщеніе было отведено хорошее и удобное. Воспользовавшись дневкою, командовавшій баталіономъ сдѣлалъ распоряженіе освидѣтельствовать въ госпиталѣ глаза всѣхъ нижнихъ чиновъ баталіона.—Результатомъ сего было то, что 50 человѣкъ должны были быть оставлены въ ахалкалакскомъ госпиталѣ, такъ какъ, по мнѣнію врачей, они далѣе слѣдовать съ баталіономъ рѣшительно немогли. Для остальныхъ, по совѣту тѣхъ же врачей, были приняты мѣры, предохранявшія глаза отъ солнечнаго освѣщенія, а именно: кто былъ въ состояніи купилъ консервы, а кто не купилъ, тотъ обмазывалъ себѣ вокругъ глазъ углемъ, а иные и попросту—сажею.

4-го прибыли въ с. Хертвисъ;—шли легко, все время по шоссе.

5-го ночлегъ былъ въ с. Ахашенъ,—здѣсь уже снѣгу не было совсѣмъ.

6-го прибыли въ г. Ахалцыхъ, гдѣ была 7-го дневка. Баталіонъ размѣстился по квартирамъ, офицерамъ были отведены номера въ гостинницахъ города. Утромъ, всѣ офицеры, въ воспоминаніе окопчепной кампаніи, рѣшили сняться группою у фотографа, на время пріѣхавшаго изъ Тифлиса, а въ 5-ть часовъ всѣ опять собрались на обѣдъ, устроенный въ одной изъ гостинницъ. Обѣдъ былъ самый оживленный, каждый былъ подъ впечатлѣніемъ близости свиданія съ родными, покинутыми около года, такъ что разошлись далеко за полночь.

На другой день выступили изъ Ахалциха, до почтовой станціи Ацхуръ.

9-го вошли въ Боржомъ. Здѣсь опять все было покрыто снѣгомъ, и такъ какъ помѣщенія въ городѣ мало, то приходилось остановиться бивуакомъ, если бы не попеченіе о баталіонѣ Августѣйшаго Шефа,—приказавшаго размѣстить людей баталіона на ночь въ свободныхъ помѣщеніяхъ и службахъ своей лѣтней резиденціи.

10-го числа прибыли на станцію поти-тифлисской желѣзной дороги, с. Михайлово (22). На другой день, назначена была дневка съ

цѣлью дать возможность чинамъ баталіона починить одежду, исправить аммуницію—словомъ привести все въ порядокъ, дабы 12-го, при вступленіи въ г. Тифлисъ, представиться Его Высочеству Главнокомандующему и Шефу возможно въ опрятномъ видѣ. Весь день 11-го прошелъ въ самыхъ горячихъ приготовленіяхъ, а къ вечеру командовавшій баталіономъ осматривалъ нижнихъ чиновъ.

Съ почнымъ поѣздомъ былъ командированъ въ Тифлисъ прапорщикъ Богдановъ съ квартирьерами для отвода мѣста и разбивки лагеря, такъ какъ казармы баталіона были заняты подъ госпиталь.

12-го числа, во 2-мъ часу дня, поѣздъ подходилъ къ тифлисскому вокзалу (33). Забилось сердце. Вотъ, вотъ еще минута— и мы ступимъ на землю покинутую годъ тому назадъ..... При подъѣздѣ нашемъ къ дебаркадеру, корпусная музыка встрѣтила насъ стрѣлковымъ маршемъ.

На дебаркадерѣ баталіонъ былъ встрѣченъ начальникомъ кавказской стрѣлковой бригады свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Гурчинымъ, командиромъ баталіона подполковникомъ княземъ Барятинскимъ, поправившимся отъ контузіи, полученной имъ 13-го августа, родными и многими жителями Тифлиса.

По приказанію начальника бригады, баталіонъ построился развернутымъ фронтомъ за садомъ Муштандъ, въ ожиданіи прибытія Его Высочества. Черезъ полчаса прибылъ Его Высочество. Громкимъ „ура!“ баталіонъ встрѣтилъ своего Августѣйшаго Шефа; „ура“ долго не умолкало, несмотря на знаки подаваемые Его Высочествомъ; каждый далъ полную волю восторгу при видѣ своего возлюбленнаго Шефа и Главнокомандующаго.

Поздоровавшись съ баталіономъ, Великій Князь милостиво поблагодарилъ стрѣлковъ за славную боевую службу, и, въ лестныхъ для насъ словахъ, изволилъ выразить свое удовольствіе видѣть баталіонъ возвратившимся въ Тифлисъ. Черезъ четверть часа изволила прибыть въ экипажѣ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня съ Августѣйшими Дѣтьми Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Михаиловичами.

Его Высочество приказалъ капитану барону Зальца перестроить баталіонъ въ колонну справа, и, принявъ Самъ командованіе баталіономъ, провелъ его церемоніальнымъ маршемъ передъ Ея Высочествомъ. Затѣмъ, когда баталіонъ былъ остановленъ, Великій Князь, вызвавъ всѣхъ офицеровъ и георгіевскихъ кавалеровъ передъ строй,—вновь изволилъ выразить Свою благодарность за службу, причемъ многіе удостоились милостиваго вниманія и распросовъ Его Высочества. Также были вызваны раненые. Сколько сердечныхъ словъ, участія, вниманія, благодарности, сколько милостивыхъ привѣтствій произнесено было тутъ Его Высочествомъ. Онъ изволилъ распрашивать у георгіевскихъ кавалеровъ за что именно и когда данъ каждому изъ нихъ крестъ, а раненыхъ—о времени полученія раны, о ходѣ и послѣдствіяхъ ея.

Затѣмъ, по приказанію Его Высочества, для отпоса знамени во дворецъ, была составлена рота изъ георгіевскихъ кавалеровъ.

Баталіонъ отдалъ честь святынѣ, подъ которою въ теченіи почти годовой кампаніи, чины его безупречно честно исполнили данную ими присягу быть всегда и вездѣ вѣрными слугами на благо Царю и на пользу отечеству и непоколебимою храбростью доказали, что достойны тѣхъ предковъ—героевъ Анди, Дарго, Кюрюкъ-Дара и проч., которые заслужили и передали молодому поколѣнію георгіевское знамя—эту гордость 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Высочайше дарованныя баталіону награды: офицерскія пятыя петлицы за отличія въ войну 1877-го и 1878-го годовъ и георгіевскіе серебряные рожки, съ надписью: „за штурмъ Карса 5-го—6-го ноября 1877-го года“ (34)—лучшая оцѣнка боевой службы стрѣлковъ. Баталіонъ сталъ лагеремъ за Тифлисомъ, около сада Муштаидъ, гдѣ стоялъ до 18-го числа, когда переведенъ былъ въ свои казармы.

Въ три часа дня, офицерамъ и нижнимъ чинамъ былъ приготовленъ отъ города обѣдъ.

25-го числа, баронъ Зальца сдалъ командованіе баталіономъ подполковнику князю Барятинскому.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ I-й.

(1)—Баталіонъ выступилъ изъ г. Тифлиса и прибылъ въ г. Озургеты въ слѣдующемъ составѣ:

Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 18-ть, унтеръ-офицеровъ 107-мь, музыкантовъ 19-ть, рядовыхъ 739-ть, нестроевыхъ 76-ть.

Командиръ баталіона—подполковникъ князь Барятинскій, роты Его Высочества командиръ—штабсъ-капитанъ Клименко, субалтернъ-офицеры—подпоручикъ Гороновичъ, прапорщики Преображенскій и Лопгиновъ, 2-й роты командиръ—поручикъ Мищенко-Анисимовъ, субалтернъ-офицеръ—прапорщикъ Убиповъ, 3-й роты командиръ—капитанъ Линдблатъ, субалтернъ-офицеры—подпоручикъ Сусловскій и прапорщикъ Габаевъ 2-й, 4-й роты командиръ—капитанъ Бейнардтъ, субалтернъ-офицеры—поручикъ Бавталовскій, подпоручикъ Алексѣевъ, прапорщикъ Купцовъ, за младшаго штабъ-офицера—капитанъ Геричъ, завѣдывающій хозяйствомъ—штабсъ-капитанъ Кирпотинъ, баталіонный казначей—подпоручикъ Побыванецъ, адъютантъ—подпоручикъ Курочкинъ и квартирмейстеръ—прапорщикъ Габаевъ 1-й.

(2)—Ранены—унтеръ-офицеръ Маркъ Мищенко и рядовые Петръ Сущенко, Тарасъ Воронинъ, Михаилъ Поляничко, Дмитрій Сауратовъ, Михаилъ Трегубовъ, Елеазаръ Вопновъ.

(3)—За отличіе оказанное въ дѣлѣ 13-го апрѣля получили знаки отличія военнаго ордена 4-й степени фельдфебеля: 2-й роты Степанъ Щербаковъ и 4-й роты Степанъ Груздовъ.

КЪ ГЛАВѢ II-й.

(4)—Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 16-ть, унтеръ-офицеровъ 102-ва, музыкантовъ 18-ть, рядовыхъ 732-ва.

(5)—Убиты—унтеръ-офицеръ Семенъ Черниковъ, рядовые Трифонъ

Сапожковъ, Сергѣй Серенко, Федотъ Дрокинъ, Семенъ Терехинъ, Софронъ Соколовъ; ранены—рядовые Федоръ Малыковъ, Кондратъ Солнцевъ, Дмитрій Бердниковъ, Спиридонъ Рѣхинъ, Демидъ Вышкварка, Терентій Ткаченко, Андрей Кузенко, Иванъ Ломотинъ, Иванъ Козацинскій, Василій Звѣрковъ, Филиппъ Селезневъ, Евсѣй Гранкинъ, Василій Чайкинъ, Максимъ Колесниковъ, Дмитрій Яловенко, Василій Парьевъ, Петръ Клюшниковъ, Алексѣй Хачидзе, Никита Жабинъ, Павелъ Горбачевъ, Иванъ Дубовъ, Филиппъ Чуркинъ, Максимъ Куделинъ, Казиміръ Щепанякъ, Иванъ Епифановъ, унтеръ-офицеры Иванъ Князевъ, Яковъ Князевъ, Семенъ Клименко, Терентій Солякинъ, баталіонный горнистъ Сидоръ Бологовъ и контужены—унтеръ-офицеръ Тимофей Гуровъ и рядовые Петръ Орѣховъ, Назаръ Мачковъ, Алексѣй Земляпскій, Петръ Рышава, Иванъ Петровъ, Макаръ Абраменко, Арсентій Демиденко и Прокофій Козловъ.

За отличіе въ этомъ дѣлѣ награждены слѣдующіе офицеры: Маіоръ Геричъ—орденомъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами, капитанъ Линдбладтъ—орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, поручикъ Побыванецъ, подпоручикъ Курочкинъ—орденами св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ, подпоручикъ Купцовъ—орденомъ св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“ и капитанъ Бейнардтъ—св. Станислава 2 ст. съ мечами.

(6)—Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени получили слѣдующіе нижніе чины:

Фельдфебель изъ запасныхъ Сергѣй Мирошниковъ, унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся Иванъ Ломоткинъ, унтеръ-офицеры Иванъ Пономаревъ, Григорій Никитинъ, Сергѣй Куркинъ, Семенъ Дудинъ, рядовые Евстафій Ковалевъ, Антипъ Зайцевъ, Александръ Красильниковъ, Трофимъ Ральскій, Яковъ Жилкинъ, Никита Мякушевъ, Иванъ Борщъ, Иванъ Евдокимовъ, Онуфрій Ткачевъ, Александръ Быбикъ, Матвѣй Цалка, Михаилъ Сергѣенко, Демьянъ Подопригора, Фепогенъ Юменскій.

КЪ ГЛАВѢ III-й.

(7)—Штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 16-ть, унтеръ-офицеровъ 100, музыкантовъ 16-ть, рядовыхъ 673-ри.

(8)—Убиты—унтеръ-офицеры Кузьма Шишоревъ, Авксентій Дорофеевъ, рядовые Афанасій Шаевъ, Дормидонтъ Безугловъ, Никита Мальченко, Митрофанъ Харьковскій, Ананій Гриценко, Григорій Юрьевъ, Михаилъ Курочкинъ, Никифоръ Осмининъ, Михаилъ Гуськовъ, Иванъ Карташевъ, Андрей Араповъ, Василій Батаевъ, Антонъ Рыбалкинъ, Семенъ Коротковъ, Гавріилъ Грибковъ, Захаръ Сагинъ, Филиппъ Кучеровъ, Илья Лаптевъ, Тимофей Дудоладовъ, Андрей Федюшинъ, Кузьма Никулинъ, Никита Гуськовъ, Леонтій Морозовъ, Описимъ Кривцовъ; ранены—портупей-юнкеръ Василій Дарскій, унтеръ-офицеры Степанъ Дерщиковъ, Андрей Тарасовъ, горнистъ Лазарь Смольняковъ, рядовые Леонтій Морозовъ, Онисимъ Кравцовъ, Василій Воробьевъ, Сергѣй Пискаревъ, Никита Бондаренко, Демьянъ Бунеевъ, Иванъ Мещеряковъ, Эрнестъ Эйнгацеръ, Яковъ Стружкинъ, Арсентій Скрипченко, Семенъ Котовецъ, Василій Панченко, Андрей Никулинъ, Григорій Шишкинъ, Дмитрій Панкратьевъ, Яковъ Ксеновъ, Никодимъ Никоненко, Несторъ Гармашовъ, Федоръ Терновой, Николай Жуликовъ, Наумъ Жеребетьевъ, Артамонъ Красильниковъ, Федоръ Бабкинъ, Гавріилъ Гончаровъ, Андрей Степановъ, Андрей Иванниковъ, Кузьма Межевъ, Мартынъ Торопчинъ, Демьянъ Подопригора, Акимъ Пономаревъ, Яковъ Коваленко, Иванъ Романовъ, Степанъ Гнеушевъ, Арсентій Сорокинъ, Тимофей Скачекъ, Данило Еремченко, Иванъ Ковалькинъ, Тимофѣй Барсуковъ, Илья Соколовъ, Федоръ Веремѣевъ, Павелъ Бучацкій, Яковъ Кучьма, Артамонъ Давыдченко, Федоръ Дрождинъ, Моисѣй Головковъ, Федоръ Квиткинъ, Емельянъ Бѣловъ, Петръ Безсоловъ, Кузьма Межовъ и контужены—рядовые Иванъ Спиридоновъ, Артемій Бутенко.

(9)—Награждены за отличіе въ дѣлѣ 11-го и 12-го іюня 1877-го года: подпоручикъ Габаевъ 1-й орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщики Преображенскій

и Лонгиновъ—св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, капитанъ Бейнардтъ—св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.

Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени получили слѣдующіе нижніе чины:

Фельдфебеля Петръ Грызловъ, Федотъ Коникъ, Петръ Новиковъ, Андрей Шульгинъ и Яковъ Корсуновъ; унтеръ-офицеры Терентій Соланикъ, Яковъ Князевъ, Иванъ Князевъ, Василій Левитскій, Николай Бобакъ, Алексѣй Вахтинъ, Трофимъ Пугачевъ, Алексѣй Чернышевъ, Акимъ Пятовъ, Федоръ Гликинъ, Семенъ Клименко, Андрей Тарасовъ и Григорій Угрюмъ, баталіонный горнистъ Сидоръ Бологовъ и рядовые Оспинъ Дроздовъ, Иванъ Лобовъ, Семенъ Вичканюкъ, Михаилъ Калининъ, Федоръ Костиничъ, Игнатъ Сѣдовъ, Григорій Угрюмъ, Никита Курбатовъ, Клементій Мишенко, Григорій Дуропишкинъ, Семенъ Суторлинъ, Андрей Степановъ, Дмитрій Еловенко, Кузьма Межевъ, Никита Жабинъ, Иванъ Дубовъ, Дмитрій Бердниковъ, Мартынъ Торопчинъ, Андрей Гузенко, Василій Панченко, Василій Чайкинъ, Филиппъ Чуркинъ, Михаилъ Поляничко, Василій Парывъ, Демидъ Выпекварка, Сергѣй Свѣгиковъ, Яковъ Китаевъ, Кузьма Бондаренко, Евсѣй Гранкинъ, Павелъ Бучацкій, Василій Скоторенко, Антонъ Удовидченко и Эрнестъ Эйнгадеръ.

КЪ ГЛАВѢ IV-й.

(10)—Штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 18-ть, унтеръ-офицеровъ 99-ть, музыкантовъ 16-ть и рядовыхъ 658-мь.

(11)—За храбрость получили знаки отличія военнаго ордена слѣдующіе нижніе чины:

Рядовые Семенъ Суторкинъ 3-ей степени и 4-й степени Матвѣй Пономаревъ, Филиппъ Нужный, Павелъ Еременко, Иванъ Хорошильцынъ и Антонъ Полянскій.

(12)—Штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 18-ть, унтеръ-офицеровъ 96-ть, музыкантовъ 19-ть и рядовыхъ 665-ть.

([13])—Убиты—рядовые Сидоръ Комарцевъ, Григорій Порядковъ, Василій Гуляевъ, Пименъ Перцовъ, Василій Петровъ, Григорій Паршинъ, Петръ Щербаковъ, Федоръ Дерека, Феодосій Овсюковъ, Андрей Кондратьевъ, Прокофій Кравуля, Андрей Кроваковъ и горнистъ Константинъ Рева; ранены—рядовые Павелъ Еременко, Михаилъ Макаровъ, Михаилъ Панковъ, Иванъ Фляга, Арсентій Окшинъ, Емельянъ Баковъ, Иванъ Дегтяревъ, Степанъ Кондратьевъ, Иванъ Васпленко, Фирсъ Колесниковъ, Антонъ Полянскій, Иванъ Калгинъ, Иванъ Сашковъ, Василій Дараковъ, Владиміръ Смотровъ, Даніилъ Салинъ, Павелъ Ковалевъ, Фролъ Сорокинъ, Яковъ Покатаевъ, Порфирій Скляровъ, Андрей Савиновъ, Кузьма Щировъ, Михаилъ Сприковъ, Филиппъ Нужный, Трофимъ Ковалевъ, Иванъ Безсоновъ, Василій Шаповаловъ; фельдфебель Петръ Кругловъ и унтеръ-офицеры Иванъ Тимофѣевъ и Калина Выборный.

За отличіе награждены:

Штабсъ-капитанъ Кирпотинъ—слѣдующимъ чиномъ и прапорщики Бахтіяровъ и Кривенцовъ орденами св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.

Знаки отличія военнаго ордена получили слѣдующіе нижніе чины: 3-й степени рядовой Семенъ Ольховскій и 4-й степени—унтеръ-офицеры Ефимъ Чигринцевъ, Вячеславъ Рѣзуновъ, Михаилъ Глотовъ, Иванъ Зологаревъ, Филиппъ Мироненко, Андрей Богдановъ, Романъ Буковскій и Александръ Мухранскій и рядовые Дмитрій Гусевъ, Петръ Орѣховъ, Кондратъ Неборатченко, Яковъ Кутищевъ, Никита Рыбалкинъ, Дмитрій Скуратовъ, Яковъ Бузрукавый, Антонъ Скиба, Даніилъ Сердюковъ, Демидъ Радченко, Федоръ Араповъ, Федоръ Тюрпинъ, Петръ Михняцкій, Павелъ Древаль, Дмитрій Афанасьевъ и Филиппъ Гончаровъ.

([14])—Баталіонъ, во время нахожденія въ главныхъ силахъ дѣйствовавшаго корпуса, получилъ на укомплектованіе изъ запаснаго стрѣлковаго баталіона 123 стрѣлка, передъ дѣломъ 13-го августа 1877-го года, на позиціи у сел. Огузлы.

КЪ ГЛАВѢ V-й.

(15)—Оберъ-офицеровъ 2, унтеръ-офицеровъ 98-мь, музыкантовъ 15-ть и рядовыхъ 736-ть.

(16)—Убиты—унтеръ-офицеръ Калина Выборный, рядовые Иванъ Аржановъ, Григорій Бездѣткинъ, Иванъ Зенинъ, Никита Мочаловъ, Дмитрій Чикалинъ, Владиміръ Чупырь, Владиміръ Подзоровъ, Федоръ Костиничъ, Захаръ Кириченко, Яковъ Гончаровъ, Борисъ Кузнецовъ, Михаилъ Сергѣенко; ранены—унтеръ-офицеры Василій Мясинъ, Николай Малаговъ, Степанъ Игольченко, Михаилъ Глотовъ, Фирсъ Абакумовъ, Иванъ Бѣлогорцевъ и рядовые Кузьма Аршиновъ, Станиславъ Шимчакъ, Иванъ Мельниковъ, Кузьма Кузнецовъ, Карлъ Стимерикъ, Иванъ Индовицкій, Илья Гольченко, Иванъ Кубичекъ, Андріанъ Нестеровъ, Алексѣй Сѣрый, Петръ Бугаевъ, Акимъ Дудоладовъ, Яковъ Колпаковъ, Григорій Бузиковъ, Андрей Фоновъ, Хамидулла Хобидулинъ, Павелъ Грачевъ, Денисъ Новиковъ, Никита Панченко, Никита Жуковъ, Андрей Воронковъ, Семенъ Сотниковъ, Павелъ Дроваль, Матвѣй Лишинъ, Федоръ Судейкинъ, Алексѣй Шевченко, Митрофанъ Винокуровъ, Павелъ Ляшенко, Василій Роспоповъ, Павелъ Шаршевъ, Андрей Шишкинъ, Елисей Кондратьевъ, Федоръ Макѣенко, Ефимъ Самойловъ, Дмитрій Петровъ, Никита Цугановъ, Федоръ Потаповъ, Иванъ Скоробогатко, Василій Усовъ, Александръ Бибикъ, Захаръ Крикуновъ, Филиппъ Зайка, Трофимъ Савельевъ, Павелъ Чужиковъ, Кузьма Бондаренко, Иванъ Брызгалинъ, Елисей Пигоуковъ, Иванъ Комаровъ, Демьянъ Подопригора, Сергѣй Свѣтиковъ, Иванъ Спиридоновъ, Оспинъ Ермоленко, Максимъ Старцевъ, Тимофей Лукашевъ и Михаилъ Конопляпскій.

(17)—За отличіе въ этихъ дѣлахъ награждены: штабсъ капитанъ Побывалецъ—орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ и капитанъ Бейнардтъ—орденомъ св. Георгія 4-й ст. Награждены знаками отличія военнаго ордена слѣдующіе нижніе чины: 3-й степени—фельдфебеля Сергѣй Мирошниковъ и Петръ

Новиковъ и 4-й степени—унтеръ-офицеры Иванъ Супрунъ, Иванъ Сергѣевъ, Степанъ Козьяковъ, Андрей Ролдугинъ, Родіонъ Китаевъ, Василій Лоскутовъ, Янъ Романченко, Дмитрій Бузинъ, Фирсъ Абакумовъ и рядовые Павелъ Мартыновъ, Степанъ Кривуля, Иванъ Быкановъ, Прокофій Подольскій, Максимъ Чернышевъ, Иванъ Батицкій, Елисей Пригарковъ, Сергѣй Свѣтиковъ, Иванъ Спиридоновъ, Семенъ Ефременко, Кузьма Головинъ, Маркъ Божко, Игнатъ Рясковъ, Максимъ Пшеничныхъ, Яковъ Кучьма, Алексѣй Земляпскій, Кузьма Дорохинъ, Николай Незимовъ, Иванъ Черниковъ, Петръ Савченко, Семенъ Панченко, Сергѣй Поповъ, Петръ Страхалистъ, Федоръ Мещеряковъ, Елисей Кондратьевъ, Абрамъ Босиковъ, Тарасъ Шеляха, Тимофей Барсуковъ, Павелъ Никулинъ, Степанъ Карпенко.

(18)—Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 16-ть, унтеръ-офицеровъ 90, музыкантовъ 16-ть, рядовыхъ 677-мь.

(19)—Убиты—фельдфебель Павелъ Рязановъ, унтеръ-офицеръ Алексѣй Вахтинъ, рядовые Василій Лебеденко, Николай Китаевъ, Кузьма Семиколѣновъ, Андрей Кузьминъ, Павелъ Трещевъ, Петръ Сергинъ, Кузьма Головинъ, ранены—унтеръ-офицеры Иванъ Супрунъ, Филиппъ Мироненко, Василій Шарудинъ, Родіонъ Китаевъ, Григорій Танковъ, Сергѣй Поповъ, рядовые Алексѣй Феногеновъ, Игнатъ Кацаренко, Дмитрій Фетиловъ, Петръ Супоня, Кондратъ Гвоздинъ, Иванъ Климовъ, Василій Мальцевъ, Василій Кузьминъ, Егоръ Зимаринъ, Андрей Безинъ, Яковъ Черноликовъ, Петръ Гелихъ, Петръ Плотниковъ, Антонъ Князевъ, Павелъ Бурковъ, Карлъ Ганскій, Андрей Звѣрковъ, Илья Маджара, Людвигъ Банскій, Федоръ Пузаковъ, Дмитрій Скуратовъ, Ефимъ Гребенкинъ, Александръ Ивашевъ, Семенъ Аксеновъ, Матвѣй Пономаревъ, Матвѣй Цалка, Дмитрій Лисицынъ, Иванъ Хорошильцевъ, Петръ Мясоѣдовъ, Василій Рѣшетниковъ, Федоръ Усачевъ, Максимъ Иценко, Тихонъ Удовидченко, Станиславъ Козловскій, Михаилъ Сорокинъ, Пименъ Московенко, Иванъ Булимовъ, Иванъ Поликарповъ, Алексѣй Мѣняйловъ, Федоръ Пошехновъ, Федоръ Лаврищевъ,

Егоръ Коржевъ, Кузьма Щербининъ, Дмитрій Афонасьевъ, Федоръ Лаптевъ и Борисъ Логвиновъ.

(20)—За отличіе въ дѣлѣ награждены слѣдующіе офицеры:
Подпоручики Габаевъ 1-й и Латернеръ—орденами св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ, прапорщики Картвеловъ и Шмидтъ—св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость", подпоручикъ Алексѣевъ—ст. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ; произведены изъ вольноопредѣляющихся унтеръ-офицерскаго званія въ прапорщики: Богдановъ, Рѣзуновъ, Сергѣевъ, Левитскій.

(21)—Награждены знаками отличія военнаго ордена слѣдующіе нижніе чины:
Фельдфебеля Петръ Новиковъ и Сергѣй Мирошниковъ 2-й ст., Ѳедоръ Щербаковъ, Петръ Грызловъ 3-й ст., Никита Мокроусовъ, Петръ Кругловъ 4-й ст; унтеръ-офицеры Алексѣй Чернышевъ, Вячеславъ Рязуновъ, Трофимъ Пугачевъ 3-й ст; 4-й ст. Трофимъ Шапошниковъ, Викторъ Симоновъ, Кузьма Тагаевъ, Антонъ Гришко, Іонъ Мухинъ, Сергѣй Поповъ, Яковъ Хорпиенко, Тимофей Хромыхъ, Василій Звѣздочетовъ; 3-й ст. рядовые Яковъ Живкинъ, Ѳедоръ Тюринъ и Дмитрій Гусевъ и 4-й ст. Илья Поповъ, Терентій Ткаченко, Михаилъ Самакинъ, Порфирій Скляръ, Арсентій Скрипченко, Емельянъ Бажинъ, Яковъ Коваленко, Иванъ Скляровъ, Владиміръ Константиновичъ, Елеазаръ Вонновъ, Федоръ Данпловъ, Иванъ Карповъ, Иванъ Червякъ, Кузьма Золототрубовъ, Максимъ Сергѣевъ, Федоръ Перовъ, Никита Кузнецовъ, Алексѣй Шевченко, Лазарь Сюрдюковъ, Павелъ Лишенко, Николай Чернецовъ, Артемъ Шишаковъ, Емельянъ Гаршинъ, Степанъ Гавриленко, Антонъ Деркапосъ, Федоръ Усачевъ, Савелій Ивлевъ, Федоръ Бабкинъ, Авксентій Демиденко, Семенъ Ольховскій.

КЪ ГЛАВѢ VI-й.

(22)—Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 13-ть, унтеръ-офицеровъ 87-мь, музыкантовъ 16-ть, рядовыхъ 640.

([23])—Убиты—унтеръ-офицеры Денисъ Нахатенко, Тимофей Хромыхъ, Алексѣй Хаустовъ, Андрей Ролдугинъ, рядовые Василій Алексѣенко, Акимъ Пронинъ, Григорій Алешкинъ, Леонтій Рубанъ, Илья Быковъ, Дмитрій Гусевъ, Егоръ Прядченко, Петръ Савченко, Яковъ Кутищевъ, Иванъ Кимаровъ, Умеръ-Лейба Зельберштейнъ, Автомонъ Удовидченко, Иванъ Петровъ, Иванъ Рязановъ, Никифоръ Таможный, Трофимъ Куликовъ, Макаръ Житный, Семенъ Орловъ, Антонъ Рудинъ, Кипріанъ Курдюковъ, Дмитрій Петровъ, Павелъ Никулинъ, Степанъ Бутриновичъ, Андрей Калишкинъ, Семенъ Бышенъ, Прокофій Бокатовъ; ранены—унтеръ-офицеры Трофимъ Пугачевъ, Михаилъ Пушкарскій, Иванъ Ломоткинъ, Иванъ Сѣдыхъ, Михаилъ Перфильевъ, Григорій Никитинъ, Андрей Тарасовъ, Павелъ Поповъ, Прохоръ Павленко; горнистъ Осипъ Приспяковъ; рядовые Захаръ Алимовъ, Маркъ Бондарчукъ, Иванъ Высоцкій, Никаноръ Лысыхъ, Григорій Панченко, Семенъ Борщевскій, Николай Назимовъ, Емельянъ Гаршинъ, Михаилъ Гончаровъ, Андрей Колошко, Егоръ Ефимовъ, Василій Малаховъ, Прокофій Подольскій, Антонъ Мальцевъ, Андрей Алимовъ, Афанасій Куновъ, Петръ Гайдоровъ, Федоръ Бабкинъ, Иванъ Корольковъ, Петръ Безсоновъ, Александръ Гуриновъ. Матисъ Вайсбругъ, Григорій Просвѣтовъ, Казиміръ Якубовскій. Павелъ Строковъ, Никита Найденко, Елеазаръ Войновъ, Никита Петрикинъ, Степанъ Кривуля, Трофимъ Вѣткинъ, Семенъ Вичканъ, Павелъ Чернуха, Игнатъ Рясковъ, Иванъ Ильинъ, Михаилъ Князевъ, Федоръ Лаптевъ, Никита Смирновъ, Кириллъ Зальвинъ, Никифоръ Козловъ, Кузьма Дорохинъ, Кузьма Золототрубовъ, Степанъ Иванниковъ, Макаръ Сухобрусъ, Антонъ Малахинъ, Егоръ Колесовъ, Прокофій Сукопцевъ, Дмитрій Костинъ, Василій Тюпиковъ, Архипъ Гузенко, Иванъ Бурдыга, Иларіонъ Чередниченко, Морей Полянскій, Савелій Ивлевъ, Дмитрій Полехинъ, Петръ Матвѣевъ, Семенъ Ольховскій, Митрофанъ Фирсовъ, Ефимъ Бардаковъ и Степанъ Шпряевъ.

([24])—За отличіе въ дѣлѣ награждены слѣдующіе офицеры: Капитанъ Линдбладтъ—орденомъ св. Георгія 4-й ст., прапорщики Преображенскій—св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость", Шмидтъ—св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ, капитанъ Бейнардтъ—чиномъ маіора, прапорщикъ Дарскій—св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ, поручикъ Побыванецъ—чиномъ штабсъ-капитана и подпоручикъ Курочкинъ—орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.

Награждены знаками отличія военнаго ордена слѣдующіе нижніе чины:

Фельдфебеля: Федоръ Щербаковъ, и Петръ Грызловъ, 2-й ст., Кузьма Грузовъ 3-й ст., Яковъ Ивановъ 4-й ст., унтеръ-офицеры Вячеславъ Рѣзуновъ 2-й ст., Гавріилъ Егоровъ, Андрей Тарасовъ, Сергѣй Куркинъ, Романъ Буковскій 3-й ст., Андрей Константиновъ, Иванъ Заходякинъ, Степанъ Басовъ, Степанъ Здѣсенко, Яковъ Ярошенко, Борисъ Кириловъ, Акимъ Торинъ, Максимъ Шишловъ, Петръ Котовъ, Павелъ Поповъ, Силантій Хованскій, баталіонный горнистъ Иванъ Дауборъ, ротный горнистъ Степанъ Рубанъ 4-й ст., рядовые Иванъ Червякъ, Никита Мякушевъ, Ануфрій Ткачевъ 3-й ст. и 4-й ст. Никаноръ Гранкинъ, Фирсъ Колесниковъ, Моисей Валаха, Дмитрій Харкевичъ, Михаилъ Хохловъ, Тихонъ Удовидченко, Матвѣй Линикъ, Петръ Дрожжинъ, Парамонъ Ишковъ, Лаврентій Аношинъ, Филиппъ Ильинъ, Петръ Безсоновъ, Андрей Дѣдовъ, Митрофанъ Пожидаевъ, Семенъ Проваторовъ, Кириллъ Зайвинъ, Петръ Гейзеровъ, Семенъ Борщовъ, Иванъ Бурдкинъ, Антонъ Малыхинъ.

КЪ ГЛАВѢ VII-й

([25])—Оберъ-офицеровъ 14-ть, унтеръ-офицеровъ 75-ть, музыкантовъ 11-ть, рядовыхъ 558-мь.

([26])—Убиты—унтеръ-офицеръ Дмитрій Труновъ, рядовые Никита Бондаренко, Трофимъ Погребный, Степанъ Пучковъ, Семенъ

Восковъ, Митрофанъ Фиринъ, Василій Лаптевъ; ранены—рядовые Семенъ Суторинъ, Семенъ Солдатовъ, Никаноръ Гранкинъ, Иванъ Василенко, Фома Шабунинъ, Дементій Дементьевъ, Дмитрій Стрѣльцовъ, Ефимъ Шишковъ, Петръ Дрозжинъ, Иванъ Дубовъ, Лаврентій Аношинъ, Тимофей Ярковой, Игнатъ Беззубовъ, Акимъ Пономаревъ, и Петръ Набатчикъ.

([27])—Командовавшій баталіономъ капитанъ баронъ Зальца награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

КЪ ГЛАВѢ VIII-й.

([28])—Оберъ-офицеровъ 12-ть, унтеръ-офицеровъ 74-ре, музыкантовъ 11-ть, рядовыхъ 547-мь.

([29])—Ранены —унтеръ-офицеры Прокофій Черныхъ, Федоръ Перегудовъ, рядовые Семенъ Ефременко, Егоръ Котелковъ, Иванъ Хорошильцевъ и Григорій Бѣлыхъ.

([30])—Оберъ-офицеровъ 12-ть, унтеръ-офицеровъ 78-мь, музыкантовъ 12-ть, рядовыхъ 528-мь.

([31])—Убитъ—рядовой Иванъ Лагуновъ, ранены—унтеръ-офицеры Ефимъ Чигринцевъ, Дмитрій Бузинъ и рядовые Василій Коршуновъ и Викторъ Нартовъ.

КЪ ГЛАВѢ IX-й.

([32])—При возвращеніи баталіона въ Тифлисъ изъ ардаганскаго отряда, на станціи поти-тифлисской желѣзной дороги Михайлово, присоединились къ нему ратники ополченія—въ числѣ 291-го человѣка.

([33])—Прибылъ въ г. Тифлисъ 12-го марта 1878-го года, въ 11-ть часовъ утра, въ слѣдующемъ составѣ:

Оберъ-офицеровъ 15-ть, унтеръ-офицеровъ 68-мь, музыкантовъ 14-ть, рядовыхъ 773-рп.

([34])—Кромѣ того, нижеслѣдующіе гг. офицеры баталіона награждены за разновременныя дѣла въ 1877-мъ и 1878-мъ годахъ: капитанъ Линдбладтъ—чиномъ маіора, капитанъ Кирпо-

тинъ—орденомъ ст. Станислава 2-й степени съ мечами, штабсъ-капитанъ Побыванецъ—золотымъ оружіемъ, подпоручики Габаевъ 1-й и Латернеръ—чиномъ поручика, подпоручикъ Габаевъ 2-й—св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, подпоручикъ Купцовъ—св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, подпоручикъ Картвеловъ—св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщики Лонгиновъ и Дарскій—св. Анны 4-й степени съ надписью: „за храбрость", прапорщикъ Шмидтъ—св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщики Левитскій и Сергѣевъ—св. Анны 4-й степени съ надписью: „за храбрость", старшіе унтеръ-офицеры Константиновъ, Буковскій и младшій унтеръ-офицеръ Воскресенскій—чиномъ прапорщика.

Слѣдующіе нижніе чины награждены знаками отличія военнаго ордена: фельдфебеля Петръ Новиковъ, Федоръ Щербаковъ, Петръ Грызловъ,— всѣ три 1-й степени; Кузьма Груздовъ, унтеръ-офицеръ Иванъ Червакъ,—оба 2-й степени, унтеръ-офицеры Семенъ Дудинъ—2-й и 3-й степени, Андрей Тарасовъ—2-й степени, Ефимъ Чигринцевъ, Родіонъ Китаевъ, Павелъ Поповъ и Трофимъ Шапошниковъ,—всѣ четверо 3-й степени, Петръ Пономаревъ, Лукьянъ Покидинъ, Алексѣй Чибисовъ, Василій Полтавскій, Дмитрій Фроловъ, Онисимъ Скороходъ, Федоръ Левшинъ, Прохоръ Павленовъ, Василій Мясинъ, Михаилъ Перфиловъ, Андрей Варнаковъ, Моисей Аммосовъ и горнистъ Осипъ Кучевскій,—всѣ 4-й степени; рядовые: Никита Мякушевъ—2-й степени, Степанъ Кривуля, Савелій Ивлевъ—оба 3-й степени; Тимофей Саушкинъ, Григорій Махаповъ, Яковъ Митренко, Никифоръ Кокинъ, Александръ Жердевъ, Филиппъ Филиппенко, Дементій Дементьевъ, Иванъ Комаровъ, Иванъ Булимовъ, Василій Коршуновъ, Дмитрій Панкратьевъ, Павелъ Чижиковъ, Иванъ Василенко, Даніилъ Виноградовъ, Дмитрій Стрѣльцовъ, Яковъ Дымашевскій, Андрей Надярный, Иванъ Погребный, Демидъ Таможнякъ, Иванъ Рязанцевъ, Емельянъ Свѣтличный, Алексѣй Поповъ, Егоръ Неробѣевъ, Егоръ Шайкинъ, Кузьма Крижевъ, Федоръ Сте-

ганцовъ, Егоръ Настенко, Эдуардъ Майдель, Акимъ Пономаревъ, Тарасъ Воронинъ, Алексѣй Мѣняйловъ, Карлъ Стемерикъ, Кузьма Дорохинъ,—всѣ 4-й степени; Емельянъ Гаршинъ—4-й и 3-й степени; Антонъ Мальцевъ, Дмитрій Полехинъ, Станиславъ Козловскій, Степанъ Дерщиковъ, Михаилъ Князевъ, Алексѣй Хачидзе, Карлъ Навакъ, Ефимъ Самойловъ, Иванъ Остриковъ и Василій Панченко,—всѣ 4-й степени.

КЪ ГЛАВѢ IV-й.

([35])—Еще до прихода баталіона въ Ардаганъ, начали носиться слухи о враждебномъ намѣреніи турокъ вернуть свою потерянную славу рѣшительнымъ наступленіемъ на Ардаганъ. Подтвержденіемъ этихъ слуховъ были распоряженія начальника отряда о передвиженіи всѣхъ лишнихъ тяжестей неимѣвшихъ прямаго боеваго назначенія—въ глубь нашей территоріи, по направленію къ Ахалкалакамъ. Началась необыкновенно оживленная дѣятельность въ Ардаганѣ: турецкія орудія увозились въ Александрополь и Тифлисъ, милліоны ружейныхъ снарядовъ сжигались, издавая при этомъ страшную трескотню и разстилая густыя тучи пороховаго дыма; стѣны знаменитаго „Рамазанъ-Табія“, отдѣльнаго форта, сильно укрѣпленнаго турками, но неимѣвшаго для насъ никакого стратегическаго значенія, были также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взорваны;—началось движеніе обозовъ временныхъ госпиталей, полеваго интендантства, почтоваго отдѣленія, военно-телеграфнаго парка и т. д., пока наконецъ не получилось слѣдующаго до насъ касавшагося приказанія: 27-го іюня, баталіону, въ составѣ войскъ ардаганскаго отряда, выступить налегкѣ, при однихъ только вьюкахъ; обозу же, вмѣстѣ съ остальными тяжестями, съ помощью обывательскихъ подводъ, направиться по дорогѣ въ Ахалкалаки, за 40 верстъ отъ Ардагана, въ сел. Зурзуна.

Такимъ образомъ, баталіонъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, нахо-

дился безъ обоза и только 2-го августа соединился съ нимъ уже въ составѣ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, на кюрюкъ-дарпинской позиціи. Во избѣжаніе круговаго пути, предстоявшаго обозу черезъ Ахалкалаки и Александрополь, начальникъ ардаганскаго отряда генералъ-маіоръ Комаровъ нисколько незатруднился передвинуть его новымъ, совершенно невѣдомымъ въ то время, прямымъ путемъ, по сѣверовосточному берегу чалдырскаго озера, подъ прикрытіемъ 3-хъ казаковъ и баталіонныхъ фуршатовъ и нестроевыхъ, вооруженныхъ на это время остававшимися при обозѣ ружьями отъ убитыхъ стрѣлковъ. Съ нашимъ обозомъ слѣдовалъ также и обозъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ общимъ вѣдѣніемъ, исправлявшаго въ то время въ баталіонѣ должность завѣдывавшаго хозяйствомъ, штабсъ-капитана Кирпотина. Новый небывалый примѣръ такого передвиженія обошелся весьма счастливо, и, обозы благополучно достигли кюрюкъ-дарпинской позиціи 2-го августа.

2007231731